

Вражий питомец

Вражий питомец

АЛЕКСАНДР ВЕЛЬТМАН
СВЕТОСЛАВИЧ, ВРАЖИЙ ПИТОМЕЦ 1835

АПОЛЛОН МАЙКОВ
БАЛЬДУР 1870

НИКОЛАЙ ГУМИЛЕВ
ГОНДЛА 1920 - 1926

Вражий питомец

Арфа скальда

Стихи русских поэтов о Севере

АЛЕКСАНДР ВЕЛЬТМАН

Светославич, вражий питомец

АПОЛЛОН МАЙКОВ

Бальдур

*Песнь о солнце, по сказаниям
Старшей Эдды*

НИКОЛАЙ ГУМИЛЕВ

Гондла

ТЕРРА

МОСКВА
ТЕРРА—КНИЖНЫЙ КЛУБ
1998

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус)
В81

Редколлегия серии
Наталья Будур
Любовь Горлина
Сергей Кондратов
Ирина Шурыгина

Художники
Елена Грачева
Татьяна Хрычёва

Серия «Викинги»
подготовлена Издательским центром «ТЕРРА»
совместно со Скандинавским культурным центром «НОРД»

ISBN 5-300-01888-0

СОДЕРЖАНИЕ

Наталия Будур
К читателю от составителя серии

7

Александр Вельтман
Светославич, вражий питомец
Диво времен Красного Солнца Владимира

14

Иван Панкеев
«Зачарованный викинг, я шел по земле...»

169

Арфа скальда
Стихи русских поэтов о севере

172

Аполлон Майков
Бальдур
Песнь о солнце, по сказаниям Старшей Эдды

255

Николай Гумилев
Гондла

276

К ЧИТАТЕЛЮ ОТ СОСТАВИТЕЛЯ СЕРИИ

Вы держите в руках последний — двадцать пятый — том серии «ВИКИНГИ», подготовленный издательским центром «ТЕРРА» совместно с ООО «Культурный скандинавский центр НОРД» и при поддержке крупнейших издательств Швеции и Норвегии.

В самом начале нашей работы мне не верилось, что мы дойдем до конца — слишком велик был охват рассматриваемых событий, слишком большой материал предстояло «отработать». Поэтому без редакционной коллегии серии было просто не обойтись.

Особую благодарность хотелось бы выразить директору ИЦ «ТЕРРА» Сергею Александровичу Кондратову, который решил рискнуть и запустить в производство такой грандиозный и требующий больших материальных затрат книгоиздательский проект.

Двадцать пять томов вышли в рекордно короткие сроки — с ноября 1995 года по июнь 1998. К сожалению, нам не удалось избежать некоторых ошибок и погрешностей, но мы постараемся исправить их в следующих изданиях серии.

Тома выходили не по порядку, ибо некоторые книги требовали особенно пристального внимания и готовились к печати дольше других.

Теперь, когда серия завершена, мне кажется разумным привести задуманный мною порядок томов в их смысловой и логической последовательности:

КОРОЛЕВСКОЕ ЗЕРЦАЛО

Вера Хенриксен. Королевское зеркало

Сага о королевах

Карты: Юг Норвегии IX — XI веков

Центральная часть Норвегии IX — XI веков

Генеалогическая таблица конунгов рода Харальда Прекрасноволосого.

ЭРИК СЫН ЧЕЛОВЕКА

Ларс-Хенрик Ольсен. Путешествие в сказочный мир скандинавских богов

КОРНИ ИГГДРАСИЛЯ

Старшая Эдда. Мифологические песни

Из «Младшей Эдды»

Старшая Эдда. Героические песни

Сага о Волсунгах

Скальды

Саги

Пряди об исландцах

Приложения: Ольга Смирницкая. Корни Иггдрасиля

Ольга Смирницкая, Елена Гуревич. Комментарии

Ольга Смирницкая. Краткий словарь имен и реалий

ФРИТЬОФ СМЕЛЫЙ

Татьяна Чеснокова. «...И свод небес, и круг земной»

Эсайас Тегнер. Сага о Фритьофе

Эсайас Тегнер. Письмо о «Фритьофсаге»

Яков Грот. Очерк быта, религии и поэзии древних скандинавов

Г. Александров. Тегнер и его время

Древнеисландская сага о Фритьофе Смелом

ДЕВЫ БИТВ

Сигрид Унсет. Сага о Вигдис и Вига-Льоте.

Вера Хенриксен. Серябряный молот

Наталья Будур. Тигры моря. Введение в викингологию.

СВЯТОЙ ОЛАВ

Вера Хенриксен. Знамение

Святой конунг

МЁД ПОЭЗИИ

Уильям Моррис. Повесть о Сверкающей равнине

Ларс Леннрут. Древность и средневековье.

Тексты родового общества

А.К. Пауэс. Руны и манускрипты.

Наталия Будур. «Рун не должен резать тот, кто в них не смыслит»

Наталия Будур. К вопросу о мире викингов

Сверре Стеен. Что ели и пили викинги

МЕЧИ С СЕВЕРА

Генри Триз. Мечи с Севера

Закат викинга

Карл С. Клэнси. Сага о Лейве Счастливым,

Первооткрывателе Америки

ВИНЛАНД

Кирстен А. Сивер. Сага о Гудрид

Хельге Ингстад. По следам Лейва Счастливого

Карты: Исландия Гудрид.

Раскопки Хельге Ингстада

Открытие викингами Америки

Генеалогическая таблица рода Эрика Рыжего

ТРИЗНА ПО ЖЕНЩИНЕ

Коре Холт. Тризна по женщине

Г. Райдер Хаггард. Сага об Эрике Светлооком

Михаил Левицкий. Варяжские гнезда

Карты: Походы викингов

Средневековая Исландия

РЫЖИЙ ОРМ

Франц Г. Бенгтсон. Путешествие по западным морям

Путешествие на Восток

Карты: Путешествие Рыжего Орма по Скандинавии
Путешествие Рыжего Орма по Западной Европе

КОНУНГ

Коре Холт. Конунг. Человек с далеких островов
Конунг. Изгой

НАСЛЕДИЕ КОНУНГОВ

Коре Холт. Конунг. Властитель и раб
Харальд Тюсберг. Хакон. Наследство
Карты: Норвегия XIII века
Нидарос, конец XIII века
Осло, конец XIII века
Бьёргюн, конец XIII века

ХЁВДИНГ НОРМАНДИИ

Руне Пер Улофсон. Хёвдинг Нормандии
Эмма, королева двух королей
Карты: Англия IX — XI веков
Нормандия IX — XI веков
Походы викингов на Европу

ГАРОЛЬД АНГЛИЙСКИЙ

Эдвард Джордж Бульвер-Литтон. Гарольд, последний король
Англосаксонский
Огюст Тьрри. Завоевании Англии нормандцами.
Карты: Германское завоевание Британии и ранние англосаксонские графства
Англия в IX — XI веках

ВИЛЬГЕЛЬМ ЗАВОЕВАТЕЛЬ

Александр Торопцев. Бросок на Альбион

Хроника Альбиона
Сто лет (некоторые события X I века)
Династии и государства X — XI веков

Рисованные комментарии

НОРМАННЫ В ВИЗАНТИИ

Гюг Ле Ру. Норманны в Византии
Адольф фон Шахк. Норманны в Сицилии
Рисованные комментарии

ВИКИНГ

Эдисон Маршалл. Героическая сага о Любви и завоеваниях

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ САГА

Гарри Гаррисон. Фантастическая сага
Пол Андерсон. Сломанный меч

ГРОЗА ВИЗАНТИИ

Александр Красницкий. В дали веков
Гроза Византии
Красное Солнышко
Даниил Мордовцев. Русские исторические женщины
Сага об Эймунде

РУСЬ И НОРМАННЫ

Антонин Ладинский. Последний путь Владимира Мономаха
Сергей Соловьев. Великий князь Ярослав Мудрый
Таблица матримониальных связей русских князей и скандинавских конунгов

ВАРЯЖСКИЙ ПЛЕННИК

Юрий Вронский. Кукша, варяжский пленник
Елена и Александр. Сага о неведомых землях

ДВА КОРОЛЯ

Мария Семенова. Хромой кузнец
Два короля
Орлиная круча
С викингами на Свальбард
Сольвейг и мы все
Пелко и волки
Я расскажу тебе о викингах

ВЕТЕР С ВАРЯЖСКОГО МОРЯ

Елизавета Дворецкая. Ветер с Варяжского моря

ВРАЖИЙ ПИТОМЕЦ

Александр Вельтман. Светославич, вражий питомец
Иван Панкев. «Зачарованный викинг, я шел по земле...»
Арфа скальда. Стихи русских поэтов о Севере
Аполлон Майков. Бальдур. Песнь о солнце, по сказаниям Старшей Эдды
Николай Гумилев. Гондла

Нам хотелось, чтобы наша серия отличалась от других изданий о викингах — хотя бы включением в нее произведений древнеисландской литературы и мировой классики. Поэтому в «ВИКИНГАХ» появились тома, составленные и подготовленные к печати доктором филологических наук Ольгой Александровной Смирницкой, ведущим российским скандинавистом-медиевистом. Это «Корни Иггдрасиля» и «Фритъоф Смелый». В них вошли как новые переводы, выполненные такими мастерами как Владимир Тихомиров, Игорь Михайлович Дьяконов, Ольга

Смирницкая и Елена Гуревич, так и классические, уже много лет не публиковавшиеся и взятые из дореволюционных книг и изданий «Аса-детиа», давно ставших библиографической редкостью.

Исторические и матримонимальные связи между Русью и Скандинавией тоже не могли не найти своего отражения в нашей серии. Мы постарались представить как современных, уже известных и только начинающих авторов, так и классиков нашей литературы. Точно так же мне хотелось, чтобы в «ВИКИНГАХ» были представлены все жанры — начиная серьезными историческими исследованиями и заканчивая романами в жанре фэнтези и научной фантастики.

Вы держите в руках необычный том, аналогов которому нет в нашей книгоиздательской практике. Он посвящен «скандинавской» теме в русской литературе. Первое произведение в этом томе принадлежит Александру Фомичу Вельтману (1800 — 1870), прозаику и поэту, автору многочисленных трудов по истории и фольклору, сыну шведского дворянина, член-корреспонденту Академии наук, директору Оружейной палаты. Вторая часть — стихотворная — составлена из произведений русских поэтов кандидатом филологических наук Иваном Алексеевичем Панкеевым.

История викингов интересна не только набегам и грабежами, но и тем влиянием, которые оказали они на Европу, ибо ими было основано несколько государств, открыты новые земли. Они создали чудесную литературу и искусство, которые по настоящему были оценены лишь в конце века XX-ого.

Викинги проникли во Францию и Византию, Америку и Русь, Англию и Ирландию и сыграли одну из главных ролей в их истории. Обо всем этом мы тоже постарались рассказать в своей серии, часто выходя за рамки непосредственно «эпохи викингов».

Надеюсь, что «ВИКИНГИ» вам понравились, доставили удовольствие и помогли приоткрыть дверь в мир норманнов, помогли представить себе жизнь, которую вели люди на Севере больше десяти веков назад, помогли узнать их обычаи и нравы, поэзию и эддические сказания.

Счастливого плавания на викингских драккарах!

Наталья Будур

АЛЕКСАНДР ВЕЛЬТМАН

Светославич, вражий питомец

I

Над Киевом черная туча. *Перун-Трещица** носится из края в край, свищет вьюгою, хлещет молоньей по коням. Взвиваются кони, бьют копытами в небо, пышут пылом, несутся с полночи к *Теплому морю*. Ломится небо, стонет земля, жалобно плачет заря-вечерница: попалась навстречу Перуну, со страха сосуд уронила с росой, — разбился сосуд, просыпался жемчуг небесный на землю.

Шумит Днепр, ломит берега, хочет быть морем. Крутится вихрь около *дупла-самогуда* у Княжеских палат, на холме; проснулись Киевские люди; ни ночи, ни дня на дворе; замер язык, онемела молитва. «Недоброе деется на белом свете!» — говорит душа, а сердце остыло от страха, не бьется.

Над княжеским теремом, на трубе, сел филин, прокричал вещуном; а возле трубы сипят два голоса, сыплют речи их, стучат, как крупный град о тесовую кровлю.

Слышит их Княжеский глухонемой сторож и таит про себя, как могила.

— Чу! Чу! — раздается над теремом.

* Бог треска, гром; простонародное старое выражение помещено в словаре Трязычном

— Не чую? — отзывается другой голос.

— Чу! здесь слышнее, приникни... чу! быть добру! нашего поля прибудет!..

— Не чую, как ни сунусь, везде крещеное место! Лучи, как иглы, как правда людская, глаза колют; а ладные звуки закладывают уши. Построили терем! спасибо! хорош! добро бы сквозь дымволок путь, да за печкой или в печурке место *простое* для нашего брата! так нет: все освятили крестами враги!..

— Не хмурься, *Нелегий*, найдем место! без нас кому и житье? те! чужь?

— Ни слова!..

— Чу, чу!.. Ну, друг, припасай повитушку, готовь колыбелку, готовь кормилку!..

— Да вымолви, что дается в Княжеском тереме?

— Скоро наступит раздолье! выживем крест с родного холма! Князь с Княгиней спор ведут: как звать, величать будущего сына. Княгиня говорит Скиольдом, именем Свенским-крещеным — да не разорить ей *нас*! Князь хочет звать Туром... Чу, подняла плач и вопль, взбурилась!.. взбурился и Князь! — чу, клянет он ребенка! «Провались, утроба твоя!» — говорит... Ступай, ступай, *Нелегий*, несишь за баушкой-повитушкой!..

Крикнул снова филин в трубе Княжеского терема, застонал, обвел огненными очами по мраку, хлопнул крылом; завыл сторожевой пес, вздрогнул глухонемой привратник, молния перерезала небо, Перун-Трещица круто заворотил коней, прокатился с конца в конец; припали Киевские люди, творят молитву.

— Недоброе дается на белом свете! — проговорила душа, а сердце замерло.

Зашипело снова над Княжеским теремом, застучали темные речи, как град о тесовую кровлю.

— Здорово! совсем ли?

— Ступай принимать! все что в утробе, все наше!..

— Ну, добрая доля! как же проникнуть мне в Княжеский терем?

— Вот скважина возле трубы, да щель, да гнилой *сердцевиною* вдоль перекладкины, прямо *накатом*, по стенке, да в угол...

— Да кто тут пролезет!.. словно уж в тереме нет ни окна, ни дверей...

— Много, да святы: крест на кресте!.. Ступай же, ступай, пови-

тушка, покуда *певень* не повестил полночи... Эх растолстела! скоро тебя и простыми глазами рассмотришь!..

— Ну, так и быть... э! завязла!..

— Свернись похитрее да вытянись в нитку, а я с конца закручу да словно в ушко и продену сквозь терем.

— Шею свернул, окаянный!..

Филин на трубе взмахнул крылом, крикнул недобрый вещуном; вспыхнуло, грянуло в небе; прокатился грохот между берегами Днепровскими, встрепенулась земля, взвизгнули сторожевые псы, вздрогнули Киевские люди.

В ложнице Киевского Великого Князя темно; светоч тускло теплится перед капищем-складнем, только изредка свет молнии отсвечивается на оружии, развешанном по стенам: на серебряных луках Команских, на *спадах* и мечах Асских и Косожских, на сулицах Бошнякских и на восьмидесяти золотых ключах Болгарских. Вместо пухового ложа широкая дубовая лавка с крутым заголовком, на лавке разостлана оленья шкура; не мягко, но *добросанный, дерзый* Князь Светослав опочивает крепким сном.

Прошедшее и будущее сливаются в его сновидении: видит он Хазар, распространяющих власть свою от Русского моря до Оки; они вытеснили Болгар от реки Белой, завладели богатою столицей их *Вар-Хазаном*. А Вятичи, соседи их, как разбитая ветром туча, носятся, оглашают воздух словами: «Не хотим платить Жидам по *шлягу с рала!*.. стань за нас. Светослав, силой своей!..» Идет Светослав с полками Киевлян, Кривичей и Древлян к Римову, приступает к Сары-Кале; раскидывает по камню *великую вежу*; гонит Хазар лозою; несутся Хазары, как черные враны в степи; а Светослав близится к дому, принимает дары от Тора, станицы Бошнякской; Хазарские Жида близ Волги встречают его золотом, Аланды, соседи их, также; от Волги возвращается Светослав чрез земли Азов и Азак Таурме-нов, живущих по берегам Торажского озера, до устья Дона. На обратном пути принимает новые дары от кочующих Куман...

Стелется путь Светослава Игоревиича славой и золотом, да ему этого мало: на полудни все небо оковано златом, осыпано светлым камнем...

И вот легкие крылья сна переносят его за Дунай; быстро приближается он к высоким берегам, сливающимся с небом; болонье покрыто шелковым ковром, солнце горячо, а волны и рощи дышат прохладой, светлые струи алмазного потока льются с гор, а жажда лобызает их, а утомленные члены тонут в волнах. Вдали ропщет свирель, эхо делит ее печаль... а Светославу все слышатся гулкие трубы — зовут его к бою. Вот, в глубине лесистого *Имо*, великий *Преслав*^{*}, стольный град Краля Болгарского, светит золотыми кровлями, покоится в недрах гор.

На холме белеют и горят солнцем палаты Бориса... а Борис горд, сидит на златокованом столе, держит державу да клюку властную, не хочет знать Светослава.

Светослав торопится перед полками своими; грозит обнаженным мечом Борису, приближается... вдруг горы сомкнулись, Преслав исчез...

В отдалении, на холме, вежи Тырновские, окруженные садами; а за ними темный лес, посвященный *Морану* и *Трясу*, тому Трясу, который является людям, окутанный в тени лесные... около него вьются, перелетая с дерева па дерево, тоскующие души несожженных покойников... А хитрые Греки стоят на горах да грозят издали Киевскому Князю. Взбурился Светослав на Греков, заступников Хазарских. Видит он, как Феофил тайно шлет своего *Спатаря* укреплять границы против Руси. Спатарь строит новую великую крепость и стену пограничную. Ковы строят Греки! мыслит Князь, и кипит мщением, несется на трехстах ладьях к Царьграду, полосует море... и вдруг... море не море — степь необозримая, вместо волн ковыль колышется, вместо ветров свистят со всех сторон стрелы, вместо тьмы ночной — тьмы Бошняков... Скрылся свет от взоров, кровавое солнце утонуло в туманах небосклона... тишина могильная... замерло сердце Светослава... дыхание стеснилось...

Вылетел из груди его глубокий вздох, тьма отдаления вспыхнула, зарумянилась, свет снова стелется по небу, высокий *Имо* тянется уступами в обитель миров. За *Имом* Фракия; уступами склоняются горы к Белому морю, рассыпаются по нем островами...

* Переяславль Болгарский Мегалополь (великий город), Марциано поль (град Марцианы, сестры Трояна).

В отдалении, в лиловом тумане, видит он Игоря и Олега и щит Русский на вратах Царьграда. Затрепетало сердце его...

— Свенельд! — восклицает вдруг Светослав, очнувшись от сна.

Свенельд, пробужденный внезапным, громким голосом Князя, вскакивает с ложа, вбегает в ложницу Светослава.

— Я иду за Дунай! — готовь сильную рать мою, Свенельд!.. Все, что платит Киеву дань, со мною!.. — произносит Светослав и забывается снова.

— То бред сонный! — говорит про себя Свенельд, выходя из ложницы.

В одрине Княгини Инегильды горят светильники пред Божницею, золотые лаки пылают разноцветными огнями, огромные жемчужины отбрасывают от себя радужные цветы.

Сквозь слюдовые окна видна на дороге грозная ночь. Стены в покое обиты рытым *изарбатом*; резной потолок украшен узорами из жемчужных раковин; стол покрыт паволочитым шитым покровом с золотой бахромою, лавки также; на поставце стоит золотая и серебряная утварь, и город Торнео, кованный из золота, родина Инегильды.

На резной кровати с витыми столбами и шелковою кровлею тонет в пуху Инегильда; багрецовое одеяло вздымается на груди ее, ночная повязка скатилась с чела, русые волосы рассыпались по изголовью, ланиты разгорелись, над закрытыми очами брови изогнулись, как темные ночные радуги. Тяжело дыханье Княгини, тяжки вздохи.

Вдруг вскрикнула она *благим матом*, очнулась, приподнялась, приложила руку к сердцу, водит взоры вокруг себя, вся дрожит.

— Девушки!.. кто тут!

Две спальные девушки спросонков бегут из другого покоя.

— Девушки!.. — продолжает Княгиня. — Кто тут?.. Ох, страшно!.. кто тронул меня?..

— Нет никого, Государыня Княгиня! — отвечают девушки, трепеща от страха: сквозь хрустальное красное окно видно, как молния палит небо.

— Ох, что-то недоброе содеялось у меня под сердцем... хочет

выскочить... сердце!.. взныли все кости!.. чу! что загудело в трубе?.. где плачет ребенок?..

— То ветер взвыл, Государыня!

— Ох, нет, не ветер!.. то воет пес, то стонет птица ночная!.. болит под сердцем!..

И вдруг Княгиня залилась слезами, зарыдала, и вдруг умолкла, упала без памяти в подушки.

Стоят над нею девушки, бледнеют от страха.

Пышет вдали молния, гремит Перун-Трещица; слышит, глухо-немой сторож Княжеского двора: опять стучат чьи-то темные речи, как град о тесовую кровлю.

— Эх, бабушка, мешкает! того и гляди, что певень зальется!..

— Нелегкой! — раздался вдруг голос повитушки из внутренних хором.

— Приняла, да не знаю, как выйти: ребенку пять лун, его не вытянешь в нитку, не проденешь в ушко. Слетай-ко за *словом*. Пришлось обратиться в невидимку; да скоро! певень проснулся, крылья расправил!..

— Зараз!..

Утихло.

Филин хлопнул крылом, вспорхнул, полетел; певень полуночник хлопнул крылом, залился. Приняли его голос и все петухи, поют.

II

Когда природа была моложе, одежда ее блестящее, румянец свежее, дыхание благовоннее, когда воспевали ее певцы крылатые, летающие непорочные души первых населенцев мира, когда человек жадно, внимательно слушал ее плавные речи, — когда жизнь человека была не ношею, не оковами, не темницею духа, но чувством самозабвения, блаженной любовью, невинною, ненаглядною девою, на которую очи смотрели не насмотрелись, от которой сердце не опадало, не щемилось, не тоскнилось, не обдавало души страхом, а билось так радостно, что мысли исчезали, душа, как голубь, вспархивала, носилась, вилась, парила и возвращалась в свою голубницу, чтоб ворковать о ясных днях, о светлых надеждах...

В это-то время ржа переела оковы *Нечистой силы*, заключенной при создании мира в недрах земли, и духи злобы, почувствовав волю мышц, ветрепетнулись, прорвали семьдесят семь тысяч слоев земли, хлынули на *Белый свет* посреди цветущей *Атлантиды*, понеслись селить вражду между стихиями и людьми.

Долго колебалась земля, долго волновался океан; а *Атлантида*, разраженная взрывом, рассыпалась по водам прахом, исчезла.

Нечистая сила селилась на земле; первоначально избрала она своей столицею землю Халдейскую близ Красного моря, где жило племя *Рыжих*; их научила она войне, хитрости и обману, научила *мокроу* и *порче*, научила страху и надежде, построила *ограду* и *Вежу великую*, заставила поклоняться *скрытому*. Но скоро *заповеди* изгнали ее оттуда с толпами народа *колдунов*, *волшебников* и *чародеев* в мрачные болота севера. «И отошла она, — как говорит предание, — в великие леса и в водные и в потные дубровы и раменные места, на черные и мягкие земли». Долго царила она там, но крест и там пресле-

довал ее и заставил искать *недоброго места* в глубине лесов и в ширине степей Руси.

Обратилась Она в сорок, поднялась черною стаей, скрыла от людей свет солнечный, тучею опустилась на берега Днепровские, против того места, где была в святых горах *kuffe Saka Herra*.

Покуда строился *стан* ее *Саббат**, новый *Кааба*** названный Константином Багрянородным *Самват*, стояла она долгое время на *Лысой горе* табором и считала свои доходы.

Каждый *Нелегкий*, отпущенный на *соблазн*, должен был приносить в известное время положенный оброк, определенное число *черных душ*. Сборщик податей принимал их как кипы ассигнаций, считал их на левой ладони указательным пальцем правой руки, внимательно перевертывал, *осязал*, просматривал на свет: нет ли фальшивой, и принимал в половину цены против *ходячей монеты* на белом свете.

Вскоре *Нечистая сила* заняла лучший холм, *bor-bairg*, или *Torgborg*: гору Торову, осененную дубовою рощею; поселилась над самым Днепром в трущобе леса, в ущелье берега, который впоследствии прозвался *чертово бережище*.

Близ погребница *господ* Скифских, засыпанного временем, было приволье *Нечистой силы*; завелся стольный град *нелегких*, *упырей*, *ведьм* и *русалок*.

Прибрав к рукам почти весь Днепр, они раскидывали окаянные сети свои во все стороны: на полночь до моря Мразного, на восток до гор, «*Им же высота аки до небеси, идеже суть заклепани Александром Македонским Царем, сквернии языци*», на юг до *Теплого моря*, на запад до моря *Венецицкого* и далее. Ловили сетями людей и учили их «*безстыдно всякое деяние деяти*».

Тут столько расплодилось *Нелегких*, что не было прохожего, которому бы враг ноги не подставил.

* Шабаш — суббота — недельный праздник древних.

** Древнейший храм Мекки в виде четверугольной башни; там хранится до сего времени камень, на котором, по преданию, сживал Авраам. Сей храм до Магомета заключал в себе триста ликов божьих. В сем храме произведения лучших поэтов Аравии, написанные золотыми буквами, висели в честь бога, внушавшего оные. Сии стихи называются *Муалла-каты*. — Слово сие значит *висящий*.

На этом-то холме люди в безумии своем поставили кумира: «Его обличие высоко, образ страшен, голова из чистого золота, руки, мышцы и перси из серебра, чрево и стегна медные, голени железные, ноги и подножие мраморные».

Этот кумир одними назывался *Бел-бог*, иными *Перун*, другими *Тор* или *Чор*, и стоял он в кумирне под *небом*, или *Ваал-даком*.

Таким образом, наставляя людей злу и неправде, *Нечистая сила* жила на *бережище* припеваючи и воображая, что «нет конца ее силе, аки миру». Но отторгся камень от горы, без рук, ударил в кумира, и стер скудель, железо, медь, злато и серебро в прах, а ветер развеял его.

Пришел учитель *Святого слова* поведать истину Русским людям. Русские люди не верили словам, хотели чудес.

— Изгони, — говорили, — Белобожича с его высокого холма!

— Изгоню, — отвечал он и с крестом в руках поднялся на высокий холм, водрузил на нем крест.

Зарычала *Нечистая сила*, угомонилась, и полк ее отступил со священного холма, выше по Днепру, на крутой берег, в рощу, лежащую близ Княжеского заветного луга и Княжеских лесов; а чтоб *Омуту* и ведьмам иметь свободу ходить по Днепру, то *Нечистая сила*, отклоняя реку от холма, прососала новое русло, которое люди и называли *Черторырею*.

На холме же Княгиня Ольга поставила свой златоверхий терем, который высился гордо и смотрел на Киев и окрестности. Кровля терема была медная, золоченая, все окна до одного были красные, стены лаженные снаружи разноцветною черепицею. С левого круглого выходца виден был Днепр, скрывающийся в густом лесу; от реки *Почайны луговая оболонь*; близ самого Днепра, на речке на *Глубочице*, стоял храм, строенный Ольгою в честь Св. Ильи громовержца божия, которого язычники называли *Крестьянским Перуном*. Прямо, за Днепром остров, составленный *Черторыею* и покрытый лесом; за *Черторыею озеро Золоча*, а за ним светились рассыпные пески *Лысой горы*.

С правого выходца видно было в отдалении, как Днепр прятался за *Витичев холм*, на котором стоял храм Св. Вита, построенный гостями веры *Папезской*; за холмом оконечность села *Займища*. Перед Витичевым холмом, немного левее оною, чернелась могила того *Дроттара-Скиольда*, который от Новгородского Князя был *Слом* у

Греческого Царя Михаила и потом *рядил* на Киевском столе у Полян и Руссов.

Между Витичевым холмом и *Скиольдовой* могилой чернелся густой лес; а на скате крутого берега ущелье, а в ущелье труппа, а в труппе место темное, клятое, про которое страшно было и говорить.

Вправо, близ березовой рощи, над холмом Скиольдовым, было село Берестовец, а правее оно за окопом пространные Княжеские луга.

Перед заветными лугами, по скату лощинки, впадающей в ручей *Лыбедь*, видно было длинное село Шулявщина, Добрынине, с двором Боярским и теремом, где жила *Мила*; правее, в расстоянии одного поприща, тянуло село Княжеское Перевесище; а за ним, в садах, Варяжская Божница *Германеч* и холм, прозванный *Даровым*, ибо на сем месте стоял некогда Тор в виде Диры или быка, покровителя стад; далее, за *Становищем* и *Дорожащем*, лежащими на левом берегу Лыбеди, чернелся лесистый правый се берег.

С левого выхода, бросив снова взоры на *луговую оболонь* и на извиющуюся по ней речку *Глубочицу*, любопытство останавливалось на густой Яворовой роще, в недрах которой чернелось здание и воздымалась *Высокая*; тут, говорили люди, был последний приют *Волоса*. За рощею светилось озеро и струи реки Почайны. Левее озера выказывался холмистый крутой берег, оканчивающийся урочищем Скавикою, на котором видна была белокаменная Олегова могила.

Далее взоры терялись в лесах, в извилинах Днепра, в синеве отдаления, как память в глубине прошедшего, как луч света во мраке, как звук в пустыне, как ум в соображениях.

Красен был Киев; а кто не был в Киеве, тому не поможет раскаяние, говорили праотцы. Киев преддверие рая, говорили они, там светел Днепр, таинственны, святы берега его, высоки, зелены холмы, чист воздух... Но что было там прежде!.. что было там!.. о! идите поклониться Киеву, потомки Скифов! нет древнее его святыни, нет святее его древности! нетленна тайна, но тленен покров ее. Идите, потомки Скифов, поклонитесь Киеву, там найдете вы современников Дария, Митридата и Аттилы!

Тосковала *Нечистая сила* о приятном холме, злоба взяла *Нечистую силу*. Чего ни придумала она, чтоб выжить с места крест и овладеть своим древним *станом*. Ничто не помогло. Не имея права принимать на себя человеческого образа. *Нечистая сила* стала в понь. Но один хитрый *думец тьмуглавого змия* придумал воспользоваться не только *проклятыми людьми*, но и проклятыми детьми в материнской утробе.

— Воспоим людское детище сами, кровью людской, — говорил он, — воскормим в своем законе; возрастет, будет неизменным пророком лжи и неправды, восстановителем старых уставов Белбоговых, поклонником тления... Его сделаем мы земным владыкою.

— *Кикимора**! — вскричала вся *Нечистая сила* радостно. — *Кикимора!* — повторилось в ущельях гор и в трущобе лесов; взвились пески на *Лысой горе*, вздулся Днепр, заклокотали ведьмы, перекувырнулись *упыри*.

И положено было в Сейме на *Лысой горе* сделать первый опыт воспитания людского детища на иждивении *силы Нечистой*. И в лето 6375 первая попытка была над сыном Суждальского Князя Рюрика Африкановича, который был, как говорит летопись, от рода Августа Кесаря Римского. Но у *Нечистой силы* первый блин стал комом.

Второй выбор пал, как мы уже видели в первой главе, на Свето-славово детище, проклятое отцом в материнской утробе.

* Есть то же, что *Сочетар*, но, по поверью Русскому, младенец, проклятый в утробе, — утроба проваливается, младенец исчезает и воспитывается *Нечистой силой* на зло людям

III

Дело шло на лад; *Нечистая сила* пиновала на счет будущих благ. Ведьмы на Лысой горе хороводы водили, звонко распевали: у-у! у-у! Киевские люди со страхом прислушивались, а Светослав, возвратившийся почти поневоле из Булгарии в Киев, по вызову Ольги, да *непраздной* своей Княгини Ипегильды, да Бояр и старейших мужей для защиты Великого Княжеского города от нахлынувших *Бошняков*, скоро соскучился в Днепровской столице, особенно после ссоры с своею Княгинею за имя будущего сына. Его стало все сердить на Руси. Инегильда заболела; призвали повитушку; старуха взглянула на Княгиню, приложила руку под сердце...

— Кое уже время, Государыня, ты *непраздна?*

— За половину, — отвечала Княгиня.

— Словно нет ничего! — прошептала старуха. — Ох, недобро! провалилось чрево твое! убило злое слово младенца!..

Нахмурился Князь, когда дошла до него эта весть, проклятие детища легло у него ни душе.

— Не любо мне в Киеве! не пригрею места себе! — сказал он своей матери Княгине. — Хочу за Дунай! Там стол Великокняжеский, благая среда земли моей. Посажу Ярополна в Киеве, Олега в Деревскую землю, и пойду туда!..

Больная Ольга умолила сына своего пробить в Киеве хоть до се смерти; но скоро настал конец Ольги, и ничто не могло уже остановить желанья Светославова. Похоронив мать свою, назначив уделы сыновьям, он сел в красную ладью; Великокняжеское паволочитое ветрило распахнулось, крутой рог загремел, вёсельщики грянули в лад, вспенили волны, запели ратную песню, ладья отвалила, а Светослав, стоя на корме, прощался поклонами с женой и детьми, с

Боярами и народом. Все вопило, рыдало над Днепром, как будто над могилой Светослава.

Кто не знает из вас, читатели, Нестора, того маститого старца, что стоит в храме Русской Истории на гранитном подножии, как древний кумир, которого глаголам веруют народы, пред которым историки, как жрецы, ходят с кадилом, а романисты черпают из трехсотведерной жертвенной чаши события прошедших веков и разводят каждое слово водяными вымыслами?

Из слов этого-то Нестора известно каждому, что когда Новгородцы пришли просить у Светослава Князя себе, то *Добрыня*, дядя Владимира, сказал им: «Просите Володимера, Володимер взором красен, незлобив нравом, крива ненавидит, любит правду, клюки ж в нем нет». И Новгородцы рекли Светославу: «Дай нам Володимера!» И Светослав, стоя на корме, прощался поклонами и с женой и рынею и *Силами* Новгородскими в Новгород. Здесь, кстати, поведаю я стародавнюю вещь, правду истинную:

На восток от Танаиса, в Азии, был Азаланд, или Аза-хейм; столица сей земли называлась Астард, т.е. *град Азов*, богов; правитель сей земли был Один, муж великий и мудрый. Это было в первом столетии до Р. Х. Предвидя приближение грозы от Рима и падение своей власти на берегах Черного моря, он удалился с большею частью народа своего к северу.

Пройдя Гардарикию, или Ризенландию и Сакаландию, он пришел в Фионию, принадлежавшую Свойскому Конунгу.

Не желая заводить раздора на новоселье, Один послал послов в Гильфу, Свойскому Королю, просить, по древнему обычаю, *земли и воды*. Гильф, зная уже по слухам победоносного Одина, дал ему часть болотистых пустынь Фионии. Один обвел часть сию плугом и назвал *Плогс-Ландией*, т. е. пахотной землей. Сверх сего Гильф дал для поселения Азских людей весь *Бримир* до гор Уральских, т. е. граничных гор. Таким образом, пришедшие с Одним Азы и Торки населили Бримир, или Биармию, а Ваны, или Финны, заняли Плогс-Ландию. Ваны построили на реке, соединяющей два больших озера, *Волхов*, т.е. двор божий, где и был главный их храм; озеро прозвали они *таоге*, т. е. вода, болото.

Между тем давние зашельцы на север, родовитые Русины, — кои Готты, соседи Поморские, величали Рутянами, — стесненные на

берегах Урманского моря новыми пришельцами, были терпеливы, покуда языческая вера их была сходна с древней религией соседей; но когда Готты, приняв в третьем столетии на юге Христианскую религию, перенесли ее и на север, в четвертом столетии стали смеяться над коваными и рублеными богами, а в пятом гнать кованых и рубленых богов и поклонников их, тогда Славяне, Русины Поморские, озлобились, и все, что только могло носить оружие, поднялось по слову, двинулось на новоселья, под предводительством Князя *Вавула*. По древнему обычаю, послали они послов к Финнам и требовали земли и воды; но Финны отказались от сего одолжения, надеясь на помощь Свеев; тогда Славяне нахлынули на их землю, покорили Плоксгоф и Валхов и населили земли от Двины до Волги. Станом своим избрали они озеро *Маозе*, прозвали его *Лиманом*, т. е. озером, возобновили город *Валхов*, прозвали Новоселье *Новым градом*, стали жить, поживать и славиться.

После сих событий прошло пять столетий, когда Владимир подъехал к Новгороду. Все люди Новгородские, из днешного и окольного города, высыпали навстречу; а посадники, люди *жилые*, и старейшие, и *старосты конечные* встретили его у ворот городских-торжинских, поклонились до земли, пожелали вековечного здравия и поднесли на золотом блюде каравай и соль, а на серебряных блюдах обетных зверей и птиц, выпеченных из пряного теста.

На реке ожидала уже Владимира *Княжеская ладья* красная, золоченая, с *небом* паволочитым и стягом Новгородским, на котором с одной стороны был изображен Нард и две звезды, с другой — лик *Святого Витязя* с тремя стрелами в одной руке и с рогом в другой.

При громах *славы*, песни хвалебной Владимир спустился в ладью; сорок вёсельников в лад закинули веслы, пригнулись вперед, могучими руками вспенили Волхов, и ладья, как стрела, спущенная из лука, перенеслась с Торжинского *полу* на *он пол*. От пристани до *хорами бога света* путь был устлан красным сукном; народ кипел по обо стороны.

Слуги хоромные подвели Князю Белого божьего коня и повели под узды к храму, огражденному святым рощеньем и дубовым тыном. За храмом был *темный луг*, и ветер шумел по вершинам столетних священных дубов; над преддверием возвышалась круглая башня, на вершине которой звонарь ударял в *било*.

У входа встретил Владимира *Вещий старый** владыко и Божерок, в гловуке высоком, красном, повитом белою пеленою до земли, с жезлом змийным в руке, полы *сорочицы*, покладенной жемчугом, несли отроки юные; жрецы и слуги хоромные вышли со свечами и *темьяном*. Спевальщики хоромные затянули громогласно:

*Иди, Княже Светославич, в домов бога,
В домов бога великого, в хором бога света!*

*У того венец золотный, слава мира,
Слава мира, речи грозы, грозы-громоносцы!*

*Помолися, Светославич, божью лику,
Лику солнца, лику свету, всесветному оку!*

*Упестрит Княжью ризу полем звездным,
Полем звездным, узорочьем, — опояшет властью!*

*Ухитрит Княжью душу на ум-разум,
На ум-разум и на слово, слово мед изуственный!*

*Он усилует советом, беспечальем,
Беспечальем, дружелюбьем, благой благодатью!*

*Раздерет покровы вражьи черным горем
И найдет на них туман, туман и омрак!*

*Мир ти, боже, мир ти, Княже, мир ти, друже!
Слава вяцишим, слава людем, людем Новгородским!*

«А со мною любовь возьми вовеки!» — раздалось из внутренности храма, и все утихло.

«И красное и сладкое пребудет жизнью твоею, и будет слово мое цельба тебе!» — раздалось еще громогласнее.

После привета Князю и поклона Вещий владыко принял дары

* Жрец, прорицатель Храмовый, дающий советы; отсюда идея *мудрый*.

Владимировы и внес во храм. Мужья Княжеские передали *слугам* хоромным золотую великую лохань, пещренную хитрым делом и камнями, ларец с драгоценными *манатьями* и ризами, два блюда с златницами Греческими.

Храм Волоса не представлял ничего роскошного снаружи: это было огромное четверугольное здание, построенное из столетних дубов, почерневших от времени и обросших мохом; крутая крыша походила на темный луг; вокруг здания были двойные сени с навесами, верхние и нижние.

Под самой кровлей были волоковые продолговатые окна, сквозь которые, с верхних сеней, дозволялось женщинам смотреть на совершение обрядов во внутренности храма; ибо женщины не имели права входить в оный.

За храмом был пруд, осененный высокими липами, а за прудом палаты Владыки с горницами и выходцами, и избы жрецов и слуг хоромных.

Не красуясь наружностью, храм Новгородский славился богатством от взносов и от доходов *волостных*.

Никто не помнил, когда его построили. Носилось поверье, что это тот же самый храм, который построен Финнами и про который *колдунья* Финская пророчила, что это «последний храм *болвана* и другого уже не будет — и сгинет вера в болванство, когда кровля Божницы обратится в тучное пастбище, а с восточной стороны выпадет бревно».

Долго не верили Новгородцы этой молве, но, когда уже пришел храм в ветхость и покрылся мохом, поверье более и более распространялось, страшило народ. Однажды, во время праздника *Веснянок*, вдруг задняя стена *крякнула*, и решили на Вече строить новый храм.

Начали строить, поставили кровлю; но в одну ночь поднялась гроза, громовая стрела ударила в строение, спалила его. Пророчеству Финской колдуньи поверили вполне. Вещий владыко требовал от Веча начать снова работу, но *увечанья* не положили, по случаю начавшихся раздоров с Полоцким Конунгом Рогвольдом, принудивших Новгородцев просить себе Князя и помощи у Светослава.

Когда Владимир вступил в Божницу, глаза его были омрачены лучами светочей. Под сквозным литым медяным капищем, на высо-

ком стояло, под небом, осыпанным светлыми камнями, обведенным золотой бахромчатой полой с тяжкими кистями, воздымался на златом столе древний боже Волос. Лик его из слоновой кости почернел с незапамятного времени; на голове его был золотой венец, вокруг головы звезды; в одной руке жезл, в другой стрелы; покров из цветной ткани лежал на плечах и, опадая вниз бесчисленными складками, расстился по подножию. По правую сторону капища стоял стяг Владычен, а перед хитрыми узорчатыми воротами капища стоял Обстный жертвенник; подле, на малом стояло, жертвенная чаша; влево был стол Княжеский с кровлею, вправо стол Вещего владыки. Подле стен, с обеих сторон, на высоких стоялах два небольших божича, оставшихся после Финнов в храме; один из них был золотой, и говорили, что это золотая баба, мать стоявшего напротив божича Чура, которого люди называли Врагом. У задней стены стоял поставец с посудой жрической: боковые стены были увешаны дарами, золотыми и серебряными кольцами, ожерельями и изображениями различных членов тола, которые, по обещанию, жертвовались во время болезней: болит рука, приносят в жертву серебряное подобие руки; болит нога, подобие ноги.

Едва Владимир занял свое место, раздался звук трещал и колокола, потом шумный хор — однозвучное, мрачное, протяжное пение, Вещий подошел к жертвеннику, взял рог от подножия Волоса и влил часть вина в чашу. Между тем принесли на одном блюде жрический нож, на другом, под белым покрывалом, агнца; печальное бление его раздавалось по храму и сливалось с звуками мрачного пения; агнца положили на камень жертвенный; Вещий взял нож, произнес какие-то слова, и кровь из бедного агнца полилась в чашу, в чаше вскипело, поднялся густой пар.

«Благо, благо тебе!» — запел хор.

Владимир отвратил взоры от обета, обвел ими по высоте храма, и очи его, как прикованные, остановились на одном женском лице, которое выдалось в волоковое окно в вершине храма. Владимир забыл, где он, не обращал внимания на обряд; но стоявший подле него Добрыня благоговейно смотрел, как Жрец поверял каждую часть внутренности агнца и клал на жаровню жертвенника окровавленными руками.

Когда все части разложены были на решетку жертвенника, Ве-

ший взял снова рог, полил жертву, и она обдалась вспыхнувшим синим пламенем.

«Благо, благо тебе! суд и правда наша!» — загремел хор; затрещали трещотки, на Вече ударил колокол, вокруг храма загрохотал голос народа, храм потрясся до основания... вдруг с восточной стороны храма раздался треск, подобный разрыву векового дерева от громового удара.

Все смолкло; онемели возглашающие уста, обмерли члены, издающие звуки, только протяжный гул вечевого колокола дрожал еще в воздухе.

— Горе, увы нам! — произнес беловласый Божерок и трепетно принял трости волхования, раскинул их по ковру, смотрел на них и произносил: — Обновится светило, светом пожрет древо, растопит золото, расточит прахом камень... — Княже, клянися *Светом* хранить закон его, быть оградою, щитом, мечом и помощьем его, пагубой другой веры! — произнес он, почерпнув золотым ковшом из чаши жертвенной и поднося Владимиру.

— Не я щит ему! Он мне щит! — отвечал Владимир.

— Вкуси от жертвы, испей от питья его и помятуй: «оже ел от брашны его и пил питье господина твоего».

Владимир прикоснулся устами к ковшу, Добрыня испил, вящшие мужи пили ковшами, а народ, взбросив руки на воздух, ловил капли, летевшие с кропила, и, обрызганный кровью, собирал ее устами.

Между тем юный Князь снова поднял очи на волоковое окно. Новгородские девы вообще славились красотой; но эта дева — в повязке, шитой жемчугом по золотой ткани, в *поднизи* низанной, под которою светлые очи как будто думали любовную думу, — эта дева была лучше всех земных радостей. Владимир едва заметил, как подали ему Княжеский костыль и Княжескую Новгородскую шапку; с трудом отвел он взоры от лика девы, когда с громогласным хором подводили его под руки к лику *Света*; он поклонился в пояс и пошел со вздохом из храма на Вече к людям Новгородским.

Обходя храм, он искал чего-то в толпах женщин, которыми были покрыты верхние сени; но видел только старух и отживших весну свою. Их лица были похожи на *машкару*, на болванов, обложенных золотою парчою, жемчугом, бисером и дорогими разноцветными камнями; это были вороны-вещуньи, сороки-трещотки, ворожеи

да свахи; они заслонили тучными телесами своими и распашными *кофтами* жертв своего гаданья и сватанья, у которых на устах были соты, на щеках заря, в очах светили небесные — *источники любви*.

— О, то Княже! — говорили старые вещуньи. — Доброликой, добросанный, смирен сердцем...

— О, то вуй иого Добрыня чреватый, ус словно кота серого, заморского, чуп длинный... ээ! оть... сюда уставиля молодой Княж... кланяйтесь, бабы!

— Милостивая! не опора тебе далась! молода еще в передку быти! проживи с маткино!

— Ой, Лугошна, красен Княж!.. то бы ему невесту!.. а у старого Посадника Зубця Семьюновиця дщерь девка-отроковиця вельми добра; изволил бы взять Княгынею: любочестива, румяна, радостива, боголюбица!

Звук вечевого колокола заглушил речи людские; Князь приблизился к Вечу.

Вече было за храмом Волосовым, на том самом холме, где некогда был *Немд*, учрежденный Одним, посредине огромный камень, на котором восседал *Конг*, кругом камни меньшии, которые занимались *Диарами*, *Дротгарами* и *Блоадами*. Сюда сбирались и Новгородцы *сдумать* и *увечить*; средний камень прозвали они *столом посадничим*. Подле холма, осененного высокими деревьями, была вечевая звонница, на которой висел огромный колокол.

Для Князя посадничий стол устилали ковром, клалась на него красная подушка с золотыми кистями, а над сиденьем стояло *небо*.

Когда Владимир, поклонясь на все четыре стороны, занял место, а кругом его сели Добрыня и старые Посадники Новгородские, — мужи Владимировы принесли *подносы* с дарами; Добрыня встал и раздал Новгородским людям от имени Князя злато, *дары иные многие* и милость его.

«Кланяем ти ся, Княже!» — закричал народ; «Кланяем ти ся, Княже, землею и водою Новгородскою! и меч приимь на защиту нашу!» — произнесли Выборные Старосты Новгородские, поднося Владимиру на *латках* серебряных землю, и воду, и *меч Княжеский Великий*.

«Изволением властного Бога-Света, Владыко, и Посадники Новгородскыи, и Тысящники, и все Старейший, и Думцы Веча Господи-

ну Князю Володимиру от всего Новагорода. На сем, Княже, целуй печать властного бога, на сем целовали и прежний, а Новгород держати по старине, како то пошло от дед и отец наших; а мы ти ся, Господине Княже, кланяем».

Владимир встал с места, поклонился на все стороны, поцеловал поднесенную к нему на блюде печать золотую на цепи, надел ее на себя, принял меч, опоясал его.

Голос народа загремел.

Подвели Владимиру могучего коня, покрытого золотым ковром; седло, как пристолоец Княжеский, горело светлыми камнями; другого коня подвели дяде его Добрыне.

Стяг Новгородский двинулся; за ним шел Князь с вящими своими мужами, потом Дума Новгородская, Посадники, Тысяцкие, Воеводы, Конечные Старосты, Головы полковые, Гридни и Полчаны Княжие, Рынды, Сотня гостиная, купцы и люди жилые Новгородские.

Народ потянулся вслед за поездом в двор Княжеский.

Гул вечеревого колокола расстилался как туман по озеру и окрестностям.

— О! той хитрый, *близок!* — говорил народ на другой день, сидя за браными столами на дворе Княжеском. Добрыня потчевал его от имени Князя и хлебом, и хмелем, и золотом.

— Ой, щедрый, лихо из чужой бочки вино точить... купайся! а в своем меду, чай, окунуться не даст!

— Уж бы звали, так, а то кто его звал!

— То так! Дай улита рожка, а она оба два! да Новугороду не две головы.

— Эх, молодцы! великой звезде не без хобота.

— Звезда с хоботом недоброе знаменье! нам подавай солнце красное!

— Что ж, братцы, Володимер Солнце Красное! смотри, смотри — вот он.

— И то! кликнем: Государь Князь Володимер Красное Солнышко!

— Величай!

И все повторили:

— Здравствуй, Государь Князь Володимер Красное Солнышко!

IV

Между тем как в Новгороде шли дела людские добром, на берегах Днепровских творились чудеса.

На берегу Днепровском, близ Киева, по соседству с *Чертовым бережищем*, жил дядя Мокош.

Есть же на белом свете люди, которые ни сами ни во что не мешаются, ни судьба не мешается в их дела. Ни добрые, ни злые духи не трогают их, как существ ненужных ни раю, ни аду. Эти люди никому не опасны, никого не сердят, никого не веселят, никого не боятся, ни на кого не жалуются; им везде хорошо; есть они, нет их — все равно.

Из таких-то людей был Мокош, сторож заветных Княжеских лугов и лесничий.

С молодых лет жил он в хижине близ *Чертова бережища*, не заботясь о соседстве *Нечистой силы*. Зато весь народ Киевский думал, что сам он водится с нею.

Когда, раз в год, приходил Мокош в Княжескую житницу за мукою на хлебы, его допрашивали: «Что деется на *Чертовой усадьбе*?» — «Не ведаю», — отвечал он. «Что деет *Нечистая сила*?» — «Живет себе смирно».

Ни слова более нельзя было добиться от Мокоша.

Про него можно было сказать: лесом шел, а дров не видал.

Жил Мокош уединенно с своим задушевым псом *Мурым*. Вместе с ним, каждый день, рано поутру, обходил он луга и лес. От нечего делать на лугах полон крапиву, в лесу собирал валежник. И должно было отдать ему справедливость, что луга были как бархатные, а лес чистехонек; только в одном месте, на скате холма, во впадине горы, под навесистыми липами, с давнего времени заметил он,

что кто-то мешается не в свое дело и содержит это место в отличном порядке и чистоте.

Долго подозревал он, что *кто-нибудь* без спросу поселился в этом месте; приходил он тайком, но никого не заставал; а на травке ни листика завялого, ни сучочка, а на дереве ни червячка, ни паутинки. Иногда только казалось ему, что по лугу как будто вихрь ходит, да подметает пыль, и полет сухую траву, и обрывает завялые листья. Мокош, уверенный, что точно никого нет, забыл свои подозрения; и если б народ своими допросами про *Нечистую силу*, которая живет на холме, не напоминал ему об этом, он не знал бы никогда, что такое и *Нечистая сила*. У него все было чисто: и луга, и лес, и источник, из которого пил воду, и мука, из которой пек хлебы, и мысли его, и руки, и душа.

Уединение Мокоша нарушалось только несколько раз в году, во время Княжеской охоты, когда на заветном лугу выпускали соколов с челигами на ловлю?..

Однажды Мокош встал, по обыкновению, с солнцем, умылся ключевой водою, поклонился земно на восток, съел кусок хлеба с молоком и отправился в обход лугов и леса. Кончив свое дело, он пробрался скатом Днепровского берега к заветному холму, сел во впадине на мягкую мураву и стал глазеть на темный правый берег реки.

Необозримая даль покрыта была густым лесом; инде только желтели песчаные холмы и курилось далекое селение. Влево, на высоте, расстился Киев-град, с белокаменными палатами, вышками, теремами и бойницами.

Мокош на все смотрел; но для него все равно было, смотреть или нет: не в первый раз он видел издали и Киев, и Днепр, и темный правый берег его. Он ни о чем не думал, не рассуждал; и о чем бы стал он думать?.. Единообразие жизни есть бесплодное поле, на котором не родится мысль.

Итак, Мокош был в этом состоянии, непонятном для мира, исполненного жизни, борьбы добра и зла. Вдруг слышит он плач младенца, вскакивает, идет на голос, приближается ко впадине, осененной навесом лип, и видит, на одной из ветвей дерева висит колыбелка, а в ней лежит спеленатое дитя. Колыбелка качается, дитя плачет, шевелит устами, просит груди. Вдали эхо вторит чью-то ко-

лыбельную песню; но подле бедного дитяти нет мамы, нет няни, нет кормилицы.

Жалко стало Мокошу; подходит он ближе... вдруг колыбелка перестала качаться, эхо колыбельной песни утихло, свивальник развертывается, пеленки вскрываются, никого не видно, а кто-то вынимает ребенка; он утих, он лежит на воздухе, во что-то вцепился ручонками и к чему-то тянется, что-то рвет устами, кажется, сосет, слышно, как он глотает...

Дивится Мокош, разинул рот.

Невидимые руки пестуют дитя; оно повеселело, улыбается, бросает на все любопытные взоры; увидело Мокоша, тянется к нему.

Мокош не вытерпел, приближается, протягивает к ребенку руки, хочет взять его... а длинная ветвь орешника хлысть его по рукам.

— Погори ты пожаром! не уродись на тебе шишки еловой! — вскричал Мокош... а ребенок хохочет, опять тянется к Мокошу. Опять Мокош протягивает руки, а ветвь орешника опять хлысть его по рукам, а другая хлоп по лицу.

— О-о-о! бесова клюка! — кричит Мокош, протирая глаза, из которых искры сыплются... а ребенок смеется, тянется к нему снова.

— Провались ты, вражий сын! — произнес Мокош и побрел домой, повалился на лавку, спит.

А под крутыми берегами извивается Днепр, шипят его волны. Давно вытек Днепр из темных лесов Смоленских, из соседства Двины и Волги, пробился сквозь каменные ограды земли Половецкой, скатился по десяти гранитным ступеням и ринулся в море.

Извивается Днепр, шипят его волны около берегов Киевских. Днепровский *Омут* выгнал на работу все царство отводить реку от священного холма, рыть новое русло.

Извивается Днепр, шипят его волны, а солнце играет в нем, а Киевские золотые терема опрокинулись в него и мерцают в волнах.

Просыпается Мокош. Вчерашний день всегда был для него сном; но чудный ребенок на холме нейдет у него из головы.

«Дивен сон!» — думает Мокош и, кончив свой завтрак, отправляется в обход лугов и леса, идет опять мимо холма, садится отдохнуть. Глядь... а мальчик лет пяти, в красной сорочке, обшитой золотой тесьмою, в сафьянных сапожках, шитых узорами и выложенных бисером, бегаёт один-одинехонек и ловит мотыльков; много

их вьется над ним, но он ловит изумрудного, осыпанного искрами золотыми, у которого крылья как будто обложены полосами радуги.

Увидев Мокоша, мальчик бежит к нему навстречу, берет его за руку.

— А!.. кто ты таков? — говорит ему.

— Да дедушко Мокош, — отвечает ему Мокош, выпучив на него глаза.

— А моего дедушку зовут *Он!* — вскричал мальчик. — Ну, и ты будь моим дедушкой!.. А можно уловить мотылька?

— Лови, голубчик! — отвечает Мокош.

— *Она* не велит... говорит, что это красная девушка; говорит, что я сотру с ее лица румянок.

— Твоя бабушка обмолвилась. А где твоя бабушка?

— Где бабушка? Постой, я приведу ее к тебе.

Мальчик побежал под навес липы, в кустарник. «Ау! ау!» — закричал он. «Ау!» — отозвалось в лесу.

— Чу! *Она* ушла в лес. Пойдем, поищем ее!

Он взял Мокоша за руку и повел в лес.

«Ау!» — снова закричал мальчик. «Ау!» — повторилось в лесу.

— Чу! пойдем, пойдем; вот здесь *Она*... Ох, нет, вот там!..

Мокош устал ходить за торопливым мальчиком.

«Ау!» — отзывалось то с одной, то с другой стороны. «Ау!» — закричал мальчик опять. «Ау!» — раздалось позади них.

— Эх! *Она* воротилась домой.

Пошли назад. Пришли на лужайку, под липы.

— Нет и дома, — произнес мальчик печально.

— Да где твой дом? веди домой.

— Вот здесь, дедушка, под липкой.

«Сирота, — подумал Мокош. — А в хмару да в ливень?»

— Под липкой, дедушка.

«А в зиму да в метелицу?»

— Под липкой...

— Сирота!.. — повторил Мокош. — У тебя, чай, рученьки да ноженьки отморожены.

— Тепло, дедушка, под липкой; на эту лужайку я не выхожу; как пойдет черная хмара по небу да нанесет холоду, я сию дома; боюсь выйти из-под липки: так и колет лицо, так и жжет.

— Откуда ты, голубчик, взял такую шапочку с обложкой горностаевой, словно Княжеская, да сорочку, шитую золотом, да сафьянные сапожки?

— Все мне приносит Он; ты видел моего дедушку?

— Какого дедушку?

— А вот что говорит: без меня бы ни песен, ни радости людям. А видал ли ты, как пляшут да водят хороводы? Вьются, вьются, заплетаются, девушки бледные, бледные!.. Запоют так: У-У-У-у!.. а мне так и холодно, как от белой зимы, что бывает за нашей лужайкой.

— Да каков дедушка твой собой?

— Каков? не таков, как ты; все исподлобья смотрит, на людях покойных ездит верхом. Все его боятся, а дедушка никого, — только боится кочета, что залетел из Киева: а я спросил его: «Чего ты боишься кочетка? Видишь, я не боюсь. ..» А Он сказал: «Гони, гони его, куда не закричал!» Я и прогнал!..

Мокош внимательно слушал рассказ ребенка, присел на лужайку и стал полдничать, вынув из кошеля кусок житного хлеба.

— Что это, дедушка? — вскричал мальчик. — Дай-ка мне!

Мокош отломил кусок: с жадностью мальчик схватил и съел.

— Ты голоден, голубчик, тебе поесть не дадут!.. вот тебе еще ломток хлеба.

— Хлебца? — вскрикнул мальчик. — Она не дает мне хлебца.

Чем же ты питаешься, голубчик?

— Она меня кормит...

Вихрь свистнул между мальчиком и Мокошем и унес слова мальчика.

— Ась? — спросил Мокош, не расслышав, чем кормят мальчика.

— А поит... — продолжал мальчик.

Вихрь опять свистнул над ухом Мокоша; он не слышал чем поят мальчика.

— Ась? — повторил он.

— Да, дедушка, — продолжал мальчик, — а мне тошно. тошно, как я съем... — Снова свистнул вихрь... — Все хочется этого хлебца да водицы испить, что течет под горой... У тебя много хлебца?

— Есть мало, — отвечал Мокош.

— Пойду я, дедушка, к тебе; ты такой добрый, ты меняпустишь гулять в город!

— Пойдем, пойдем... я поведу тебя в Киев, — отвечал Мокош, вставая.

Мальчик хочет идти — и вдруг остановился.

— А!.. вот Она!.. Пусти меня к этому дедушке!.. пусти!

Мокош смотрел вокруг себя: с кем говорит мальчик?.. но никого нет... только вихрь свистал снопа между Мокошем и мальчиком. Мокош хотел подойти к нему, а ветвь натянулась и хлестнула его по лицу.

— Ооо! сгинь ты грозницею!! — вскричал Мокош, закрыв лицо руками. — Поточи тебя тля поганая! — продолжал он, удаляясь и проклиная *Нечистую силу*.

Наутро, по обычаю, *Мокош* снова спустился в обход лесов и заветных Княжеских лугов. Любопытство завлекло его к лужайке. Вот подошел, ступил на свежую мураву, и вдруг стукнулся обо что-то лбом.

«Вражий тын!» — вскричал он. Смотрит... и тычинки нет; хочет идти, ногу вперед — стукнулся снова, нет прохода. Сердится *Мокош*, шепчет бранные речи, шарит рукой, точно как будто каменная стена перед ним, а нет ничего. Продолжает вести рукой по стене, идет кругом, и стена тянется вокруг лужайки... За стеной чей-то голос.

Прислушивается *Мокош*, кто-то неведомые речи выговаривает.

Ы-ей-гей-ег-дой-ай-да-егда, вар-ой-зы-воз-рой-ой-ро-воз-ро, дой-ей-ди-возроди, тай-си-ей-тси-возродитси, дой-рей-ей-дре-вар-нен-ей-ни-древни, ай-дой-ай-да-ада-мен-ой-мо-адамо, чоры-ей-че-лей-ой-ло-чело-вар-ей-ве-челове-цую-юн-цю-человецю, кыр-нен-ой-кно-вар-ой-во-кново-жой-ей-жи-знойнен-ей-зне-жизне..

— Ей, голубчик! кто тут?

— Принес хлеба? — отозвался голос. — Не то не хочу учиться книгам.

— Да где ты тут?.. Ох ты, окаянная огородина!

— А, это ты, добрый дедушка? здорово! забыл ты меня!

Как будто сквозь туман увидел *Мокош* отрока лет десяти, в красном шелковом кафтанчике, перепопоясанном золотым тесемчатым кушаком, с откидными рукавчиками, ноги перетянуты ниже колена также золотыми тесьмами, на ногах сапожки шитые сафьянные, на голове скуфейка, из-под скуфейки рассыпаются по плечам витые русые кудри; в руках отрока длинная книга и жезлик.

— Что ж нейдешь? — спросил отрок.

— Да словно стена стоит?.. аль мерещится?.. — отвечал Мокош, тщетно подаваясь вперед.

— Какая стена! плюнь на нее, дедушка.

Мокош плюнул; вдруг как будто что-то треснуло, рассыпалось вдребезги. Мокош, спотыкаясь, как по груде камней, приблизился к отроку и, взглянув на него, остановился, выпучив глаза.

— Да ты словно тот же, что вчера видел я... а пяди на три вырос!..

— Вчерась? — сказал отрок. — Да ты у меня и невесть с какой поры не был, дедушка.

— Ох, да ты не простой, словно колдун аль чаровник отец твой али баба, не ведаю кто?

— Иди же, дедушка, я рад тебе! — сказал отрок, взяв Мокоша за руку. — Ведь ты обещал мне хлебца, дай же, дедушка, хлебца, а я тебе дам золота, вот того, что люди, говорит *Он*, все за него покупают, кроме светлого неба.

Подбежав к скату горы, отрок откопал песок и показал Мокошу целую кадь золота.

Мокош выпучил глаза.

— Бери, дедушка; *Он* сказал мне, что золото лучше всего для людей; за золото они продают свою душу и светлomu *Дню*, и темной *Ночи*.

— То все мордки Грецкие! чего мне в них! нес бы ты их к Князю нашему аль к какому боярину, мужу великому; то, вишь, клад, а клад — Княжеское добро; а наш брат возьми клад да принеси домой, а за кладом и *Нечистая* сила в дом...

— Какая *Нечистая* сила? — спросил отрок.

— А вот что ты ее кличешь; она, чай, тебя и книгам учит?

— Учит, — отвечал отрок.

— Что ж тут писано?

— А тут писано так, дедушка: в начале лежали на пучине двое... Один светлый, светлый!.. другой темный, темный!.. лежали долго, спали крепким сном, да все росли, росли...

— Чай, словно ты?.. — спросил Мокош.

— Я не расту, дедушка, сам ты давно меня видел.

— Морочишь, голубчик, растешь, словно под дождем боровик; ну разбирай, разбирай книгу.

Отрок продолжал.

— Росли, росли и выросли большие, великие, глазом не окинешь, и стало им тесно лежать в пучине; стало им тесно, они и очнулись; один очнулся, другой очнулся, встал один, другой встал, закипела пучина ветром. «Кто ты?» — молвил светлый. «Кто ты?» — молвил темный. «Чему здесь?» — молвил светлый. «Чему здесь?» — молвил темный, а речи словно гром прокатились по пучине... «Недобрый!» «Благой!» — крикнули оба два и схватились могучими мышцами и закрутились по пучине, ломят друг друга; от светлого сплются искры, от темного холодный зной градом...

— Ну!..

— Дальше, дедушка, не умею; не учил.

Едва отрок произнес эти слова, вдруг вихрь закрутился, вдали затрещал лес.

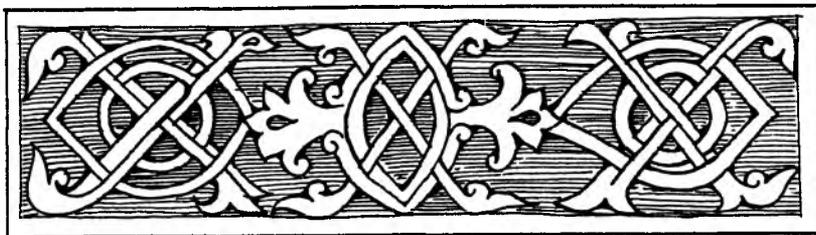
— Она, Она идет! — вскричал юноша. — Ступай, дедушка, прочь, не то завьет тебя, закрутит, удушит... приходи наутро.

— Ладно, — произнес Мокош, осматриваясь кругом со страхом и удаляясь бегом от отрока; пес его остановился, лаял на кого-то во всю мочь.

«Экой омрак, экая нечистая сила!.. Ой, пойду в Киев да поведаю Княжим людям! то диво!.. да красной какой, добросердой!.. а, чай, от ведьмы бы уродился но такой? Уж не Княжее ли детище?.. Молвят же люди, не годами растет, а часами... Ой, пойду в Киев...»

И вот Мокош своротил на тропочку, которая тянулась нокатогию горы частым кустарником и вела в Киев.

Только что своротил... а вихрь свистнул, закрутил, сорвал шапку с головы Мокоша; покатила шапка в гору, поляной, заветным лугом — Мокош за ней, а пес за ним, да за ним, а шапка, словно *перекати-поле*, катится да катится; прикатилась к дубраве, где была изба Мокоша, остановилась у порога. Устал, выбился из сил Мокош, плюнул на шапку, поднял ее, ударил о землю, повалился на прилавок, шепчет про себя: «Окаянная! словно юница прибежала с поля домой!..» И забыл о чудном юноше, забыл о Киеве, захрапел. И пес, почесав бок заднею лапой, по обычаю, свернулся в обруч, заснул.

VI

Едва только показался новый день над Киевом, Мокош очнулся, сел на *пристбе*, протер глаза и дивится, что его овчинная шапка валяется на земле; слова «окаянная, словно юница ведает закуту свою!» пробудились также, и Мокош в первый раз стал припоминать вчерашний день.

«Ой ли? от то!.. аль морок? — говорил он сам себе. — Оли клад мается да прикидывается ликом?.. ой диво, чудо!.. пойду ко двору, поведаю Княжеским людям!.. аль пойду проведаю, не морок ли?.. може, впрямь вражья сила нечистая, что народ бает».

Мокош поднял с земли шапку, отряхнул, обдул ее, взял котомку с хлебом, костыль, кликнул пса, отправился; дорогой забрел на полу-горье к кринице, прилег на землю, полакал алмазной воды, отбер борду, отправился далее.

Едва он вышел из-за косогора, по тропинке, извивавшейся к тому месту, где, по предположению Мокоша, был клад, который, наскучив лежать в земле, принимал на себя человеческий образ, чтоб соблазнить кого-нибудь собою,— вдруг из-под липки бросился к нему навстречу юноша, точно старший брат отрока, которого Мокош видел в прошлый день.

Мокош приостановился от удивления; а юноша висел уже у него на шее.

— Дружок дедушка! давно ты не был у меня.

— У тебя? — спросил Мокош. — А може, и у тебя... по вечера был; чудо! на голову поднялся!

— Ох, нет, много раз темная ночь тушила день светлый! — произнес юноша, вздыхая. — Грустно! а все кругом словно в землю растет... Помятуешь ты, эта липка была великая, великая! что на небо,

что на нее смотреть, все одно было; а теперь маковка не выше меня... А светлый день все темнее да темнее в очах, а вот здесь жжет, мутит, нудит на слезы!.. Спрашивал, Она говорит: «Нет ничего»... неправду говорит Она: слышу — колотит, стучит, избило недро молотом!.. больно, дедушка, дружок, нет мочи! брошусь с утеса!..

— Дитятко, голубчик, Свет над тобою! то, верно, у тебя молодецкое сердце расхотилось.

— Сердце? а что сердце? — произнес горестно юноша, приложив руку к груди.

— Сердце мотыль, говорят, — отвечал Мокош. — Да ты не пугайся, голубчик, небось просит оно, вишь, воли.

— Ну, я дам ему волю.

— Не вынешь, друг, из недра.

— Выну!

— Вынешь сердце, голубь, душа вылетит, умрешь.

— Умру? а тогда не будет колотить, томить...

— Вестимо, сударь, в гробу мир.

— Ну, умру! — отвечал обрадованный юноша. — Да как же умирают, дедушка?

— Ой ни! полно, дитятко! уродился ты пригож, поживи, полюбись красным девицам.

— Девицам? что прилетают сюда хороводы вить?.. что ластятся? что мотают нитки у бабушки?.. нет, не хочу их неговать, не хочу целовать в синий уста и в тусклые очи!.. не тронь их, чешут на голове зеленую осоку и крутят хоботом, словно сороки.

— Бог свят над тобою! — произнес Мокош. — С хоботом ведьмы Днепровские, а не красные девицы. У красной девицы уста — румяное яблочко, русая коса — волна речная, очи — светлый день...

— Не ведаю таких, такие ваши людские, а Она говорит: людская девица *недобро*, да кабы Он не сеял им раздора, да зависти, да не берег их соблазном, то быть бы им...

Вихрь свистнул над ухом Мокоша.

— Вот что... — продолжал юноша. — Так говорит Она: люди, что родным отцом называют да родной матушкой, меня прокляли, а Она взяла меня да взлелеяла.

— Бог свет над тобою, голубчик, бабушка твоя обмолвилась, урекания творит...

— Не ведаю; а не велит *Она* любить людей, а я тебя полюбил, де-душка; а как ты про своих красных девиц речь ведешь, так и тихнет на сердце. Покажи мне свою красную девицу, может, ты правду молвил.

— Изволь, — отвечал Мокош, — покажу, да еще Княженецкую; приехала из Царьграда девица, младшая, живет в красном дворе, в зверинце. Князь наш Светославич Ярополк берет со ягеною.

— Ну, идем, идем! — вскричал юноша. — Скоро, скоро, покуда нет ее, *Она* не пустит.

— Идем! — сказал Мокош.

Юноша побежал под липку, снял с ветки кушачок красный, узорчатый, опоясался; надел на голову шапочку, шитую с собольей обложкой, откинул кудри от очей, расправил их по плечам, голубые очи засветились радостью, ланиты разгорелись полымем.

«Словно Князь Володимёр!.. тый мало старее», — думал вслух Мокош.

Вот идут Займищем.

Торопится юноша; пыхтит Мокош, подпираясь костылем.

— Сударик! — говорит он.

— Что изволишь? — спросил юноша.

— Слыхал ты про Киевскую ведьму? — Уж не ведьма ли *Она*, что вскормила, сударь, тебя?

— Ох нет, не ведьма; не ведьмой кличут.

— Не ведьмой?.. Ой?

— Просто *Она*.

— Дивись! чай, страшная! чреватая, полноокая, кобница хитрая?

— Не ведаю, — отвечал юноша, торопясь идти.

— Уж то, сударь Боярич, то ведьма!.. уж ведьма, коли людям не кажется!.. Ходит, чай, метелицей, вьюгой вьет; по лесам да по лугу злое былье собирает; строит ведьство, потвори, чародеяние, зелейничество... аль нападет, ровно зубоежа... аль скоблит, ровно грыжа, аль умычку творит красных дщерей со дворов Боярских...

— А где та ведьма? — спросил юноша.

— А вот то-то того и пытаются, сударь Боярич, чуешь, молвит слово-скасть живет ведьма у Днепра, в недобром месте под осиною. Пагуба, дивись! а сотворила чудо над Владычьним старым родом; ведаешь, было: Вещий Владыко пошел на воду мыть малого Божича,

госпожу златую... то еще было при Ольге Княгыне, а Княгыня была у Царь-града, а то был день праздный *Купала*; а жрецы шли на Днепр, несли мыло да ширинку узорочную, да лохань златую великую, да на лошках золотых великих златую, сыпанную жемчугом одежду, да гребень, да елей на умашенье. А людем, на берегу, ставили столы браные, и корм, и сологу, и рыбу, и мед, и пиво на пир великий; а пришли люде на Днепр, а *Вещий* принял золотую госпожу, моет мыльнею... глядит... на волнах чудо какое! лежит девица, всплыла из пучины, лепая, красная, распрекрасная!.. спит!.. Владыко завидел ее, да и устави́л очи, устави́л очи, да и ронил Божича в реку; Божич канул, да и пошел на дно. А Владыко не ведает, что творит, дай покрыв полюю белой ризы; а девица русая, белая, словно из мовни, спит себе, любит устами; а ланиты — день румяной, а лоно — две волны перекатные, а вся пышная, снежная — пух лебяжий. Вещего обдало пожаром... сором, да и только! Берет он девицу на руки тихо. «Подайте — говорит... а сам трусится, — подайте покров поволочитый!» — говорит да кутает девицу в ризу, не зрели бы люди. Подали покров поволочитый; окутал девицу в одеяло, несет, обливается градом, чуть дух переводит; а жрецы за ним следом, да поют, величают Божича. А величают они так.

Тут Мокош затянул сиповатым голосом:

*Грядите во славу-д-мыльницы божьи,
Черпайте-д-златом волны морские,
Свету свет, велий боже наш!*

*А листом румяным-д-господыню хольте,
Олеем душистым-ма-главу ей мастите.
Свету свет, велий боже наш!*

*Усыпайте-д-волпы, волны-д-морские,
Лазоревым цветом-ма-д-маком багряным.
Свету свет, велий боже наш!*

*Поливайте-д-волиы-д-сытою и млеком,
Кудри златые ладыте частым гребнем.
Свету, свет велий боже наш!*

*Заплетайте косы-д-хитрой плетеницей,
Умывайте тело-д-кипучею пеной.
Свету свет, велий боже наш!*

— Так спевали жрецы, а Владыко Вещий идет во храм Господский весь не свой... а зной градом с чела выступает; а велит никому идти в хором, кроме причета, на то воля Госпожи, говорит. А причет ставит на место над стоялом *небо*, а Владыко Вещий закидывает завесу да велит всем прочь идти, а девицу кладет на золотую подушку, а распахнул Вещий ризу...

Тут Мокош остановился, приставил костыль к левому плечу, снял шапку и, улыбаясь, почесал голову...

Юноша также остановился, рассказ Мокоша о деве привлек его внимание.

— Ну, дедушка, что ж, как распахнул Вещий ризу?

— Хэ! — произнес Мокош, улыбаясь, и потом, приложась к уху юноши, молвил шепотом: — Ровно голь гола!

Юноша нисколько не удивился.

Мокош продолжал вслух:

— И проснулась, очи ровно два светила небесных лучи бросают. «Где-сь я?» — говорит; а Владыко молчит, онемел да вперил очи на девичьи красы; а ей студно стало, набрасывает длинные русые косы на белые перси, а вся такая ласная!.. а Вещий — так его и бьет грозница — распылится, накинется, словно *канюк** на голубицу; а она хватъ его за седые власы, словно коня за гриву, да и вскочила на выю; вези, говорит, на широкий Днепр! да и начала гонять по хороми, бьет долгой косою по хребтам. Ровно как на дыбах, носится Владыко, кружит коло стояла святого, а бежать вон не смеет: студно народа; а люди, весь Киев стоит у дверей хоромных, ждет, покуда откиннет дверь Владыко, человать бы Божичу; а двери не отчннаются, а с Днепре летит тьмущая стая сорок... То, видишь, все русалки, дщери великой ведьмы, что хобот в три пяди, украли сестру молодшую. Осели всю хоромь, трескочут, бьются в окончины, тьма-тьмущая, туча черная!

* Ястреб (Прим Вельтмана)

Так называли филина или полевого коршуна с неприятным криком (отсюда — канючить)

«Ох, недобро!» — молвят люди; гремят, ломаются в храмину — нет ответа. А в ту пору в хороми был хоромный отрок, звонарь; а той был на звоннице, вверху; а слышит в храме громоть, стук, сошел книзу, озирает из притвора, а в хороми красная дивная девица ездит на Владыке, ровно на коне, косою погоняет, а власы ровно риза шелковая расстилаются, а с чела Владычного зной градом сыплет. «Ох, — мыслит отрок хоромный, — размыкает Владыко красную девицу!..» а как поравнялся Владыко с ним... а хоромный отрок видит у девицы хвост словно у сороки колыхнется; он за хвост, а хвост, до пера, весь в руке остался. Вскрикнула девица, опали у девицы руки, рассыпалась коса до земли, запутался Владыко в косе, грохнулся без памяти оземь, и девица ровно пуховая покатилась — лежит, ровно уснула. А народ ломится в двери, гремит грозою... «Ох, горе великое!» — думает отрок хоромный, да и ухватил девицу поперек...

— Дедушка, дедушка! — прервал вдруг юноша рассказ Мокоша. — Не то ли терем?

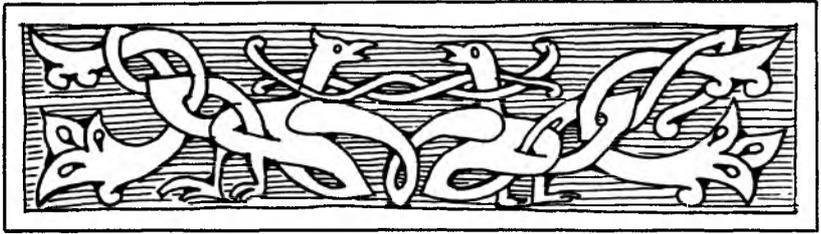
— То, сударь, — отвечал Мокош и продолжал: — Так вот...

— Здесь живет красная Княжна-девица? — спросил опять юноша, дергая за полу Мокоша и устремив очи на высокий терем, которого светлые верхы выказались из-за рощи.

— Здесь, сударь, здесь... Вот и ухватил, мечется во все углы хоромьнии, а ворота трещат, народ ломится, а сороки троскочут, бьют крылом в окны, туча грозная! хором словно среди ночи стоит...

— Стой, стой, дедушка, пойдем скорее! — вскричал юноша, схватив Мокоша за руку и потащив за собою.

Нить рассказа Мокоша оборвалась, он умолк, запыхаясь, переваливается за юношей, не сводившим очей с терема, — шепчет сердитые речи...

VII

«Мы же на преднее возвратимся, на горькую и бедную память тоя весны», — говорит летопись; поведаем о Киеве II о Князе Киевском Великом Киевском Ярополке.

Не дал бы Светослав, уезжая в Болгарию, стола Киевского Ярополку за его безнравие и слабосердие, если б не умолила его о том Ольга; не послушал бы Светослав и родной матери, если б знал он, чему учит она Ярополка в тайне.

Ярополк был слаб душою, добр, послушен каждому, не только мудрой *бабе* своей; и потому Ольга ошиблась, полагая, что ее светлые слова падут, как тучное семя на тучную душу его, и он торжественно восстановит крест над Русью.

Ольга умерла с улыбкою святой надежды. Светослав погиб последним героем язычества, Инегильда не пережила горя, и Ярополк принял костьль Княжеский, подтвердив уделы, назначенные отцом, за братьями.

По завещанию Ольги Ярополк должен был жениться на Гречанке, которую Ольга привезла с собою из Царьграда и воспитала в тайне, для внука. Говорили, что это дочь Патриция Константина, сестра Патриция Романа, бывшего впоследствии полководцем во время войны Цимиския со Светославом; но достоверно этого никто не знал.

Она была собою прекрасна, как божья милость; полюбилась бы владыке Олимпа, увез бы он ее, как Европу, причислил бы к сонму *Азов*; но не соблазнил бы, как Леду, лебединой своей песнью.

Ольга приучила Марию и Ярополка друг к другу, старалась окочувать их любовью; но сердце не живет чужими законами; оно любит тайну, любит затруднения, любит искать свое счастье среди горя. Ярополк видел часто Марию, Мария Ярополка; но их приветливые

взоры были холодны, только Ярополку предоставлялось право видеть Марию; Олег и Владимир были лишены этого права.

Но в день смерти Ольги, когда уже все выплакали слезы свои, Владимир, любивший бабуку свою искренне, более всех, стоял на коленях перед нею в продолжение всей ночи; тут же перед одром Ольги стояла и Мария. Так провели они ночь, как два ангела, обнявшие могильный памятник.

Занялась заря, оба они очнулись, взглянули друг на друга, опустили очи, и этого было довольно для любви.

Владимир не мог иметь времени узнать, кто такая Мария; ибо на третий день с Добрыней и послами Новгородскими отправился он в Новгород, а Мария знала, кто Владимир, и ничего не хотела более знать, — самое имя Ярополка стало ей ненавистно.

Ярополк, к счастью, и не заботился о красоте Марии; она жила, как очарованная, уединенно в красном дворце зверинца Княжеского, ожидая с ужасом исполнения завещания Ольгина; но Ярополк, занятый сперва поминками бабки, потом поминками отца, не мыслил о женитьбе. Между тем возвратился старый *Свенельд*, дядька и любимец Светослава, сохранивший чудным образом жизнь свою после пагубной битвы под Доростолом, где он остался на поле сражения между мертвыми телами.

Свенельд, честолюбивый Фэроец, привез Ярополку мнимую волю Светослава, чтоб он женился на его дочери Ауде, представив все неприличие избрать сильному и Великому Киевскому Князю в жены девицу неизвестной породы. Ненавидя Греков, он напугал Ярополка союзом с Гречанкой. «Греки ищут власти над Русью и над тобою!.. прими их веру, совокупись с кровью Еллинской, и будешь платить дань Царьграду, и пойдешь со всеми мужами твоими и повинниками на службу царю!»

Ярополк, *спроста реци*, не мудроведий, послушал Свенельда, который убедил его, что святой завет и воля идут от отца, а не от бабки, жены, обаянной попами Еллинскими; и Ярополк женился на его дочери. У Свенельда была еще другая хитрая причина. У Свенельда был Свенельдич; а Ольга, умирая, завещала Марии большое *вено*.

Но бог Еллинов опутал Свенельда в собственных его замыслах. Дочь его Ауда, Княгиня Ярополка, умерла в муках, а дерзкий юноша Свенельдич Лиаутер, гоняя зверей в лесах Деревских и встретив Оле-

га, бывшего также на ловле, завел ссору, налаял Князю и погиб как собака.

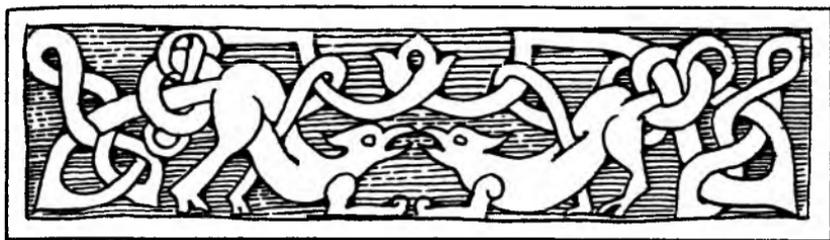
Последствие сего обстоятельства и коварное мщение Свенельда известны каждому: несчастный Князь Олег был жертвой братского малодушия, Ярополк лил слезы над его могилой, но Свенельд успокоил совесть Князя и, опасаясь мести Владимировой, хотел оградить себя новым раздором братьев... Упрек, полученный от Владимира, и требование разделить удел Олегов на две равные части послужил ому поводом.

— Сын *подложницы* не брат тебе и не равный, — говорил он Ярополку. — Не два Великих Князя на Руси; а Новгород величает Владимира Великим Князем; исполни волю его, и Великий Князь Новгородский захочет поклона, дани и даров от Киева, установит прежнее первенство стола Новгородского.

— Чему же быть? — спросил Ярополк, устрешенный словами своего коварного Думца.

— Шли порлов в Полтеск, к сильному Князю Рогвальду, проси дочери его и пойми себе женою. А к рабыничу шли за покорностью старейшему Киевскому Великому Князю; а не исполнит воли твоей, покарай спесь Новгородскую силою своею и союзом с Князем Полтеским.

И Ярополк дал веру словам коварного Думца.

VIII

После смерти Олега в число Думцев Ярополковых: старого Свенельда и порывистого Икмара, прибавился еще Думец, близок Олега, *Блотад* и *Гуде* Вручева, *Грим*; он правил жертвоприношениями и прорицал; это был хитрый, рыжий Финн.

Окруженный Ферейнгами, Свеями и вообще поклонницами *Тора*, Ярополк забыл уроки Ольги и обратился к жертвам идольским. Христианская церковь Илии, построенная Ольгою, закрылась; только в красном тереме загородном, где жила прежде Ольга, а по смерти ее Мария, посвятившая себя горю и молитве, имели еще иереи Греческие прибежище.

Блотад и Гуде Грим принял первосвященство и в Киеве. Народ прозвал его *Блудом Кудесником*; он учил народ силою вере своей, гнал жрецов божевых, и *были в Киеве, на улицах скорбь друг с другом, дома тоска*.

В промежутках важных событий, которыми располагала судьба, Свенельд и Блотад, внушившие в Ярополка не мудрую деятельность, но одно только малодушное беспокойство, он, тучный, не двигаясь с места, лагодил, прохлаждался в своем Великокняжеском тереме, на бархате золотном, ласкал дев и перебирал четки, которые остались единственным признаком прежней его веры.

Не терпел он войны, — печальный конец подвигов отца напугал малодушного сына.

От войны откупался он дарами...

Не терпел он *ловы деять*, потому что на ловах туры, олени и лоси рогами бодают, медведи кости ломают, вопри живота не щадят.

Думой Княжеской правили Думцы; у него была другая забота: населял он свой терем красавицами заморскими, окружал себя трубами и скоморохами, гусями и русальчами и *разные позоры деял*.

Как собирают красные цветы на леченье, так собирал он красавиц всех земель и сушил их в своем тереме. С востока, с юга, с запада, с севера везли ему дивных красотою дев, и бедные, сорванные с родного стебля, увядали в тереме Княжеском.

Торжественно совершался обряд *Показа* Князю вновь привезенной Хазарки, Аланки, Ясыни, Грекини, Болгарыни, Урменки. Покуда вели ее в *мовню* и одевали в Княжеские ризы, Ярополк в нетерпениипил хмельной мед кружка за кружкой и обдумывал: из какой земли недостает у него красной девицы?

Когда вводили деву в Княжеский сенник, Ярополк любовался, заставлял говорить на своем языке, петь родные песни, и дева исполняла волю его сквозь слезы, тешила его чудными, странными звуками своего наречия. Расспрашивал он чрез толмачей, есть ли в земле ее среди белого дня солнце, во время ночи луна и звезды? Растет ли хлеб, водятся ли быки, кони и овцы? Не протекают ли на родной земле ее в кисельных берегах молочные реки? Живут ли в лесах лешие, а в реках ведьмы?

У Ярополка были полуобнаженные *Альмз*, *Торские* плясавицы с тамбуринами; Египетские *Гази*, которых черные ресницы как тучи набегали на яркие звезды; пламенные Унгарки в *дальме* из Дамасской ткани, *карситы* усеяны четными рядами перловых схватцов; *Баладины*, *игрицы* Румынские и *Хорицы*, плясавицы Греческие.

У Ярополка были даже Муринские девицы, копоть солнца, завешанные корою, с огромными золотыми кольцами в ушах и на конце носа, с раздвоенными, оттянутыми, просверленными губами, с телом, исписанным разными знаками каленым железом.

Таким образом тешился Великий Князь Киевский, и в это-то время сбывалось под липкой чудо, которому дивился только один Мокош, сторож Великокняжеских заветных лугов и дубрав.

Обратимся же к Мокошу.

Вот ковыляет он вслед за торопливым юношей; прошли они заветный луг; юноша перепрыгнул, а старик перелез через ров и вал Займища; вступили в глубину дубравы, окружавшей красный двор Княжеский; приближались уже к высокой деревянной оgrade с кровлею.

— Что то светит, дедушка, за деревьями? — спросил юноша.

— То золотые вышки терема, — отвечал Мокош.

— А где же красная девица?

— В тереме, сударик, в тереме.

— Где же путь к ней, за ограду?..

— Тс! сударик, не шибко!.. сторожа на бойницах, прогонят нас...

Полезай на сию дубовину великую, да и сиди смирно, ровно птица по ночи, доколе не выйдет румяная заря-девица гулять в сад. То-то удивишься! ровно солнце в небе.

— Что ж, дедушка, дивиться, пойдём в терем! — произнес юноша, и, схватив старика за полу, потащил за собою.

— Ой нет, сударь, завещано от Князя пагубой! — отвечал Мокош, ухватясь за дерево.

Юноша печально посмотрел на Мокоша, потом на высокую стену, потом на старый высокий дуб, который рос подле самой ограды и одним суком, как будто усталый, опирался о крутую кровлю стены. Посмотрел и вмиг, как векша, прыгнул, вцепился за сук, вскарабкался на вершину дерева, устремил соколы очи свои в сад.

— Каков терем, сударик? — спросил Мокош снизу.

— Терем? ничего, видал лучше, — отвечал юноша.

— Ой? да где ж ты видал, голубчик, лучше? из-под липки никуда не выходил.

— Видал ладнее, под липкой, когда Он сложил на лодонке терем из светлых камышков, в дар Днепровскому царю Омуту.

— Диво! нет веры тому! — отвечал Мокош, садясь под дерево и качая головою.

— А вот того не видывал, — продолжал юноша, указывая на высокую яблоню, которой ветви, униженные румяными плодами, как кисти виноградные, висели над стеной.

— Ох, то кислички, сударь, кислички Козарский; сроду не вкушал! а вот то дули, солодкии...

— Подожди мало, добуду тебе! — сказал юноша и хотел лезть на ограду за яблоками.

— Ох, не губи души моей! — вскричал Мокош. — Ровно воробца, устрелит стража!

Вдруг в саду раздались голоса. Мокош испугался, замолк, прилег за куст, а юноша устави́л очи на теремное крыльцо.

На дубовых ступенях лестницы показалась девушка в черной одежде; на голове ее была черная же остроконечная повязка, легкой

покров был откинут. Ничьи очи, кроме зорких ясных очей юноши, не могли бы рассмотреть издали лица ее; но сладостно вздрогнуло бы сердце, помутилась бы память любовью у каждого, кто взглянул бы хоть на далекий призрак Марии.

За ней шли две подруги с прялками и старая мамушка с костылем.

— Дедушка! — вскричал юноша, не сводя устремленных на Марию взоров. — Дедушка, неладно видно!.. пойдём в сад!..

— Тс! распобедная головушка! не про нас туда путь!

— Хорошая, хорошая! — продолжал юноша. — Да под пеленой, молвить, солнышко под тучкой!.. дедушка, голубчик, у ней текут слезки по белому лику!..

— Ох, что ты творишь, сударик! — шепотом произносит Мокош, карабкаясь на сук, чтоб ухватить юношу за ногу и стащить вниз.

Юноша не внимал его, он уже звал девушку: «Поди сюда!.. девушка!.. радостная моя!.. Не отзывается... она плачет!.. печальная!..» И с этим словом, с ветви на ветвь, с сучка на сучок, прыг! и очутился на стене; со стены скок на яблоню, с ветви на ветвь, с сучка на сучок, прыг на землю — и очутился в саду.

— О, погубил мою головушку! — повторял Мокош, катаясь по земле.

А юноша зеленым лугом бежит прямо к девице. Подбежав, хочет обнять ее, прикоснулся уже к стану руками; но сила очарования, которая изливалась из очей Марии, остановила его.

Мария вскрикнула, бросилась к подружкам своим.

— Сила святая с тобою! — произнесла мамушка, дую на побледневшие ланиты Марии.

— Не пугайся, светик девушка, не бойся, красная, хорошая! Я ничего тебе не сделаю!.. — произнес юноша, подходя также к ней и несмело прикасаясь к со руке.

— Бука, Бука! — вскричала Мария и бросилась бежать в терем.

Юноша преследует ее, вбегает также на крыльцо; она в светлицу, он за ней, она по витой лесенке в терем, он за ней.

— Что содеялось с Марией?.. говорит, вишь, Бука?.. — перешептываются спальные девушки, сбегая со всех сторон в светлицу.

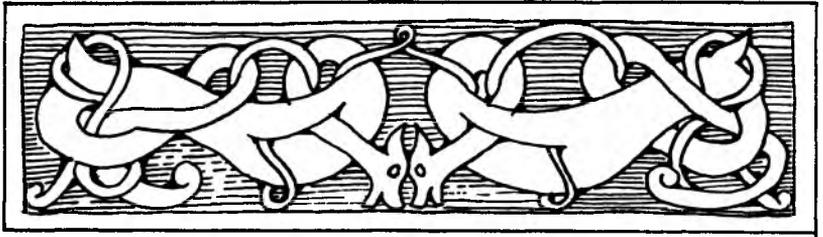
— Померещилось, верно, ей что; да уже померещилось ли? все

мы тут были. Уж не родимчик ли?.. Чу, вопит! иди-то, девушки! — шепелявила старая мамушка, поднимаясь по крутой лестнице, постукивая клюкой и черевиками на высоких каблуках по ступеням.

Девушки с ужасом идут вслед за ней; взобрались в терем, откинули резные дверцы...

А на небе, откуда ни возьмись, тучка. Чернее, чернее; взвилась вихрем, закрутилась; громовый удар рассыпался над теремом, клубок огня взлетел в открытое окно, катается по земле, мечется во все стороны, палит кругом, бьет об золотые маковки кровати и с треском вылетает струею в другое открытое окно.

Все это видели мамушки и девушки и долго лежали без памяти в дверях. Лежит без чувств на подушках и Мария; се грудь волнуется, ее длинные частые косы рассыпались по плечам, се лицо разгорелось, как будто опаленное молнией.

IX

Посреди чистого, ясного неба, над Киевом, вилось черное облако; то разделялось оно надвое, то сливалось; то растягивалось змеем, то свертывалось в клубок; с земли казалось, что в вышине бьются две черные птицы; одна ловит, другая, отбиваясь, взвивается к небу, бросается вниз, мечется в стороны; но не может отбиться от хищной и, обессиленная, бьется в когтях ее.

Закатясь на край неба, черное облачко вдруг ринулось, как падающая звезда или как орел, который, сложив крылья, падает стремглав с высоты свистящим камнем, и вдруг, над самой землею, распадется, преобразится из черного шара в собственный образ, и плавно опускается на вершину скалы. Так черное облако, упав с неба клубом, над черным ущельем Днепровским, обратилось в кучу пламени, которая, обдавая собой юношу, поставила его на землю и потухла.

— Прочь, злой!.. не хочу я знать тебя! — вскричал юноша.

В воздухе раздалось шипенье, мутные звуки, речи, похожие на усилия немого произнести слово; отзываются они в ущелье, как шорох или шепот, обращающийся в глухой свист, как шум клубящейся воды в пучине.

— Нет, нет!.. то не пища, что ты мне давал, то не красны девушки, что Она нагоняла на меня и заставляла целовать!.. Не хочу ничего!.. пусти меня!.. пойду туда; там легко, хорошо мне; пусти к ней, в красный терем, а не то я слезами залью тебя... как люди; ты сам говорил, боишься слез людских, да покаяния, — я покаюсь!.. Слышишь!.. пусти меня!..

Словно что-то зашумело, как будто медленно, неровно обращающееся колесо ветряной мельницы. Долго продолжался шум; юноша слушал внимательно.

— Нет, не хочу! — вскричал он наконец. — Не надо мне царства земного, приведи ее сюда!.. не борони мне обнять ее, я поцелую светлый лик ее, она такая радостная! Ты не ведаешь того!.. ты ее не видывал!.. я бы взял ее, обнял бы ее, если бы не ты...

Юноша умолк, закрыл лице руками; но вдруг как будто повеяло на него радостью.

— Я могу ее взять?.. — вскричал он. — Скажи же скорее... она будет моя?.. вымолви же, что мне делать!.. все тебе сделаю, что хочешь, лишь отдай мне ее!.. ждатель?.. не хочу! не могу! у меня болит, вот здесь, без нее... разлюблю дни свои!

Он умолк снова, призадумался.

— Ну, хорошо! — произнес. — Исполню волю твою.

Сел под липку Основа призадумался... Шипенье утихло. Теплоту воздуха прорезал холодный ветерок быстрою стрелкой. Струйка его понеслась, посвистывая, вдоль берегов Днепра, врзалась в вечерний туман; туман гуще, гуще, сумрачнее, темнее, чернее; стрелка несется далее, далее, путь ее обращается в мрак, в крошечную тьму, в синеватое зарево, в бледный, холодный свет; необозримое пространство наполнено мелькающими безобразными тенями; на черной скале сидит бесцветный, страшный лик, как прозрачный, пустой, огромный сосуд; около него, как около бездны, сидят бледные лики, его подобия, дряхлые, искаженные вечностью страданий, как люди, которые изгоревались, измаялись.

Сюда-то прилетел резкий ветерок стрелкой и упал пред черною скалою, на которой восседала *Нечистая сила*; прилетел и разостлался прахом на земле.

Раздался хор, звуки рыдали, звуки носили один смысл на всех земных языках; и были то: песнь, вопль, слышимые на земле только в бурю, когда ветры воют о прежнем своем раздолье, о пустынях, заселенных людьми.

Уста Нечистой силы раскрылись пучиной, пыхнула туча на прилетевшего, перекатились громом темные речи: «Не будет нашего царства на Днепре, доколе глава Светослава не покроется черепом!»

Прах взвился вихрем, загудело в воздухе, посыпалось слово: *Всем!* как град из тучи...

В столбе вихря понесся Нелегкий назад. Летит, вьется, взвивается сквозь бездну тьмы, чрез леса, чрез горы, чрез моря; ломит, крутит

деревья, прах и воды, идет чрез Киев, метет улицы, срывает кровлю с Княжеской ризницы, взвывает золотые одежды на воздух и несет тучю в горы.

Между тем юноша сидит под липкой задумавшись. «Она такая радостная! — повторяет он про себя. — Светла, как этот круглый день, что носится по небу, которого не любит Он. А Она принуждала меня целовать девушек, похожих, на бледный лик ночи; мне холодно было, когда они ласкали меня да вопили страшные песни, совсем не так, как пели красные девушки в тереме: не отходил бы от них! все они такие веселые, радостные! не то что здешние, заунывные... А она... лучше всех! ланиты — румяные облачка, волосы — не осока. Покрыта она темною пеленой; не то что здесь, в наготе, как на реке синие волны... Обнял бы я ее, положил бы ее голову на недра свое, да и баюкал бы, глядел бы в очи и целовал бы ее крепко, крепко! да и уснул бы». Юноша задумчиво продолжал мечтать, мысли веяли сладким сном на его очи...

Вдруг столб вихря показался от Киева, вершина его горела, как золото от заходящего солнца. Несся, несся и вдруг рассыпался вокруг юноши Княжескими светлыми одеждами.

— Ну, ну! — говорит юноша. — Что делать прикажешь?

Вдали эхо повторило какой-то отголосок.

— Выбирать одежду? — сказал юноша, рассматривая золотые багряницы, шапки собольи, лаженные золотом, и разную одежду, которая лежала вокруг него на земле.

— Одеваться? — продолжал он. — Зачем же?.. Я! Княжеский сын? у меня отец? где же?.. у Днепровского Омута?.. Что ж у него просить?.. красную девушку?.. Он скажет, что делать мне? Ну, хорошо!.. пойдём!.. я оденусь!..

И юноша, сбросив свой кафтанчик, надел другой, весь облитый золотом, подпоясался кованым поясом, надел остроконечную шапочку, усыпанную светлыми камнями.

Едва произнес он: «Ну, готов!» — вдруг обдало его тьмою, потом подняло его, потом казалось ему, что он бухнулся в воду и несся между прохладными волнами. Тьма вокруг него исчезала, исчезала, и он увидел себя в самом деле на золотом дне воды; что-то текло впереди, волны раздвигались перед ним, пучились, дулись. Вдруг видит он в воде точно как терем светлый, прозрачный; своды и стены его

пенились, пузырились, кипели; радужные цветы света переливались на них, блистали, вспыхивали, потухали и опять загорались.

Юноша вошел под свод терема.

Во впадине, унизанной камнями, обращающимися то в алмаз, то в жемчуг, то в янтарь, то в кораллы, пыхла седая глыба воды. Это был Днепровский Омут.

Едва только увидел он пришельца, вдруг заклокотал:

— А, это ты?

— Я, — отвечал юноша.

— Ведаю, ведаю; а как тебя прозывают?

— Как прозывают? — сказал юноша.

— Не ведаю того. — Не ведаешь! — заклокотал Омут. — Вот примером... меня прозывают... о, да мне много имен: сродни я *Лучине*, *Бездна своя* мне; да Днепр под началом моим; а с Днепром нелегко управляться: враз из берегов вон!.. Много у меня в подводном царстве пены, а пузырей еще больше! Забурчу — взбурлит и весь Днепр, повалит вал за валом, в меру, словно конь главу вздымает да белою гривой потряхивает; пойду по власти, а за мной волна греватая да струя светлая, по-вашему дочь; а Днепр-река вздуется, поднимется на дыбы; а зовут меня Омут-Царь. Ведаешь теперь?

— Ведаю, Государь Омут.

— Ну, а тебя как прозывают?

— Не ведаю, Государь Омут; у меня ни своих, ни родных, и под началом никого нет, — отвечал юноша.

— Как! — вскипел Омут. — Меня обманул Нелегкий? ты не Светославич? у тебя нет отца?

— Нет у меня отца; он, вишь, молвят, у тебя, Государь Омут, — отвечал юноша.

— То дело, — прошумел Омут, закрутив седые усы. — Призвать ко мне Светослава!

Послушно хлынули ключи, окружавшие престол, потекли исполнять волю своего Царя.

От крутого берега реки отступила волна, сторожившая впадину, заваленную огромным камнем; накатилась снова и порывом своим отвалила камень; со мшистого ложа, во впадине, поднялся великан воин; сверх железной, заржавленной брони лежала на плечах его широкая красная мантия, обложенная горностаем; главу его покры-

вала железная шапка с золотым лучистым гребнем. Лицо воина было бледно и покрыто струями запекшейся крови. Он подошел к *Глыбе*.

— Светослав! — произнес громогласно клокочущий Омут.

На воине потряслась тяжелая броня, хлынула кровь из-под шлема, заструилась по течению реки змейкой.

— Это ли сын твой, на котором лежит твоё проклятие?

На воине потряслась, застучала тяжелая броня.

— Вот отец твой! — продолжал клокотать Омут, обращаясь к юноше. — Проклятым словом отдал он тебя *нам* во власть и сам угодил за то во *вражьи* руки. послужи *нам*, славь наше имя на земле, откупись службой и молитвою сам, откупи и череп отца своего: Бошняки* пьют из него мед; а без черепа нет пути отцу твоему в божьи сени. Светослав, покажи сыну своему главу свою; не унесла она седого чупа в обитель умиранных.

На воине застучала броня; приподнял он шлем... На голове нет черепа. Содрогнулся юноша, холод пробежал по его членам...

На воине снова затрепетала броня, уста и мутные очи отверзлись.

— Слышишь ты, Светославич, волю и молитву отца? — пробурчал Омут.

— Слышу! — едва произнес юноша.

— Памятуй! — продолжал Омут. — Добудь же от Бошняков череп его, сотвори лик тьмуглавый... и молись... чуешь? гремит...

Вдали над Днепром грянуло... свет подводного царства стал угасать... все потухло, обратилось в ночь, заволновалось, закипело...

— Памятуй, Светославич! — раздался снова глухой голос.— Добудешь череп... исхитишь власть у Владимира, погубишь Ярополка, сядешь на столе Княжеском... Поручь храмы святые, возлей на жертвенники кровь... А добудешь череп... брось его... в черную полночь... в грозную тучу... в Днепр... и будет тебе награда, и дева красная по сердцу, и желаемое все...

Слова раздавались, как перекаты грома; вдруг удар разразился над юношей; содрогнулся он... видит себя на берегу крутого Днепра, под черною, громовою тучею; молния льется струями по небу, далекий Киев как в огне. Трепещут Киевские люди, выбежали из домов,

* Печенеги.

стоят, воздев руки к небу, смотрят, как гроза бьет в терем Ольги; но терем стоит невредим, молния скатывается по золотой кровле и рассыпается искрами.

А юноша сидит под черною тучею на холме Днепровском; он еще не совсем очнулся от страшного видения; он повторяет его в мыслях. По частым кудрям стекает дождь; он ничего не чувствует, думает о воле отца, думает о деве красного терема...

Сидит сиротой и не плачет — ему еще тайна житейское горе.

Х

А Владимир принял власть стола Княжеского, сидит в Новгороде, суд судит, ряд рядит, творит требы и праздники, на весельях тешитя, у всех людей *ласковым солнцем* величается; да не сбудет кручины, залегла на сердце, мутит душу.

Призывает он Добрыню поведать ему горе свое.

«Не век мне, говорит, холостым ходить, без жены гулять; кто знает красную девицу станом статную, умом свершенную, лицом белую ровно белый снег, а румяную ровно маков цвет, брови черные ровно соболи, очи ясные как у сокола?»

Думает думу великую Добрыня, досвечивается у людей: нет ли в Новгороде красной девицы, годна бы была ласковому Солнцу Князю Владимиру.

Думают думу великую и старейшие Новгородские люди. «У нас красные девицы все равны, — говорят они, — которая Князю полюбится, приглянется, та и будет его княгынею».

— Все равны, хороши у нас красные девицы, — промолвил Жилец Буслай, — а видел я красную девицу лучше всех, какой и свет не родил; а была она в хороме Волосовой при мольбе в Князеве пришествие, была с моей кумой Становищенской.

Вот пошли узнать у Буслаевой кумы про девицу, какой свет не родил.

— Была, была со мной девица в хороми, да не родная, не знакомая, и не ведаю, откуда она, какого рода-племени, заезжая ли, мимоезжая; молвят люди басню, то, дескать, Царь-девица, дочь Гетманская, с Золотой Орды; ходит она но свету, ругает, витяжничает, и нет равной ей ни красотою, ни силою.

Идет Добрыня к Князю Владимиру поведать речи людские, Нов-

городские; да не сказал про Царь-девицу Ордынскую; не Великому Князю чета девица-скитальница, по свету ходит, ворон пугает!

— Выбирай, — говорит он, — Князь, себе девицу Новгородскую: а не выберешь, шли Послов к Рогвольду Князю Полтескому; есть у него дочь единокровная, на диво миру мирскому.

Послушался Владимир Добрыни, стал ездить гостем-женихом на пиры почетные Боярские; был у всех, где только дочь, девица младая, красотой и добротой славилась; откушивал хлеба, соли и калачей крупчатых, пил мед и вино заморское:

*Обед чинил про Князя Володимера,
Про всех гостей, про всех людей,*

*И садился Володимер Князь
За столы браные, белодубовые,*

*Втапоры повара были догадливы:
Носили яства сахарные, питья медвяные.*

*И будет день в половину дни,
Будет стол в половину стола,*

*Говорил он, ласковый Володимер Князь:
«Исполать тебе, честная Боярыня, благоразумная!*

*Употчевала меня со всеми гостьми, со всеми людьми:
Видел я дом ваш, видел золото и серебро,
Не видал я только вашего алмаза многоценного!»*

И эти слова были знаком к выводу на показ дочери хозяйской.

И она подносила Князю чару зеленого вина; да не медлил Князь, испивая и быстро смотря на девицу, горевшую от стыда; он торопился дарить ее ласковым словом, серьгами и увяслами, а не сердцем...

Не находил он того, что желал. Нигде не встречал красной девицы, которую видел в храме Волосовом.

Потеряв надежду, послал *Слѡв* к Полтескому Князю Рогвольду

просить у него дочь младую, лепую, в жены себе. Грустно рассчитал он, что этот союз прекратит постоянные раздоры Новгородцев с Плесковцами за рыбную ловлю на озерах, находящихся в вершине *Лопата*.

Между тем Добрыня отправился покорять Чудь белоглазую.

Послы Владимира прибыли в Плесков, приняты были с честью, читали грамоты от Князя и Великого Новгорода. Дело шло на лад; но в то же время приехали послы и от Великого Князя Киевского. Братья как будто сговорились. Рокгильда была предметом того и другого посольства. Честолюбивый *Свей** рассчитал по пальцам выгоды свои и предпочел Великого Князя. Ярополковы послы отправились обратно, Владимировым медлили давать ответ; но Новгородцы поняли, в чем дело. Торжественно и всенародно назвали они Конунга обманщиком, плюнули в глаза его *Диарам* и ускакали.

Гордость потомка *Гефионы* взбурилась. В надежде на помощь Великого Князя Киевского, он послал *стрелу*** по всей власти своей собрать громовую тучу на Новгород. Между тем послы Киевские возвратились с *книгами писаными* и дарами Ярополку от Рогвольда; прибыли вслед за ними и послы Рогвольдовы просить рати против зазорной: Новгорода.

Думцы Ярополка, а потому и сам Ярополк, были рады случаю; в Киеве уже собиралась рать, готовая идти с ответом на требование Владимира разделить *Деревский* удел или заменить его соседними землями Новгороду.

Гонцы поскакали во все стороны. От востока, от полудня и от вечера потянулись рати на Новгород.

Собралось Новгородское Вече; кричат Новгородцы: «Де будет клят от бога и умрет своим оружием, кто не станет грозою на врагов наших и врагов Владимировых!.. Изоденемся оружием, братья, понесем на тулах, в налушнях и во влагилицах острую, смертную дань Киеву и Плескову!»

Но тяжки дела Новгородцев. Добрыня еще не возвратился из Чуди, где были главные силы Новгорода, не предвидевшего раздора с Киевом, не боявшегося Плесковского Князя Рогвольда; а Рогвольд

* Швед

** Знак войны у индоевропейских народов.

уже шел на Новгород, а слухи о сборах Ярополковых уже были страшны. Владимир почуял грозу, отправил гонца к Добрыне, послал новобраную рать против Плесковцев; а сам простился с Новгородцами завещал им мужество неослабное для защиты воли Новгородской, и сел на червлёный *Сокол корабль* — бока словно ребры у зверя великого. Сорок вёсел вспенили Волхов; тонкие, полотняные паруса вздулись. Плывет корабль в Варяги; скоро поклонился он от быстрого Волхова Неве *чреватой*, проезжал уже *Ботну*... Вдруг, откуда ни возьмись, вражьи ладьи Свейские... Тщетно вспели тетивы у тугих луков, напрасно взвыли, посыпались частым дождем каленные стрелы: нападение было неожиданно, внезапно, и *Сокол* Владимиров был пленен.

Возгоревала душа Владимира, восплакала, а очи сухи у Князя.

— Слушайте, — говорит он Свейским людям, — есть у меня много серебра и золота, черных соболей и бурых бобров; богатый выкуп дам вам, отпустите только; не отпустите, везите меня к своему Королю Свейскому: только ему скажу я свое имя.

Повезли Владимира в Упсалу к Конунгу Свейскому: быстрый шнек рассекает волны, Свейские гребцы поют песнь победную.

XI

Весеннее солнце золотит воды великого полуночного моря, дружно перекатываются волны по струям умирной пучины, голубой, как небо; выказываются они из глыбы, как лики седых старцев; появляются в виде древних нимф с клубящимися рассыпными кудрями; гордо раскидывают радужный павлиновый хвост; налетают на быстро несущиеся по течению льдины и рассыпаются по ним как жемчуг.

Вдали возвышаются, над поверхностью холодного моря, берега Фэрейские*, древнее Тулэ**.

Более двадцати островов, которых холмы покрыты лесами, кажутся разбросанными по равнине священными дубравами, осеняющими валы высоких зубчатых стен и бойницы древних зданий.

Но чем ближе к берегу, тем более делится дружная толпа островов, тем живее кажутся предметы, как будто освещаясь от приближения взоров человеческих. Уже отделяется черный лес от зеленого холма, уже стелются по долинам пестрые ковры, задумчиво стоят скалы, увенчанные зеленью; иные склонили отяжелевшие главы свои, над которыми пахутся две-три вековые сосны, как еловцы богатырского шлема; уже над утесами образуются гордые замки; невидимая рука обводит резкими чертами стены, сторожевые башни, зубцы, амбразуры, шпили, узорчатые прорезы, навесы, выходы, крутые кровли, мосты подъемные, — быстро оттеняет все предметы, набрасывает на них свет и краски, и вы не сводите взоров с чудного здания, принадлежащего владетелю Фэрея, могуществу Зигмунду Брестерзону.

* Фаррерские острова.

** Исландия.

С женою своей прекрасной Торальдой и с приехавшим из Свей другом Оккэ сидит он подле камина в великолепной зале Норманнской архитектуры. Свод залы разделяется на четыре купола; и кажется, что они, желая найти себе опору внутри здания, столкнулись, срослись и повисли над серединою залы, поддерживая общими силами медный *канда-лабр* над круглым дубовым столом, стоящим по середине. Наружная стена из узорчатых окон; боковые стены до половины покрыты резным черным дубом; на возвышении одной ступени сделаны ряды *бесед*, покрытых рытым *трипом*; в середине правой стены огромный камин; труба с широким навесом, украшенным *Туреллами*, выдалась вперед; огонь в камине потухает только на три летних месяца.

— Пей, Оккэ! — произнес Зигмунд, взяв со стола серебряный бокал, который наполнила пенистым вином Торальда. А бокал, налитый рукой прекрасной женщины, был большою честью гостю: вино более пенилось, становилось пьянее. А Торальда, эта простодушная любовь Норманца, прекрасна была, в повязке, похожей на шлем рыцаря, лежащей на русых косах, с блистающим венком вместо орла, львиной головы или перьев; стройна была подшитым золотом корсетом, перепоясанным широкой золотой тесьмою, из-под которой, как водопад, струились складки голубого бархата; две поручни оковывали каждый рукав, пушистый и белый, как пенистая волна.

— Пей, Оккэ, — повторил Зигмунд. — Пей! черной думой не потушишь горя! Слезами только можно унять слезы! а виноград есть слезы *Фрей*. Каждый год плачет она о погибели Одина. — Пей, Оккэ!

— Да! — отвечал Оккэ, вздыхая. — Сладки, утешительны слезы, которые льет рука, а не очи дружбы и любви; а слезы Мальфриды, горькие слезы! их пьет злодей отец ее!.. Но этот бокал посвящаю я мщению!..

Оккэ ударил бокалом о стол, вино вспенилось, зашипело, искры запрыгали.

— Найду я в сердце друзей участие или нет?.. обнажат они мечи свои за меня или нет... все равно! Оккэ не перенесет обиды, как раб!.. Зигмунд! руку!

— Вот тебе рука моя! — отвечал Зигмунд.

— Чокнемся!.. О, ты дивный человек! ты без опыта понимаешь

муку безнадежной страсти! Я изгнанник из моей родины, лишен моих ленных владений: на то была воля Эрика, отца Мальфриды; но изгонит ли он меня из сердца дочери своей? Торальда, ты должна сказать мне про то, ты женщина — ты знаешь женщин!

— Я не знаю Мальфриды, но если она тебя любит... — отвечала Торальда, облокотясь на плечо Зигмунда и преклонив свою голову к его голове.

— Доканчивай!.. но я опишу тебе Мальфриду! — вскричал Оккэ. — Она дочь Конунга..

— Дочь Конунга! — прервала Торальда с удивлением. — Ах, это великая особа!

— Да! дочь Конунга! — продолжал Оккэ. — Она сказала вассалу отца своего: «Я буду Блотадой, Оккэ, или женой твоей! отец может избрать первое, я избираю второе!» О, эти слова как руны неизгладимы и сбудутся, как предвещения Скульды!.. Но куда я жив, Мальфрида не облечется в белую одежду, не наденет на себя непропнищаемого покрывала!..

— Это ужасная участь! Как должна теперь страдать Мальфрида! — произнесла сквозь слезы Торальда. — Я не знала подобного несчастья, и ты, Зигмунд, не страдал от любви ко мне. Помнишь, когда ты и брат твой жили у отца моего? Отец мой Ульф так любил тебя и матушка Рагн-хильда также любила; она никогда и не думала бы отказать такому храброму мужу, как ты. Помнишь, когда ты в горах убил медведя, батюшка Ульф сказал так: «Это есть одно героическое деяние!» и прибавил еще: «Зигмунд много великих дел произведет!» И он правду сказал. Когда ты вырос и приобрел силу и мужество, то сказал отцу моему: «Теперь уже, любезный Ульф, опекун мой, время мне и брату и других людей знать, править конем и ратовать; пойдем мы к Олофу Тригвасону, который вызывает к себе на службу многих рыцарей». Ульф сказал на то: «Так должно случиться, как вы сами желаете!» И тогда одел он тебя в воинскую одежду; о, как мы тогда плакали! Потом пошел отец мой провожать вас до *Доврефельда*, откуда виден уже и Оркедаль; тут сел он отдохнуть, и вы сели; и рассказал он вам, как вы ему достались от Бонда Торальда, который вывез вас младенцами из Упландии; а ты ему сказал: «Чудное дело это, любезный опекун; а я тебе хочу сказать, что я не добром заплатил за твою опеку, потому что твоя дочь сказала мне, что она *непраздна* и

что этому виноват один только я...» — «Знаю, — возразил тогда отец мой, — я замечал вашу любовь, да не хотел запрещать ее...» Ты тогда сказал: «Потому-то, любезный опекун, я и хочу просить тебя, чтоб ты Торальду ни за кого другого не выдавал замуж, кроме меня; ибо я хочу иметь ее женою, и другую не желаю иметь...» Батюшка Ульф согласился; а ты обещал возвратиться; и чрез три года исполнил свое обещание, и возвратился знатным уже и богатым мужем, получив от Норвежского Короля в лено Фэрей и много золота и одежды. Тогда и мне привез различные дары и красного бархату на платье...

Еще не успела кончить простодушная Торальда рассказа, вдруг раздался на востовой башне звук рога.

— Друзья или неприятели плывут к острову?.. Тем и другим готовь прием! — сказал Зигмунд, стукнув кружкой но столу.

Вскоре вошел усатый воин.

— Купец Рафн приехал! — сказал он, остановясь подле дверей.

— Рады! — отвечал Зигмунд. — Зови его в гости ко мне!

Воин вышел.

— Это мой вестовщик; привозит со всех сторон товары и новости, — сказал Зигмунд.

Вошел человек в круглой, серой, с огромными полями, шляпе; узкая, черная одежда, с малиновыми буфами на рукавах, под поясом и на коленях, обрисовывала живой стан его; на широком ремне с бляхами, опоясывавшем его, висела короткая спада; по плечам растилался белый воротник; на ногах были башмаки. Окинув всех быстрыми очами, он снял шляпу и произнес к Зигмунду:

— Да разольется благополучие на твоём доме и на потомстве твоём, высокородный Зигмунд! И тебя, Торальда, прекраснейшая из всех, тем же приветствую!

— Какие новости, Рафн? возьми этот бокал, пей и рассказывай.

— Время идет не к лучшему, товары вздорожали, торг упал; но много ценных мехов привез я тебе, высокородный Зигмунд, из Рейсландии.

— Что там делается?

— Доброго мало! Союзник ваш Вальдимир в плену у Свейского Конунга.

— Как? — вскричали в один голос Зигмунд и Оккэ.

— Вот как случилось это, — продолжал Рафн. — Между братья-

ми Вальдмиром и Яриплугом возгорелась вражда за наследство после третьего брата Олофа; с Яриплугом соединился Рогвольд Плоксландский. Вальдмир ехал звать тебя и Олофа Тригвазона на помощь; но чрез Зунд нет проезда; Стирбиерн, племянник Эрика, обманул дядю, сказав ему, что он будет преследовать только Викингов; вместо того он грабит и пленит всех проезжих. Кажется, что Эрик сам на себя дал ему в руки меч.

— Конунг Валдмар в плену у Эрика!.. Его должно выручить или выкупить! — вскричал Зигмунд. — Яриплут, соединившись с Рогвольдом, может соединиться и с Эриком... тогда ему будет легко покорить море и нашу независимость!

— Но ты один ничего не сделаешь Эрику, — сказал Рафн.

— Здесь кроме недруга есть враг Эрика! — произнес гордо Оккэ.

— Клянюсь высокородному Оккэ! — сказал Рафн.

— Ты, Рафн, почему знаешь меня? — спросил Оккэ.

— Молвою земля полнится. Я только что из Упсалы; там узнал я две новости: одну ту, которую никто, кроме меня, не ведает, что Конунг Вальдмир привезен пленный; другую ту, что Оккэ изгнан Эриком из Свитиода за свою пламенную, истинно рыцарскую любовь к Мальфриде. Говорят также, что для посвящения Мальфриды в Блотады готовится великое торжество.

— Зигмунд, не медли для дружбы! — вскричал Оккэ.

— Но, высокородный рыцарь, тут силою ничего не успеешь; на Эрике крепки латы, а у городов его крепки стены. Мой совет таков: где сила не берет, там берет хитрость.

— Постыдное средство! — вскричал Зигмунд.

— Точно такое же, как твои могучие плечи и твой меч Зигмунд, — сказал Рафн. — У кого нет рогов и клыков, тому дана уловка. Надо же как-нибудь сохранить равновесие между силой и бессилием. — Должно поспешнее уведомить Олофа Тригвазона; ему Гардарикия как отчизна мила, а Владимир друг. Эта новость огорчит его, он верный помощник наш. Оккэ, в Упсале теперь две жертвы: Мальфрида и Владимир; их должно выручить.

— Рафн говорит правду, Зигмунд, — сказал Оккэ. — На море ты второй Грим; но на твердой земле Эрику ничего не сделаем. Ни силой, ни добрым словом не взять нам Владимира и Мальфриды.

— Употребляйте вы какое хотите средство, я только вам помощ-

ник, где извлекается меч по звуку рога,— отвечал Зигмунд и призванному Ярлу отдал приказ вооружить сто пятьдесятвёсельных шнеков.

— Зигмунд, ты опять оставляешь меня! — произнесла печально Торальда.

Зигмунд обнял жену свою.

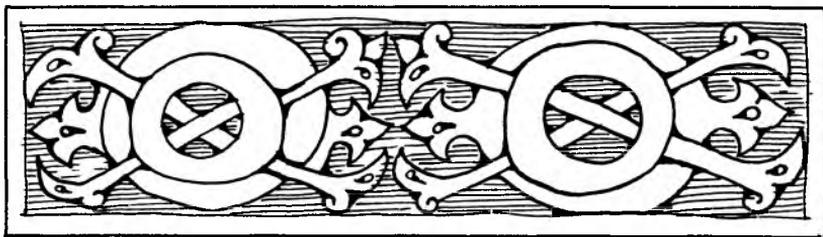
Между тем Оккэ и Рафн переговорили между собою.

— Зигмунд! — сказал Оккэ. — Вели передовым твоим судам идти под флагом купеческим в Упсалу вслед за судном Рафна; а ты с остальными следуй за нами двумя днями позже. Проходи Зунд под мирным флагом, известив Свеев, что идешь на службу в Гардарикию, в наймы к воюющим Конунгам Русским.

— Делайте что хотите, а я помощник вам там, где нужен меч! — повторил Зигмунд и приказал наполнить опорожненные кувшины и подать другие бокалы.

— Зигмунд, ты опять оставляешь меня! — повторила сквозь слезы Торальда.

Не отвечая ни слова, Зигмунд поцеловал слезу Торальды.

XII

Когда сказали Эрику, что взяты в плен три корабля, принадлежащие Русским Викингам, и между пленными есть муж высокой породы, который не хочет сказать своего имени никому, кроме Конунга, — в то время Эрик был огорчен слезами и просьбою дочери своей посвятить ее в Блотады. Ничто не занимало его, и он приказал заключить пленника в северную башню своего замка.

Прошло несколько уже дней, во время которых Владимир, под мрачным сводом башни, один с глубокою своей думой, сидел подле разжелезенного окна и внимательно смотрел на пучину вод. Отдаление, казалось так спокойно, так близко к небу; а под стопами башни волны кипели, рвались, разбивались о граниты. В отдалении солнце, луна и звезды отражались, как на неподвижном стекле; а под стопами лики их мерцали беспокойно, лучи дробились, рассыпались по поверхности вод. В отдалении корабль плыл так гордо, раскинув как лебедь крылья свои; казалось, что ветры ласковы к нему, а волны обняли его дружескими объятиями; но под стопами бьются уже о гранит остатки снастей и крепких ребр гордого корабля.

Когда согласие на просьбу дочери утишило горсть Эрика, он велел призвать к себе Владимира.

Величественная наружность его удивила Эрика.

— Спросите его, на каком языке может отвечать он на вопросы мои? — сказал Эрик, обратиться к окружающим.

— На твоём, Конунг, — отвечал Владимир на Свейском языке.

— Кто ты, муж благородный? — спросил Эрик.

— Если б я был гость твой, тебе бы нужно было знать мое имя; но знать имя пленника нет пользы; спроси лучше, какой выкуп дам я за себя.

— Ты кладешь сам на себя дорогую цену.

— Потому что ты продаешь чужой товар и не знаешь ему цены.

— За дар свободы я хочу знать — кто ты?

— Если б ты купил мою свободу на поле битвы, ты знал бы ей цену и, может быть, не был бы так щедр; но я неправого полону не признаю; тебе нечем меня дарить; возьми, если хочешь, выкуп, а до имени моего тебе нет нужды,

— Но если я узнаю имя твое? — произнес Эрик, улыбаясь.

Владимир взглянул на него с удивлением.

— Не знаю, кто бы тебе сказал его.

Эрик приказал всем удалиться и продолжал:

— Садись, я знаю, кто ты: гордость твоя не допускает соединить имя Зигмунда Фэрейского со словом *пленник*; но ты теперь гость мой, садись!

— Гость нежданный, и не Зигмунд, а Владимир Князь Великого Новгорода.

— Владимир! — вскричал Эрик. — Вот странный случай! но для чего Владимиру разъезжать по морям, подобно Викингам?

— Я тебе расскажу причину, Эрик; я не с товарами ехал и не заниматься в службу, — отвечал Владимир.

Эрик велел подать золотые бокалы и вина. Из тронной залы перешел он с гостем в рыцарскую *Биор-залу*, названную в честь *Биорзалы* бримера; сели подле круглого стола, налили кубки, и Владимир рассказал причину поездки своей к Олофу Тригвазону.

— Если б я знал твой нрав, Эрик, я бы не минул сам твоих *тихих заводей*, — прибавил он.

Эрик предложил ему дружбу, братство, корабль для поездки в Нориге и обещал хранить в тайне имя его; но просил пробыть у него в Упсале юбилей в честь Инге-Фрея.

Владимир согласился.

Это празднество совершалось чрез каждые семь лет в воспоминание Инге-Фрея, внука Одинова, построившего в Упсале, в 220 году, храм по образцу Азгардского храма, коего описание сохранил Платон.

Сей храм стоял на возвышенном холме и обведен был Ормуrom, чешуйчатой стеною, уподоблявшеюся священному Дракону, который, свернувшись, обнял собою вершину холма. Огромная пасть

Змея служила входом в просторный двор, посреди коего возвышалось крестообразное здание с бесчисленными верхами и иглами. Каменные поседевшие стены изрезаны были рунами и изображениями. Пред входом был подъемный мост на гранитных цепях; каждое звено было в две пальмы длины и в полторы ширины, и предание говорило, что каждая цепь вырублена из цельного камня. Преддверие составляли два отдельных столба. Круглый свод уподоблялся радуге, по которой неслась четырехконная колесница Тора, увенчанного лучами солнечными. Вправо от преддверия возвышалась необъятной толщины сосна, насаженная самим Инге-Фреем, как символ постоянного блага; из-под корней ее истекал чистый источник. Это семисотлетнее дерево обнесено было оградой, и перед ним теплилось пламя на жаровне жертвенника.

Под сводом алтаря, испещренным резьбою, золотом и разноцветными камнями, и под драгоценным навесом, на возвышении, устланном шелковой раззолоченною тканью, стоял тройственный престол. На верхней беседе восседал Один в венце с тремя золотолиственными ветвями. Образ Одина осенен был густыми ниспадающими волосами и бородой; левая рука его лежала на плече Тора, сидящего на второй беседе, одною ступенью ниже. Над главою Тора был блестящий лик солнца, усыпанный светлыми камнями. На третьей беседе, ниже Тора, восседала Фрея, божество любви. На главах Тора и Фреи также короны, одежда испещрена сокровищами, руки воздеты к небу, десница указывает на Одина.

В нишах *Альга*, по сторонам, стояли па подножиях истуканы 12 Диаров Одиновых, верховных судей Хеймдалла.

Когда Владимир и Эрик вступили в храм, сопровождаемые двором и народом, — которого толпы в тишине стекались со всех сторон к святому холму, — на хорах раздались звуки цимбалов и Ваалхорнов.

Главный жрец, в позлащенной широкой ризе, с главуком раздвоенным, с накинutoю белою пеленою на левое плечо, приступил к Блуг-боллс пред жертвенником и стал совершать жертвоприношение от семи начатков животных, птиц, плодов и растений. 12 жрецов, обступив его с обеих сторон, держали над ним, на золотых жезлах, изображения 12 созвездий; каждое заключалось в трех обручах, усеянных золотыми звездами.

Между тем громогласный хор Гальдраров пел волхования Одиновы:

*Знаю я песнь, звуки ее, как щит от стрелы, от копья и меча;
Колелется твердь, в небеса заплескала пучина.
Шипит Ормургандур, цепями звуча;
Но в мир тишиной пронеслась песнь Одина!*

*Знаю я песнь, звуки ее, как семя, падут на поля:
Ложатся на нивы росой благотворного неба;
И тучную пажить приносит земля;
Волнуются морем колосья насыщного хлеба!*

*Знаю я песнь, звуки ее внятны — для слуха Мидгардских жильцов,
И в недрах земли, и в глыби морей, в колыбели и в гробе, —
И глухорожденным, и праху отцов, —
Младенцам в святой материнской утробе.*

Когда жертвоприношение совершилось и пламень обнял непорочные жертвы, Блотад оросил чашу Лаут-боллу кровью, почерпнул освященного вина, испил сам во здравие богов и поднес Эрику, Владимиру и знатнейшим спутникам Конунга. После сего вошел он на кафедру и читал поучения Одина. Потом, опустив руку в урну, стоявшую подле него па треножнике, вынул строфу пророчеств Сифы, начертанную Фимбультиром на медных досках, и прочел:

*Солнце чернело, тонула земля,
Падали светлые звезды;*

*Боролись стихии друг с другом,
Вздвигались волны до неба,*

*Но чудище воет в пучине огня;
Видит, что все возвращается снова в пределы:*

*Земля показалась из вод, раскинулась зелень по Иде,
Буря прошла, орел воспарил,
На горах раздалась добровестные звуки!*

Обряд кончился; вышли из храма. Эрик повел Владимира в свои чертоги, угощал его под именем посла Конунга Гардарикии и полюбил его как сына.

На пирах видел Владимир меньшую дочь Эрика, Мальфриду; красота ее поразила его, хотя память о неизвестной деве Новгорода в нем еще не потухла.

Беседуя однажды, Эрик заметил, что дочь его нравится Владимиру; он сам предложил ему Мальфриду и как будущего зятя повел его в залу предков.

— Поклонись со мною, — сказал он, — царям древнего царства.

И они вошли под своды пространной мраморной храмины. В простенках узорчатых окон, украшенных разноцветными стеклами с изображениями подвигов Свойских Конунгов, висели образы их в золотых рамах, обставленных оружием и трофеями побед их. Под каждым стояла гробница под пурпуровым балдахином; на каждой гробнице лежала корона и меч.

Но в глубине храмины, на возвышении, в нише, украшенной резным золотом, стояла гробница из черного мрамора; шелковый покров ее, на котором видны были следы Рунических знаков, истлел.

— Поклонись, Владимир! — произнес Эрик, подходя к гробнице, сложив на грудь руки и преклоняя голову свою. — Здесь лежат письмена законодателя нашего Одина, изведшего нашу землю из глубины морей и вложившего в недра ее золото. Никто не постиг сих письмен, принесенных с Востока: буквы и смысл их таинственны; только Один понимал их. Древнее предание говорит, что это — писание о начале, продолжении и конце мира, погребенное от потопа в граде солнца, первом и древнем Азгарде, который был в стране *Азланд*, погрузившейся в море, после царения богов на земле.

Эрик снова поклонился гробнице, заключающей в себе книгу судеб; потом повел Владимира в оружницу и остановился пред огромными доспехами, лежавшими на мраморном подножии, под балдахином.

— Вот, — сказал он, — доспехи нашего праотца Геоа Хельг-Атта. Не было в мире силы, которая преодолела бы его, но праща хитрого Давыда поразила его; он пал, пало с ним и могущество наших предков на Востоке. Бог Израиля все покорил и покорит, — продолжал

Эрик, воздыхая. Злые Папы сеют уже раздор и нечестие по земле Свейской.

Эрик прервал слова свои; но, вошед в небольшой покой, которого стены были увешаны драгоценными доспехами и оружием, продолжал:

— Ты, Владимир, можешь быть мне помощником, я рад твоему приезду; против брата твоего я дам тебе помощь. Гардарикия будет твоею; достоин ты царствовать по всей Русской земле; но, в замену, ты заодно со мною должен восстать на Папеж. Не слабою женой уродилась моя Мальфрида; не лестью хвалю ее, а правдой. Красота ее славится; кроме золотой одежды носит она железную; умеет она управлять копьем на играх *Торнера**, *спадарь* ее не легок, он принадлежал предку ее Инге-Фрею и в руках его испил крови на берегах Греческого моря. В туле ее только 12 стрел; но ни одна из них не отставала от орла под небом и от серны в скалах горных; как верные соколы, возвращались ее стрелы к ногам охотницы с добычею. Вот ее золотая *бринна*, до которой не касались еще ни меч, ни копье противника, как до сердца Мальфриды любовь мужей, искавших ее руки. Ты будешь первым, Владимир, пред которым снимет она с себя вооружение и явится в образе слабой женщины.

— Конунг, — отвечал Владимир, — ты еще не спросился сердца твоей дочери, по душе ли я ей; а над чужой душою нет земной власти.

— О, она пойдет по тому пути, который я покажу ей. До сих пор мое желание было посвятить Мальфриду в невесты храма; святая Фрея избрала бы ее в голубицы свои; священна обязанность *Блотгидии***, но я предпочитаю счастье иметь такого сына, как ты, и самая польза двух сильных царств требует этого союза. Тебе грозит Киевское Княжение; Руссам грозят Половцы и Греки, а мне Римские власти. Завтра представлю я тебя как жениха моей дочери.

* Турнир, военные игрища па праздниках Тора. (Прим. Вельтмана.)

В действительности происходит от франц. *tournoi* — состязание в ловкости и силе.

** Блотгидия или Блотада. В древней религии Скандинавов жрец назывался *Blotgude*; жрица — *Blotgudia*; *Blot* значит *богопочитание, жертва*; впоследствии приняло общий смысл *кровь*; *gone* или *guage* — священник.

И Владимир ждал с нетерпением нового дня. В этот вечер, беседа с Эриком, он не мог допить бокала, поднесенного ему будущим тестем. Песни *Торвальда Гуалдазона* о любви храбрых рыцарей навели на него глубокие думы; ранее обыкновенного он пошел в свои покои и сел подле окна. Море плескалось о стены замка, даль темнела... Вдруг послышались ему другие звуки, другой голос, голос женщины в ближайшем флигеле замка.

*Бельт темноводный, Бельт суровый,
Дракон Ниорда, что утих?
К тебе поток клубится новый,
Поток горячих слез моих.
Дракон Ниорда! для защиты
Тебя лишь дева изберет,
Ужель ее, как челн разбитый,
Ты выбросишь из недра вод?*

Когда голос утих, Владимир долго еще прислушивался к звукам, припоминал слова, твердил их наизусть. «Кто может так петь, кроме Мальфриды, — думал он, — какая печаль, кроме любви, привьется к сердцу красавицы?.. Мальфрида любит... Мальфрида грустна, печальна...»

В сердце Владимира родились сомнения.

Вошел паж, доложил ему о приходе купца, который приехал с Новгородского торгового и предлагает купить по дешевой цене драгоценные меха и товары.

— Из Новгорода! призови его! — произнес Владимир, вспыхнув и устремив неторопливые взгляды на двери.

Купец вошел, поклонился, сняв свою шляпу с огромными полями, погладил свою бороду, лежавшую на белом нагруднике, окинул быстрыми черными очами Владимира и пажа, находившегося при нем, и произнес:

— Купец Рафн желает многого здоровья знаменитому мужу! Что благоугодно купить ему?.. Есть у меня новые товары и новые вести; есть драгоценные камни, перлы, индейские ткани, бальзам Ерусалимский, розовое масло Измира, меха Русские, новости Новгородские... Что угодно купить знаменитому мужу?..

— Давно ли ты из Новгорода?.. — спросил Владимир, прервав его речь.

— В нарождение нового месяца... Торг был для меня выгоден; меха могу продавать в половинную цену против прежней; Новгородцы сбывали товары свои нипочем: сто марок выменял на тысячи; готовятся воевать с Полоцким Князем да с Киевским. В народе смута. Князя Владимира нет, куда-то уехал, а Добрыню изгнали, говорят: «Ты нам не Князь, мы тебя не призывали». Чудный народ! своим судом судится.

Владимир с трудом скрывает свое смятение.

— Еще что? — спросил он.

— Есть у меня еще разные товары и новости; да если б, знаменитый муж, приказал ты этому молодцу подать мне бокал вина, я бы скорее припомнил все, что есть за душою.

Владимир приказал пажу принести кубок вина.

Едва паж вышел, купец Рафн, проводив его глазами, снова поклонился.

— Теперь купец Рафн желает здравия Конунгу Владимиру...

— Почему ты меня знаешь? — вскричал Владимир.

— Знаю я тебя по Новгороду; но не об том дело, узнаешь все после; мне поручено от Зигмунда Фэрейского отдать тебе поклон и сказать, что его корабли ждут тебя под флагом близ Упсалы, а Новгород ждет тебя под своими стенами. Мы думали, что тебя труднее будет извлечь из неволи, но я вижу, что ты, по крайней мере по наружности, кажешься не пленником, а гостем; тем легче тебе будет воспользоваться предложением Зигмунда.

— Молви ему, не потребна мне помощь его; я открыл Эрику мое имя, и я принят им как гость, не лишен воли.

— Все знаю я; знаю и больше... Ты хочешь быть зятем Эрика; но эта честь не понравится Новгородцам. Свей всегда были им не по сердцу, враги они и твоим друзьям Зигмунду и Олофу; новой дружбой потеряешь ты старую; а старый друг...

— Кто открыл тебе мои намерения? — вскричал Владимир, — кроме Эрика, никто не знает их, и только Эрик может ставить мне сети, испытывая слово Владимира!

— Не сердись на Эрика. Эрик сказал дочери своей, а дочь мне, поверенному благородного мужа Оккэ.

— Говори, проклятый, твои замыслы, или я убью тебя! — вскричал Владимир, схватив Рафна за грудь и приподняв его на воздух.

Наружные двери заскрипели; Владимир опомнился, опустил руку, отошел к окну.

Рафн, как будто сделав прыжок, стал снова на ноги.

Паж вошел с вином.

— А теперь убедительнее заговорю, — произнес Рафн, приподняв кубок с подноса, — за здоровье знаменитого мужа! — продолжал он. — Желаю купить у меня все за чистые деньги!.. ни в словах, ни в товарах моих нет подвоха; желаю также знаменитому мужу в жены Царь-девицу, красавицу, какой свет не производил!..

— Принеси еще вина! — сказал Владимир пажу.

— Это дело хорошее! если б и знаменитый муж опорожнил бокал, было бы лучше, вино — мирный судья, *поход* на весах.

Паж вышел.

Рафн продолжал:

— Слушай, Конунг Владимир, Мальфрида любит Хертога Оккэ, он сватался к ней, Эрик не согласился отдать. Но, узнав про тайную связь дочери с вассалом своим, он исправил зло злом: отнял у Оккэ *лено* и изгнал его из Свей. Мальфрида принадлежит, по всему, Оккэ, и ты, верно, не захочешь называться отцом чужого ребенка.

— И это правда? — вскричал Владимир.

— Правда, которую я не имею нужды подтверждать клятвой; ее подтвердит тебе утро, если ты неверишь мне; но уже будет поздно: до завтра спасти Мальфриду нет средств, над нею строгий надзор, Зигмунд и Оккэ еще в море; а завтра от бесчестья она избавится смертью.

— Чего же ты водишь?.. отречения моего?..

— И это поздно; дал слово, не бери назад; про то, что ты узнал от меня, верно, не скажешь отцу, а отречением без причины себя погубишь. Эрик мстителен, он острामит имя твое и голову на плахе...

— Все равно, — произнес равнодушно, но гордо Владимир, — правду сказал ты мне?

Рафн приложил руку к сердцу.

— Я отрекись от дочери Эрика, — продолжал Владимир, — завтра он узнает мое намерение. Ступай, кланяйся Зигмунду и другу его

Оккэ! скажи, что Мальфриду могут они похитить, а Владимир не бежит тайно из Упсалы!..

Рафн сложил руки и молча смотрел на Владимира, как на лик Одина, которому поклонялся.

— Владимир, ты муж великий, но не отринь молитву мою к тебе! — сказал он наконец.

— Чего еще ты хочешь от меня?

— Не отрекайся от Мальфриды. Объяви Эрику обычай своей земли, что свадьба должна совершаться в доме жениха; поезжай в Новгород, отрази врагов от стен его; Зигмунд идет на помощь к тебе, с ним сто лодий морских: Олоф Тригвазон не замедлит явиться; Эрик также даст будущему зятю войско; Новгород ждет тебя, а об Мальфриде, которую как невесту отправят вслед за тобой, ты не забьешься, тайна между мной и тобой...

Щеколда дубовых дверей стукнула, Рафн умолк, в душе Владимира крылась торопливая дума. Вошел паж с подносом.

— Заключен ли торг, благородный муж? — произнес Рафн.

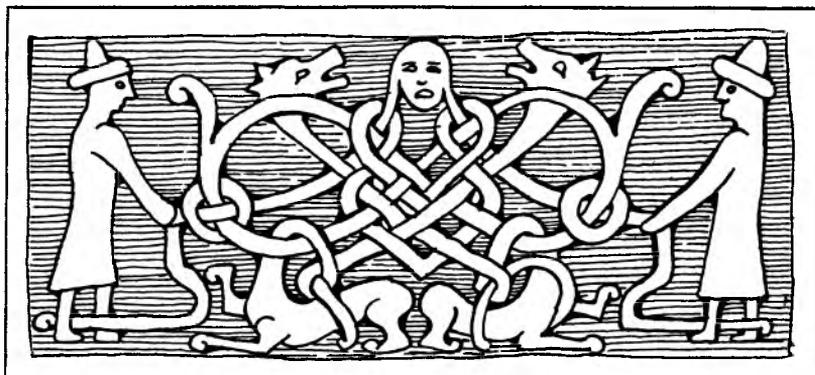
Владимир молчал.

— Проникни тебя святая истина Одина! он говорит: не разрывай первого союза с другом твоим; тоска, как ржавчина, источит сердце того, у кого нет иного советника, кроме самого себя.

Владимир молчал.

— Молчание есть предвестник согласия! — продолжал Рафн. — Вот драгоценное кольцо и ящик с перлами, за которые я не возьму денег до тех пор, покуда не уверится благородный муж, что перлы точно так же неподложны, как слова мои!

Рафн, вынув из-за пазухи и положив на стол драгоценные вещи, выпил бокал вина, поклонился и вышел.

I

Б

егут ряды черных *шнеков* по Бельту Свейскому морю; то-ропятся по поверхности вод, как морские чудовища; при-поднялись их головы над хребтом, пасть разинулась, из пасти железные клыки торчат; веслы, как ряды ног, дру-жно перекидываются; струя следа пушистым хвостом тя-нется, перилы палубные унизаны щитами, за щитами гребцы сидят; на палубе кишат воины, а кормчий стоит на корме сторожо, правит ходом.

За передовым *виндо-шнеком** идет стовесельный *Ор-мур*** , светит медной чешуей, над кормою красный значок развевается, на носу крылатый змей со стальным жалом в челюстях.

Пробежали ряды шнеков Свейское море; закатились

* *Шнеками* назывались легкие суда. *Виндо шнеками* — Вендские или Венетские (Финикийские) суда, на которых помещались и лошади. Сии суда употреблялись при наездах во внутренность земель. (Прим. Вельтмана).

Винда шнек, парусное мореходное судно со сплошной палубой (в отличие от боевого драккара), *винда* — от германского слова ветер, *шнек* — судно.

** Мифологический Дракон, змея.

берега Свионии за хребет Бельта; пробежали шнеки и заводь Финингскую. При устье Нево, между островами, задний ряд шнеков начал отставать, свернул влево, зашел за остров, покрытый черным лесом, и притаился в заводи — не шелохнется; сторожевая ладья, высланная на путь, прилегла к темному берегу, смотрит в даль морскую.

Стоит отряд день, другой; на третий, около вечера, сторожевая ладья стрелой примчалась к красному трехмачтовому шнеку, на котором, облокотясь о корму, стоял кто-то в вороной броне, на нагруднике две красные полосы.

— Nu korninn! едут? — вскричал он на Норманнском языке, подошед скорыми шагами к перилам.

— Fioldi skip fyter nevo! ok enu miki skip! — Много кораблей идут к Нево!

— Один огромный корабль! — отвечали из ладьи.

В далекой глади морской несутся на всех парусах несколько кораблей, орут море; за передовым плывет весь золоченый, хитрой резьбы, на золотых парчовых ветрилах играет солнце. Приблизясь к островам, корабли опустили паруса, пошли на веслах, остановились, бросили якоря, зажгли фонари.

Около полуночи шнеки, скрывавшиеся за островами, потянулись змеею около берегов под навесами вековых сосен и елей; подкрались к кораблям, обошли их, быстро набежали на них, с криком вцепились баграми в борт... «Wikingar! Wikingar!»* — закричала вахта. Но воины вскочили уже на палубы, овладели кораблями, прежде нежели кто-нибудь из находившихся на оных успел поднять меч для защиты.

Черный рыцарь вскочил на корабль золоченый. Кто противился, тот лег на палубе; пленные окованы. Торопится он в каюту. «Мальфрида!» — вскрикивает, бросая свой меч и принимая в объятия бежавшую к нему навстречу женщину.

— Оккэ! — едва произносит она, преклонив на грудь его голову.

Рыцарь прижал уста свои к челу прекрасной женщины.

— погоди! здесь еще есть защитник ее чести! — раздался голос позади рыцаря... И долгая *спада* вонзилась ему в бок, между стяжек

* Северные островитяне, морские разбойники.

стальной брони. Он рухнулся, перекатился со стоном по помосту каюты...

Болезненные восклицания женщины заглушились возобновившимся стуком оружия на палубе. Неизвестный, в богатой одежде, обложенной буфами, с шитым золотом долманом на плечах, с золотую кованую цепью на груди, — отвлек ее от труп.

Между тем стовесельный Ормур, с главным отрядом шнеков, продолжает путь на веслах. Юго-восточный ветер переменился на попутный западный, паруса раскинулись как крылья. Быстро летят вереницею шнеки вдоль по широкой Ново, проносятся чрез Ладогу-озеро, и на третье утро входят в устье Волхова: как стая лебедей, окружают они остров, на котором возвышаются светлые терема Ладоги.

Передовая ладья известила уже Ладожан, кто едет к ним в гости под дружным флагом. Народ сбегался на пристань, ждет *светлого солнца*.

Вот золоточешуйчатый шнек причалил к берегу: народ взывает радостными кликами к Князю Владимиру, толпы идут навстречу ему в воду, сбрасывают подмостки, схватывают его на руки, несут в высокий терем Княжеский.

Веселится душа Владимира любовью Русскою; да горькая весть, как черный покров, ложится на светлые одежды его: Новгород во власти Ярополка, Посадники Киевские правят Вечем, Добрыня в плену.

Старейшие мужи и все купцы и гости Ладожские зовут Владимира на пир почетный.

— Нет! — говорит он. — Не время пиру! не на чем присесть мне; брат Ярополк лишил меня *стола* моего; добуду стол и поведу пир на всех людей моих, а теперь собирайте рать, острите мечи, стрелы и копья, помогите мне!

— *Дивья за Буюном кони паствити, а за добрым Князем воевати!* Повалим головы свои за тебя! — кричит народ, бьет челом, и с шумом растекаются огнищане, гридьба и купцы по домам от двора Княжеского; идут брать оружие.

Владимир с нетерпением ждет известия об отряде Свейского Короля; черная дума на челе его; с вышки смотрит он часто на даль, где Волхов сливается с Ладогой.

На четвертый день забелели издали паруса, как стадо пеликанов. Прибежала передовая ладья с вестью к Владимиру о приезде Свейского Посла Греффэ* Ингиельда Киннагольма.

Владимир и Зигмунд посмотрели друг на друга в недоумении.

Несколько кораблей приблизились к Ладогe.

— Я вижу только золоченый корабль Конунга Эрика, за ним тянутся пять Свейских кораблей и мои два шнека с опущенными флагами!.. что это значит! — вскричал Зигмунд. — Оккэ, Оккэ! неужели ты погиб! а Мальфрида!.. где же Мальфрида?.. Приехал Киннагольм, а об ней ни слова!

Отроки Княжеские донесли Владимиру о прибытии Посла; Владимир приказал звать его. Герольд посольский, сопровождаемый посольскою свитою, вошел и возгласил:

«Благородный Кáроль Ингиельд Киннагольм, Греффе и честь великого двора Свионии, Великий Маршалк Верховного Конунга Свионии и Готландии, Дроттара и Блотата Эрика Сегегсела, Ярл Торгеборский, Герзе** Тиуста и Болмсе, рыцарь двора и меченосец ордена Оденс-Гвардиан!..»

Вслед за сим объявлением, сквозь ряды свиты и гридней, приблизился к Владимиру Киннагольм. После обычного приветствия от Конунга он просил Владимира выслушать его без свидетелей.

Владимир приказал всем удалиться, кроме Зигмунда.

— Конунг Владимир, — говорил Киннагольм, — дочь Конунга Эрика Сегегсела, твоя названная, ожидает твоих повелений. Она на корабле. Преступившая честь и убитая горем поносною страсти, она не смеет явиться пред тобою. Так, при всех она не постыдилась лобзать холодный труп изгнанника Оккэ!

— Оккэ! — вскричал изумленный Зигмунд, едва удерживая порыв любопытства.

— Да! того Оккэ, который осмелился требовать руки Мальфриды; изгнанный из *Свеа-рикэ*, лишенный лена и чести, осмелился он еще более быть преступным: с Викингами напал он внезапно на отряд кораблей, вверенных мне; но наказан этим мечом. Если б откры-

* *Граф*, значит старый, старейшина

** Также почетное звание, значившее в старину *Придворный и*, кажется, произошедшее от *Герцог*

то напал он на нас, чтоб купить своею кровью желаемое, я бы не поносил его дел; но он успел тайно условиться с Мальфридой... по ее воле мы остановились подле засады, в устье Ново; как разбойник окружил нас Оккэ во время ночи, овладел кораблями; но, к счастью, подошли в это время следовавшие позади боевые корабли мои, они выручили нас, а между тем Оккэ ужо плавал в крови своей. Но *аскеманы** не дались легко в руки, битва была сомнительна. Дорого стал Оккэ первый поцелуй любви! дорого стоит и мне победа: злодеи зажгли свои щеки, успели бросить огонь и в мои корабли; от пожара спаслись только: корабль Конунга, два щека неприятельских и Свейских пять. Я хотел возвратиться назад с Мальфридой, вести ее к отцу, но она умолила меня продолжать путь в *Гардарикэ*; ей страшно проклятие отца... Я исполнил ее волю, и теперь, что прикажешь с ней делать и какой будет от тебя ответ в *Упсалу*?

— Мальфрида останется здесь, под моим покровом!.. Ответ Конунгу дам я в Новгороде, — произнес Владимир отрывисто.

Темные мысли лежали на челе его. Он приказал удалиться Киннагольму.

— Оккэ поступил нечестно! — сказал Зигмунд Брестерзон, когда вышел Посол. — Я не жалею об нем; он должен был встретить корабли в открытом море; но судьба Мальфриды ужасна!.. Ее жизнь померкла!.. и ей дорого стоил первый поцелуй любви!

Владимир не отвечал на слова Зигмунда. Думы его мрачны, не к добру идет время! Надежда на помощь Эрика исчезла, у Владимира мало рати.

Но вооруженные люди собираются из волости в Ладогу; готовы идти с Князем все, от мала до велика, юный и старый. По обычаю земли, посылает Вече вопросить у вещунов Холмоградских: будет ли Владимиру добрая *часть*** в брани.

«Добро будет и часть, оже спадет Звезда на помочье ему!» — дают ответ вещуны Холмоградские.

Приносят ответ Владимиру; он сидит за браным столом с Зигмундом, с Боярами и с старейшими мужами своими: они заботятся согнать черную думу с лица его, призвали к столу мимошельца Гус-

* Корабельщики, мореплаватели.

** *Часть* — в старину значило участь, счастье: «часть тебе добрая».

ляра; умеет он звонкие песни петь, хвалить, славить, тешить Князей и Бояр, сказки рассказывать и гадать.

И был уже стол в половину стола, вдруг вносят что-то покрытое на блюде золотом. Два посланца, возвратившиеся из Холмограда, кланяются в пояс Владимиру.

— Святой каравай прислал вещун хоромный Холмоградский, чувствует тебя, Княже Володимер, и сказал: «Добро будет и часть, оже спадет Звезда на помочье тебе!»

Не понимает Владимир ответа вещунов и не хочет понимать. Каравай, обрызганный кровью, разрезают на части, подносят Князю и всем его людям.

— Кто же из вас, мудрые мужи, смысленные, даст толк словам божьим? — спрашивает Владимир.

Никто не постигает, откуда может ниспасть помощь Князю Владимиру. «То, верно, говорят, от Варяжского Конунга Олофа».

— Не то говорите вы, мудрые, смышленные мужи Княжеские! — перерывает речи мимошелец Гусляр. — Скажу лишь я правду истинную *светлому солнцу*, да не теперь, а чрез три дня, когда полки ратные Владимировы изопьют воды из малого Волхова. Звезда спадет на помочь Владимиру,— говорят жрецы Холмоградские, — уж не Звезда ли Царевна, Царь-девица, спадет ему на помочь. Расскажу я вам про нее быль, правду великую; да вели Красное Солнце Владимир, подать мне стопу хлебного меда, было бы чем дивные речи прихлебывать.

По приказанию Владимира подали Гусляру стопу красного меда, и он начал рассказ.

II

Царь-девица

Ох, не горюй, не кручинься ты, Князь Государь, наш милостивец! Много звезд на небе, больше того будет у тебя радостей на сердце. Послушай сказки моей. Сказка былью была, да состарилась. Как зазвонит серебряная память, запоеет душа, придумает, пригадает все, что есть на уме и на разуме, а добрые люди слушают, добрые люди ахают.

Пошли, Свет, красное слово! красное слово — пишу духовную!

Вот как было-то в некотором царстве в Придонском Государстве, в Золотой Орде, у Ордынского Гетмана была дочь единая; да не рядилась она в саяны и в бархаты, не носила она ни серег, ни жемчугов, не сиживала она в высоком терему под косящетым красным окошечком, не певала она сроду: «Ах ты, лен, мой лен, пряжа тонкая, ты не рвися, лен, не крутись в узлы».

Так было ей на роду писано.

Шесть лет не было у Пана Гетмана детей, на седьмой год народилось детище.

Учинил Пан Гетман пир великий, разгулялся на радости. «Ну, говорит, светлые гости мои, будем пить здоровье будущего моего сына!» — «Что бог даст: молодца или красную девицу!» — отвечали гости. «У! семь лет ждал — недаром промолвился, назвал сыном недаром!» — вскричал Гетман, ударив стопую в стол.

— Призвать ко мне *вещунью!* — Призвали *вещунью*. — Говори правду истинную: усы до колена или коса до пят? Добромужданому молодцу народиться или нежданной девице?

— Дозволь, Пан Государь, завидеть Господиню твою, — отвечала *вещунья*.

Повели ее в красный терем, в узорчатую горницу. Насмотрелась вещунья на муки материнские. Идет к Пану Гетману.

— Ох, Государь Пане, — говорит, — не жалея казны, куй броню золотную, гвозди алмазные, шли богатыря могучего, что по рубленому лесу ходит, рукой коряки полет, шли его за мечом-кладенцом, что в Полуночном Царстве лежит, в горе, среди моря *мимоточного!*

— Пейте, гости дорогие! Здравьте будущего моего сына! — вскричал Гетман. — Смотри же ты, ведьма старая! истинные речи твои — озолочу с ног до головы; не сбудутся — два коня разнесут тебя наполю, размыкают по чистому полю! А жену с дочерью заточу в бочку, пушу гулять по широкому морю! Ведите ее за железные притворы, за кованые ставни! Кормите до время пряным печеньем, поите сытицей!

Настал час мук материнских; готовится Гетман принимать на руки сына; подвели к крыльцу вороного коня, принесли на золотом блюде меч и пояс; привели вещунью: стоит она над родильницей, дрожит, очи выкатились, синие уста темные речи нашептывают. Стоит и Гетман в головах родильницы. Застонала родильница, вскинулась, вскрикнула, раздался звонкий голос младенца... Схватила его на руки вещунья и обмерла от ужаса, застучали зубы.

— Сын? — вскричал Гетман.

— Сын, пане, сын! — произнесла трепещущим голосом вещунья, окутывая младенца в пелену.

— Сын! — вскричал снова Гетман, схватил с блюда меч и перепоясал ребенка; а у него на лбу горит словно звездочка. Понесли его на браной подушке к белодубовому крыльцу, — вороной конь озирается, рвет копытами землю, — положили на седло, повели коня под уздцы по широкому двору.

— Дал бог Свет нашему Атаману Царя-Царевича с золотой звездой во лбу! — кричал бирюч, трубил в трубу.

— Здравствуй Царь и с Царем-Царевичем! — кричали люди Гетманские и народ.

— Сгибла душа моя душенька! — вопит вещунья над кроватью родильницы, — народилась у тебя, матушка, Царь-девица, с золотой звездой во лбу!.. с золотой звездой во лбу! не подменишь добрым молодцом. Меня размыкают по полю; тебя, Государыня, в бочке пустят по морю!

Заплакала Царица-родильница.

— Помоги, — говорит, — голубушка бабушка!

— Изволь, помогу, была я у тебя бабушкой-повитушкой, буду и нянюшкой. Не поведает Пан Гетман, что у него дочь народилась. Взлелеем мы ее Царем-Царевичем, окуем ее в броню доспешную, будет она у нас добрым молодцем! Дам я ему дядьку, прислужника верного, свое правое оно!

Стал Пан Гетман клич кликать: где живет такой богатырь, что по рубленому лесу ходит, рукой коряки полет. Прошла молва, что есть-де в Придонском Царстве богатырь *Колечище*, живет у взморья, у Придонского Лимана.

Отправил Царь гонцов к сильному и могучему Колечищу просить в Гетманский стан, в гости. Скачут гонцы, находят богатыря; сидит у моря, белую рыбицу удит, удочка словно коромысло колодезное.

Сняли шапки Послы, поклонились ему низменно, зовут в Царский стан, к Гетману в гости.

Посмотрел на них богатырь с искоса, снял шлык, почесал в голове, тряхнул головой, откинул густые космы от очей, промолвил: «*Ладно!*» — встал и пошел. Лают на него по селам собаки, проходу нет; вырвал он дубок в обхват толщины, отбивается от собак, идет; скачут за ним следом гонцы Царские чрез поля и горы, взмылили коней. Идет богатырь как туча тучная; стонет земля, взмолились Ордынские люди со страха. Готовит Гетман полудник для гостя, высылает хороводы навстречу.

Пришел. Ухнул с дороги, встряхнул пыль с шлыка и с одежи, грохнул дубину о землю, сел посреди двора.

— Исполать тебе, добрый молодец, сильный и могучий богатырь Колечище! — возговорил к нему Гетман. — Сослужи мне службу верную, сходи, пожалуй, на Полуночь; на высокой горе на море *Проточном* есть меч *Кладенец*.*

— Ладно! — отвечает ему Колечище. — Сложу голову за тебя!

Ведут могучего богатыря в мовню; дарит ему Гетман новый ко-

* Кому не известны Восточные, Мавританские и Русские Сказки о волшебных мечах, скрытых чародеями под *горами*, в пещерах и хранимые драконами и чудовищами. Сии-то мечи-клады назывались *мечами-кладенцами*. (Прим. Вельтмана.)

жух; пошло на кожух сорок сороков соболей; ведут могучего богатыря под белые руки за белодубовый стол; Пан угощает его, панские люди величают и в путь-дороженьку снаряжают.

Вот, выпив котелок зеленого вина, поднялся богатырь на ноги, пустился в синюю даль. Скоро идет, не останавливается, так ветры от него и пашутся.

Пришел он к берегам моря Полночного, в землю рыжих Кудесников. Стекается народ, взбирается на холмы, дивится на Колечище издали. Он к нему. Разметалось все от него в стороны; да видят, смирен и тих словно *заводь*. «Где тут, говорит, море *Проточное?*» Мотают головой; выбрали человека, который бы ведал язык *Ризенов*: так величали они Придонскую землю. Пришел один, снял шапку, голова ровно каленая. «Ну, где море Проточное?» — «Не знаю, господин великан, говорит, знала, может, про то Хульда, по-вашему — колдунья, да давно умерла; по ночам ходила кровь пить людскую, а люди взяли да и положили ее ничком и вбили кол в спину; теперь уж она не ходит; а все знала да ведала, говорят...» — «Ладно! — отвечал Колечище. — А на каком погосте лежит?» Красный весь сжался от страха, указывая за темным лесом на далекие горы, на высокую вершину с зеленой макушкой.

Пошел добрый молодец; смотрят вслед ему рыжие люди, дивятся.

Вот подходит к горам. Вдруг закрутились вихри, взвились рассыпные пески, пошла непогода, вьюга вьюжная, гроза громоносная; вздулись ветры, взревели, гонят черные тучи бичом огненным долгохвостником; пыхтит буря, фыркает пеной; всклубилось небо, стонет земля, скрипят темные леса, загудел вихрь, затянули ветры обычную песню про старую волю, хлынул *ливень*, перекинул золотой мост через хляби небесные.

Идет богатырь, режет собой *омрак* наполь, взобрался на высокую вершину с зеленой макушкой. Хлоп палицей гору по боку; разлетелась гора прахом, встрепетнулась земля, закачался лес, грянули вдали громы. Видит богатырь, лежит навзничь старая ведьма, осинovým колом к земле прибита, храпит что есть мочи.

Толкнул ее ногой богатырь Колечище, возговорил к ней:

— Эй! баушка, время вставать!

— Ух, время, голубчик, день-деньской на дворе!.. вынь-ко колок.

— Молви-ко мне, баушка, где лежит клад-кладенец, меч победный?

— Изволь, все скажу; вынь-ко, голубчик, колок из спины.

— Нет, баушка, обманешь, сперва скажи.

— Сказать скажу, да без меня, голубчик, не добудешь.

— Добуду.

— Не добудешь! кому тебе показать, клубочка нет со мною, сгубила.

— Ну, делай как знаешь, добуду меч, выну колок из спины.

— Ох, добрый молодец, несговорчивая твоя головушка! да что с тобой делать, так и быть; ну, смотри... вот тебе струйка, куда потечет, ты за ней да за ней, и приведет она тебя к доброму месту, да не запамтуй слова: добудешь меч, приходи назад, сказать мне спасибо.

— Ладно, — отвечал Колечище, и видит: течет из-под старухи шипучий ручей... закрутился вдоль по тропинке.

Пошел да пошел за ним; а ручей течет да течет; все больше да больше, все шире да шире, все глубже да глубже; вздулся рекой, журчит по полям, по долам, между гор, извивается, ровно змея.

Устал идти за ним богатырь.

Видит: строят корабельщики корабль. «Эх, — промолвил он, — кабы да мне сесть на этот корабль!»

Верно, прослышала река речи его, вскинула волны, расступилась из берегов, да и давай подмывать. Разбежались корабельщики. Смыла корабль, поставила себе на хребет. «Ладно!» — промолвил богатырь и сел на него, плывет, гребет весельцом. Плыл, плыл и видит вдаль высокую гору недоступную, с зеленою маковкой.

Расступается река, дуется озером, растет да растет, подкатилась под скалы, выше да выше, словно на дыбы поднимается; и корабль с богатырем идет в гору. Вот и вершина, вот и маковка, словно шлем перённый тремя елями. Поравнялась вода с берегами, прибила корабль в тихую заводь. Выходит богатырь на берег, смотрит... стоит белый Бухарский конь, как из серебра литой; под конем камень, подле столб с золотым кольцом, на столбе уздечка. Догадлив был Колечище, снял уздечку, поцеловал белого коня в светлую звезду во лбу, наложил уздечку; встрепетнулся конь, заржал — отдалось в темных лесах за морем. Отвел богатырь коня, привязал к столбу; откинул камень, под камнем меч-кладенец. Его-то ему и было надобно. На-

любовался им богатырь, поцеловал булатную полосу, повесил при боку, закинул на коня уздечку, хлопнул по широкому хребту, вскинулся на него, сдвинул ему ребры... пошатнулся конь, видно, тяжел седок, да оправился, фыркнул, пыхнул густым туманом, вскинул хвост трубой, взвился, ударил задними копытами в землю, перелетел одним скачком чрез глубокое Проточное море, понесся стрелою чрез поля и горы, — гонится с ветрами взапуски.

Между тем мнимый Царь-Царевич растет не по дням, а по часам: еще в колыбели родная его матушка и хитрая вещунья нянюшка снарядили его в шитый шишачок перёный, выложенный бисером; в тканые да вязаные доспехи с нашивной чешуей; перепоясали его мечом в локоток. Встает дитетко, заиграют над ним в трубы-литавры, деревянного конька везут, в ручки лук со стрелой. Ходит за ним в прислужниках Алмаз, правое око вещуньи. Растет Царь-Царевич не по дням, а по часам. Минул ему седьмой годок; остригли ему, по обычаю, волоса, дали имя. Шлет Гетман в Индейское царство за светлыми камнями, в землю Эфиопскую сзывает кузнецов, для сына золотую броню ковать, алмазами усаживать. Принимает он сына от матери с рук на руки, сам учит его молодецествовать, охотничать и наездничать, править конем и оружием, спать на сырой земле, перелетать чрез горы, переплывать чрез моря, сносить орлов с поднебесья, срывать с бегу рыжих лис и серых волков, дикому вепрю ноги подкашивать.

Напиталась душа Царь-Царевича мужеством, упоилась отвагою; сама Царица дивуется, не верит своей памяти, что не сын у ней родился, а *Звезда Царевна*.

Вот настало Царю-Царевичу пятнадцать лет; стал он молодец, красота ненаглядная, нет ему равного во всем Придонском Казачестве. Уж впору ему броня золотая, Эфиопскими кузнецами кованная, Индейскими камнями саженная. А меча-кладенца нет как нет, богатыря Колечища ждут пождут... не едет... сгинул да пропал!

Дарит Гетман сыну свой меч булатный, своего коня вороного, созывает гостей со всех земель, сильных и могучих богатырей и витязей, попить, поесть да потешиться, с Гетманским сыном оружием померяться, силами изведаться. Собираются гости, пируют, дивятся красотой Царь-Царевича: «То не Царь-Царевич, говорят, а Царь-девица; где ж ему с нами, заморскими богатырями, силы ведать,

оружье мерять! молод словно молодой месяц, красен словно светлый утренник!»

— Ой, пано, пано! Царю-Царевичу на бой рано! — говорят, макая длинные усы в чаши медовые.

— Повидим! — отвечает Гетман, утирает усы, чуп приглаживает.

Вот напились гости, напитались, выходят на красное крыльцо: стрелянные подвели им коней, сели они, смотрят... Царь-Царевич в золотой броне, на злом коне, сбоку меч вороной, летит каленой стрелой, мчится в заветное поле, в Гетманское раздолье; посреди поля врезался как вкопанной, ждет *супротивника*.

Едет Гетман с гостями вслед за ним, важно золотой булавой помахивает, откидные рукава за плеча: светится шитьем, золотом. За ним витязи, гремят чешуей и кольцами, сбрую бахромчатой потряхивают, светлым оружием постукивают, ходит ветер по перёным шлемам, бьют, рюют кони землю.

Гудят гулкие трубы, зычат шумные бубны, звонкий рожок заливается, запевальщик ратную песню затягивает, а Гетманские певцы-молодцы выговаривают.

Вот поставили Гетману на холме, посреди поля заветного, стул с подушкою рытного бархата; вокруг поприща стал стеной народ.

Прозвучал рог, выехал из круга младший из Витязей, подъехал к Царю-Царевичу, хлопнул копьём в звонкий щит. Вот разъехались добрые молодцы, закрутили, замахали на всем скаку копыями; свистнули копыя, увернулся Царь-Царевич, а его копые тупым концом прямо в щит молодого Витязя; разлетелся щит вдребезги, покатился Витязь на землю.

Загремели гулкие трубы, заголосил народ, стыдно Витязю. Вот выехал Витязь другой, засверкал булатным мечом, грянул широкой полосой в щит. «Не ущитишься ты, молочные уста!» — думает, мчится на Царя-Царевича. Столкнулись щиты, отпрянули, глядь... а у Витязя в одной руке рукоятка щитная, а в другой рукоятка мечная.

Тешится народ, заливается, славит Царя-Царевича; а Гетман важно усы поглаживает.

Выезжает на Царя-Царевича Витязь старый, бывалый; на побищах голову рубит, на лету на копые сажает. И ему та же участь: обрубил Царь-Царевич на кованой броне все гвозди, раздел его мечом чуть-чуть не донага. У гостей-богатырей раскалились от стыда

кольчатые забрала. Царь-Царевич по поприщу коня крутит, противника выжидает. Неидет никто на бой.

Целует Гетман Царя-Царевича в белое чело.

Вдруг видят, кто-то вдали по дороге оленьим скоком скачет, ногами пыль загребают. Прискакал, смотрят — высочайший, худой, худой, словно вяленой!.. на белом коне. Расступился народ — он прямо на поприще, к кургану Гетманскому; соскочил с коня, отряхнул с себя тучу пыли, обсыпал всех с ног до головы; встряхнулся и конь — кости да кожа! А зной градом.

— Кто ты, пугало огородное! — возговорил Гетман. — Аль принес под Гетманский меч свою голову?

— Как изволишь, — отвечал богатырь-чудище, — я твой слуга Колечище. — Морочишь, окаянный!

— Как изволишь, я служил тебе службу; вот тебе меч-кладенец, а то конь пуще сокола.

— Морочишь, окаянный! такой ли меч-кладенец — весь в зазубринах, сокол конь — кляча навозная!

— Меч отточишь, клячу откормишь; и меня прикажи ладно покормить да напоить; колдунья проклятая уморила!.. сгубила бы душу, да кладенцом отбился, а добрый конь вынес из беды.

Велел Пан Гетман меч отточить, коня в стойло поставить, а богатыря Колечище накормить и напоить досыта.

Повели богатыря в баню; вымыли, выпарили, усталые кости выправили, повели за белодубовый стол.

— Ладно! — молвил Колечище, поевши, попивши и за здравие Гетмана котелок зеленого вина выкушавши. И выговорил так — хмелем ошибло.— Ну, вишь, Пан Гетманище! меч да коня добыл... ладно!.. подобру-поздорову!.. да не ладно — пустил ведьму по белому свету — тово... ой-лих не в *одарь* люди колом к земле ведьму прибили!.. а я и то... бес подтолкнул под руку!.. ну, вишь... и пошла вихрем крутить, под стопы пышет жупел... «Поддай-ста коня и меч!» — «Ладно!» Думу гадаю да еду себе. Темь темнеющая!.. под ногами ровно пучина кипит... глядь!.. под конь катится что-то с горы!.. ой-лих с ног собьет! «Поддай-ста коня!» — стучит. «Ладно!» Ну, да и хватить мечом... Ой-на! голыш... камень!.. меч зазубрил!.. Ехал, ехал, крутил, крутил, степь не степь, лес не лес, и не тово... добро бы вода, испил бы, коня напоил, да и корму ни... животы ведет! Ну, ин... выскочи

твоя душка словно из дудки!.. Глядь, мерещится... во! гадаю, день, ни! огонек блестает! я к огоньку... стоит изба с топора, под окошечком сидит красная девица. Ей!.. «Красная девица! напой-накорми!» — «Изволь, дядюшка, ступай на двор»; я на двор... ну, и тово...

— Ну, или спишь, Колечище, охмелел? — вскричал Гетман.

— Ой-лих-ни! умру — не отдам! — пробормотал Колечище, встрепетнулся и продолжал словно сонной, на языке гиря повисла: — Ну, во, туды-сюды, ах ты!.. ну, ну!.. не везет!.. а за оградой мяучит: «Отдашь меч и коня?» — «Прысь ты, окаянная!.. умру — не отдам!..»

— Охмелел, ведите его под руки, уложите спать, — сказал Пан Гетман.

Повели богатыря Колечище под руки, а он несет свое, рассказывает чудеса: как ведьма его с конем в погреб заключила, как их из жалости многие лета погребная плесень поила и кормила; и как ехали тем местом добрые люди да слышали — под землей конь заржал. Клад, думают, да и давай землю рыть; отрыли, да со страху кто куда ноги унес; а Колечище из погреба вышел, и коня на белый свет вывел, и подобру-поздорову в Придонское Царство прибыл.

Вот настало законное время. «Ну, пора, — гадает думу Гетман, — пора оженить сына! пусть себе ищет невесту».

Призвал его, говорит ему:

— Царь-Царевич, сын мой любезный! храбр ты, гораздо смышлен и умен, нет в тебе обычая душе моей супротивного: к отцу и матери ты любезлив, к старости честной приветлив, с вольницей не водишься, около красных девушек не увиваешься. Придумал я тебя, сына моего, женить. Собирайся ты в путь-дороженьку, поезжай ты к соседу нашему Царю Азскому Ахубзону Рувиму, у него есть две дочери: Сарра-Царевна и Лея-Царевна; поклонись ему от меня, сослужи ему службу и проси себе в жены любую.

— Государь родитель, — отвечал Царь-Царевич, вздохнув, — не жены гадает сердце мое, а храброго витязя-сопротивника; хотел я изведать силы с могучей доблестью да со славой. Все твои Витязи деревенщина да зательщина; на щите моем нет еще ни язвы, ни царпины, хотел я походить по белому свету да притупить сперва острый меч свой, а потом исполнить родительскую волю твою; да уж быть по твоему велению, еду, куда изволишь.

Поцеловал Пан Гетман Царя-Царевича за послушание в светлое чело, проложил ему золотой мост в Царство Азское, усадил на коня...

Поехал Царь-Царевич, повез родительское благословение в далекие страны, в чуждые земли.

Вот приехал Царевич в Дор, станицу Азского Кагана Рувима, поклонился ему от Гетмана и вручил грамоту.

— Есть у меня две дочери красные, — сказал ему Царь Рувим, обняв его, — родились они в единый час, равны лицом, красотой и возрастом; ни мать, ни я не ведаем, которая из них старейшая; а по закону нашему старейшая должна идти первая и в замужество; преступить закона и обидеть ни той, ни другой не могу; но бог покажет нам путь, принесу ему жертву, соберу Ратманов, и что присудят, то сделаю.

Вот и собрал Рувим Ратманов и присудили: «В сердце коей Царевны бог положит первую любовь к Царю-Царевичу, та и старейшая, и вдастся ему в жены за службу Царскую».

И раздели Царевен в богатую одежду, повели напоказ к Царю-Царевичу. Одна в одну, как два ясные ока; красавицы неописанные; да у Царя-Царевича не девичья красота на уме, он мыслит: лучше бы привели сюда двух братьев, храбрых, могучих Витязей, узнал бы я, кто из них старейший!

— Ну, Царь-Царевич, которая по сердцу тебе? — возговорил Царь Рувим.

— Не ведаю, какую сам судишь.

— Ну, любезные мои дочери, Сарра и Лея, — продолжает Царь, — которая из вас полюбила Царя-Царевича?

Вот Царевны Сарра и Лея посмотрели друг на друга и зарумянились обе.

— Ну, промолвите ответ, которая полюбила Царевича?

— Что промолвишь ты, сестрица? — спросили они одна у другой, шепотом, в одно слово.

— Да то же, что и ты, сестрица, — отвечали они друг другу, также в одно слово.

— Я полюбила его.

— Я полюбила его.

Произнесли они тихонько Царице-матери на ухо, одна с одной стороны, другая — с другой.

— Ну, Царь-Царевич, не судьба тебе! а обеих не отдам.

Взыграла радость на душе у Царя-Царевича; велит он своему верному Алмазу седлать белого сокола; прощается с Царем Рувимом, выезжает в поле чистое, по дорожке в Царство Русское; там, слышал он, водятся богатыри и храбрые Витязи, на диво белому свету.

Вздыхнул Царь Рувим с Царицею-супружницей, жаль им, что не судил бог им Царя-Царевича в зятя.

Вздыхнули и Царевны Сарра и Лея. Проходит день, другой, третий, проходит *седьмица**, другая, третья... далеко Царь-Царевич. Царевна Лея весела и радостна по-прежнему, а Сарра, ее сестрица, что-то грустит да алмазные слезки роняет, падают слезки на алый румяничик, тушат слезки *полюмя* жизни; обдало красную Царевну Сарру словно светом лунным.

— Что с тобой сделалось, сестрица? — говорит к ней Лея. — Не сглазил ли тебя недобрый глаз, Царь-Царевич?

— А тебя? — спросила со вздохом Сарра-Царевна.

— Меня?.. нет, не сглазил, я не смотрела ему в очи... а ты, верно, смотрела?.. что не отвечаешь, сестрица?.. бедная!.. недобрый человек!.. не люблю его!..

— Зачем же, сестрица, сказала ты прежде, что любишь? — спросила Сарра, заливаясь слезами.

— Я сказала так, сестрица, как ты сказала, — ответила Лея, обнимая Сарру.

Больна, да, больна Сарра-Царевна; созвал Царь Рувим кудесников, лечить дочь свою.

«Наступила, Царь, дочь твоя на нечистое место», — говорят кудесники; да и начали нашепгивать воду да зелье варить; а толку нет: чахнет Царевна.

Между тем едет Царь-Царевич по широкому пути в Русское Царство; на далекую дорожку посматривает, на боковые стожки поглядывает: не едет ли какой храбрый, могучий Витязь, с ним бы силы изведать, оружие измерить. Что-то грустно Царю-Царевичу. «Эх, — думает, — нет могучего, найти бы равного, дружного! Много люди говорят про Владимира Князя, сына Светослава... поеду искать Владимира».

* Неделя — А.Б.

Приезжает в Киев-град; а там люди гуляют да празднуют, в варганы играют, а красивые девушки без зазору по торгу ходят, хороводы по улицам водят да играют в *пустошь*.

— Здесь ли, — спрашивает Царь-Царевич, — Владимир Князь, с своими могучими богатырями?..

— Нет здесь Владимира Князя, — говорят ему хмельные люди, — едь к нему в Новгород али садись вкруговую, добрый молодец! у нас здесь не ратуют, а песни поют полюбовные!.. выбирай по сердцу девицу! Ох, какие у нашего Князя девицы; то со всего белого света пригожие красавицы! оне в золото да в шелки разряжены, светлыми камнями разукрашены!..

— Нет, добрые, хмельные люди, — говорит Царь-Царевич, — вы мне не рука, поеду подивиться на Князя Владимира да на Новгород...

— Ох ладно приплел ты, Гусляр, к сказке своей наше Красное Солнышко Князя Владимира и честной Новгород; ну, ну, что дальше! — перервали речь Гусляра думцы и гости Владимировы.

— По былому речь веду, — отвечал Гусляр.

— Ну, ну, продолжай! — сказал Владимир. — Сказка былью была да состарилась, а в Новгороде и до меня был Владимир.

Гусляр продолжал:

— «Нет, добрые люди, — думает Царь-Царевич, — вы мне не рука; поеду я к Князю Новгородскому, верно, он всех славных Витязей с собой увез».

Вот едет Царь-Царевич сквозь леса глубокие, скоро приезжает под Новгород; видит на дороге *Становище**.

— А что, бабушка, — говорит, — что у вас деется в Новгороде, там ли Владимир Князь?

— На Городище, батюшка, на Городище: а народ уж, чай, собрался на молбище. В полудень сажать будут на стол Новгородский, народ рекой хлынет. Да ты, ясной молодец, не Боярин ли его?

— Нет, бабушка, из чужой земли, из Ордынской.

— Э, родимой, уже правду ли ты молвишь? да тебя народ камнем побьет; а ты такой молодой, пригожей... да ты волею или неволею заехал сюда?

* Постоялый двор.

— Волею, бабушка, хочу подивиться на Князя Владимира.

— Не показывайся, голубчик, теперь и Посла не примут люди Новгородские, не то что мимоезжего; вот Князь будет главой, ступай, пожалуй, к нему во двор.

— Послушаю твоего доброго совета; а хочется мне посмотреть на позорище.

— Разве-ста нарядимшись в саян да в повязку девичью; ты ж такой пригожей! а бабам у нас везде путь.

Царь-Царевич подумал, подумал да и говорит:

— Достань, бабушка, мне девичью одежду; вот тебе *золотница**.

Старуха посмотрела на золото, подивилась.

— Эх, набрался ты добра-ума, молодец! неволя тебе идти на позорище? да еще что у тебя на сердце?

— Не бойся, бабушка, — отвечал Царь-Царевич, — слышан я много про народ ваш и про нового Князя; хочу, неведомый, поклониться Новгороду.

— Нетто. Ну, есть у меня снаряды девичьи... была внучка-красавушка, да сгинула!.. иди, иди, да скажи своему оружнику ставить коней на задний двор, люди бы не видели.

Вот Царь-Царевич соскочил с коня, вошел в *Изобку*.

Пошла старуха в кладовую, зазвенела ключами, вынимает из кованого ларя одежду праздничную девичью. Уговаривает Алмаз Царя-Царевича не ездить в Новгород. Не слушает его Царь-Царевич, разоблачается из золотой брони, гонит от себя прочь приспешника.

Несет ему старуха сперва: голубые чулочки со стрелками, да черевички сафьянные, шитые золотом, с высокими каблучками, с белою оторочкою; потом: шитую шемаханскими шелками рубашечку, с рукавами из тонкой ткани; потом: повязку жемчужную, душегрейку парчовую с золотым газом да юбочку штофную.

— Ну, — говорит, — добрый молодец, есть у нас красные девицы в Новгороде, а был бы ты красная девица... ох, да что за стан гибкой!.. давай перлы накину на шейку... сама на шелку низала... в орех жемчужины! Эх, да уж не морочишь ли ты?.. аль в вашей стороне и у мужей лебединая грудь вздымается?.. Ну, вздень душегрейку... ладная какая! только разок внучка-голубушка и надела!.. как пойдет,

* Мелкая золотая монета.

бывало, хоровод водить, алые туфельки так и пощелкивают, каблочки так и постукивают!..

Старуха вздохнула, широким рукавом слезку утерла.

— Ох, девка, серги-то и забыла!.. изумруда да *алика** румяного! аль *грушку*** привесить жемчуга перекатного? стой, стой, подвяжу!.. ээ! сударыня, да у тебя и *мочки* есть в ушках? обморочила ж ты меня! давно бы сказать правду истинную!.. чему стыдно стало?.. сама я в девках гуляла! сама бы я тебе и рубашечку приладила, а то, вишь, не гладко!..

Разгорелся Царь-Царевич, слушает, не понимает речей старушек. Прибирает старуха ему голову. «Головушка ты моя, говорит, и косоньку-то обрезала!.. верно, ладного молодчика полюбила, ходишь за ним по белому свету!.. Ну, как изволишь, *венчик* ли наденешь или *рафет**** да *коронку***** ?

— Что хочешь надевай, — отвечает Царь-Царевич.

Не верит старуха глазам своим. Готов Царь-Царевич, накинул на себя покрывало. Сели в повозку, едут в Новгород...

— Ух, умаялся, — сказал, остановись, Гуслияр, — прикажи, Князь Владимир, Светлое Солнышко, поднести ставец медку, а конец расскажу на другое время.

— Поднесите ему, — говорит Владимир, — хмельного меду за добрую сказку! — Он припомнил красную девицу, которую видел в

* Драгоценный камень розового цвета; от слова алый — румяный, цветной. (Прим. Вельтмана.)

Вероятно, домысленное Вельтманом слово: *алик*, *амк* — старое сибирское название оленьей и собачьей упряжи.

** Старое Новгородское название серег, сделанных из жемчуга в виде груши.

*** Повязка на золотом *гасе* в три пальца шириною, вышитая жемчугом. От Норманнского слова *Rif* или *Reifa* — покрывало, покров и также *повязка*.. (Прим Вельтмана.)

В XIX в. в значении праздничного головного убора слово употреблялось в Орловской губернии, Новгородской (рефетка), Нижегородской (рефиль); его происхождение неизвестно.

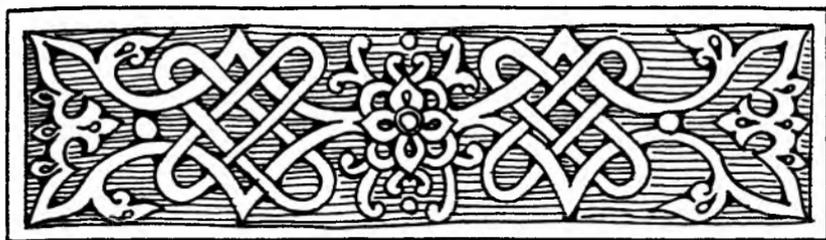
**** В старину Новгородские девицы носили на головах *короны* — повязки, шитые в пальцах белью, унизанные жемчугом и наклеенные на толстую бумагу или бересту.

храме во время посада на стол Новгородский. Любопытство одолело им. — Доскажи, Гусляр, сказку свою! — возговорил он к нему.

— Нет, Государь, доскажу тебе, да не здесь, доскажу в Новеграде, за пиром похмельным, буде пожелаешь.

— Доскажи, Гусляр, — повторяет Владимир, — наделю тебя золотом, дам тебе кров и приют по жизнь!

— Не могу, Государь, сказка перед былью не ходит; а что будет, то еще впереди! — отвечал Гусляр; поклонился и вышел.

III

Идут полки ратные по берегу Волхова, по пути к Нову-городу. Отзывается в лесах топот конский, светят панцири, играет день на копьях. Впереди едет Князь Владимир на вороном коне, за ним идет стяг Княжеский.

Рядом по Волхову плывут корабли Варяжские, сто кораблей, ведет их Варяжский Ярл Зигмунд Брестерзон.

Дошли вести и до Новгорода, что идет к ним из Варяг с силою великою Володимир Красное Солнце. Возрадовался Новгород и слободы Новгородские; да горька их радость! сила Ярополкова, Киевская, да сила Полоцкая не даютдохнуть волей Новгороду. «Измените нам, говорят, камня на камне не оставим, *полупим* хороми и дома ваши, не медом уьемся — кровию жен и детей ваших!..»

Но Новгородцы не боятся угроз, тайно шлют они гонца с грамотою навстречу к Владимиру; они пишут к нему:

«Господарь Княже Володимир Светославич, благословение от владыки, и от всех старейших, и от всех меньших, и от всего Ноугорода, Господарю Князю Володимиру Светославичу. Господарь Княже Володимир Светославич, ждем мы тебя, Господаря Князя, и управы твоей. Погубили нас Посадники и вои Киевские, и Добрыню оковали и *поточили** к Киеву. Ярополк же велел на Ноугородчах серебро имать и по волости куны брать, а по купцам виру дикую, и поводы водить, и все зло. И шли на дворы твои Княжеские грабежьем, и Добрынин двор зажгли, а житие их поймали и челядь их распродали, а сокровища изыскали и поймали без числа, а избыток разделили по зубу и на щит; да не будет им часть в Русской земле; а на нас, Госпо-

* Заточили.

дарь Княже, не положи указ, и с нами любовь возьми, и пойдй в свою отчину».

В добрый час прибыл гонец от Новгорода в стан Владимиров; войско его совершало на привале у устья Волхова *Обет**, на восходнице стоял жрец, разнимая на части жертву; подле складенный огромный костер из пучков хвороста, принесенного каждым воином, пылал уже.

Владыко, держа в руках *булаву*, на коей было изображение тельца, окруженного тремя золотыми обручами, окроплял народ кровью из жертвенной чаши и возглашал:

«Недоведимый силою, тресолнечный свет и вся твари бесприкладный хитрец! Приидите к нему, доброобразно ходящий по свету и орудия дневный творящий! Се есть образ его и сличие! И благословение его Господарю Князю Володимеру со всеми мужи его и повинники!»

Ударили в гулкие бубны, понесли *корм* богам, запылал Обет до неба, вьется столб дыму, покорствуе богу вся рать, звучит доспехами, ударяет в звонкий щит мечами, богу славу гласит, обходит трижды вокруг Обета. По окончании Обета Владимир принял гонца Новгородского с честью в своем Княжеском шатре с золотым шаром.

Посланец Новгородский отдал Владимиру книгу, писанную на Вече, и объявил о расположении главной силы Ярополковой, близ Урменской хоромины Хутыни, а Полоцкие люди стоят на *горке* слободе.

Расспросив обо всем, что нужно было, Владимир послал гонца назад и велел Новгородцам сказать, чтоб они ждали его в заутрие.

Гонец отправился; а Владимир, изготовив рать к бою, двинулся ввремя ночи к Новгороду. Едва только взвиделось серое утро и седые туманы потянулись вдоль по Волхову, вправо, на высоте берега, открылся Новгород; влево, за лесом, *высокая вежа*** Хутынская. Пе-

* Жертвенное приношение (Прим Вельтмана)

Это старославянское слово, составленное из *ob* и *věť* — изречение, завет; по-древнерусски *вет* — договор, совет, отсюда «обещать». Значение «жертва» (чешско-словацкое) — позднейшее. — А В

** Башня. (Прим Вельтмана.)

В приведенной форме в древнерусском языке слово читалось во множественном числе и означало небеса, возвышенность, гору. — А. Б.

редовой отряд панцирников, Варяжских всадников, просветил дорогу, накинулся на Хутынскую слободу.

Взмелась сила Ярополкова, понеслись гонцы во все стороны, затрубили на стражницах в гулкие рога, стекаются рати, холмятся у Немецкого озера; бегут от *Хутины* передовые полки, преследуют их панцирщики Варяжские, Владимир с Ладожанами вьется следом. Обтекают остров корабли Зигмундовы, бросают Варяги весла, хватаются за щиты и мечи, выскакивают из лодий, скопились, идут на помощь к Владимиру.

И урядилась рать великая на три полка.

И тут-то настала сеча великая, брань крепкая, *лом копейный, щитов скипание*, стрелы омрачали свет, нахмурилось небо, взволновался Волхов, льется кровь дождевой тучею, питает землю. Гибнет ратник за ратником, разлетаются души, как птицы, несутся в святые дубравы.

Тонет сила Владимирова в великой силе Ярополковой; идут со всех сторон полки вражьи, заходят в тыл, и начали одолевать Варягов... напал на них ужас, *умолкли их плеча и руки, изнемогли силы, сабли притупились*. Последняя надежда, последний полк Владимиров идет в сечу.

— Не хочем измирать на конях! — кричат Ладожане. — Будем биться пеши!

И соскочили они с коней, сбросили одежду и обувь, кинулись на врагов, соступились с полками Киевскими... и катятся головы их с плеч долой, стелются хладные трупы по *полчищу*.

Вдруг от Болотова поля летит кто-то по дороге, словно падающая звезда по небу; Бухарский конь, как из серебра литой; на Витязе блестит золотая кольчуга, рассыпается по ней утреннее солнце, от копыт конских искры ключом бьют, гудит поле; врезался он во вражьи Киевские силы, — *куда махнет — там улица, куда отмахнет — с перелюкками*.

Развернулись снова знамена Владимировы, одушевилась рать его, радостный крик вьется под небо.

Полки Киевские *дали плечи**, бросили оружие, бегут во все концы.

* Выражение русских летописей XVI — XVII вв.

А Владимир с своими вслед за беглецами... сечет мечом, сыплет в тыл им стрелы... Молят пощады.

Утихла брань, зазвенела победа в щит, кличет слава. Идут вящшие мужи Новгородские навстречу Владимиру, выносят ему хлеб и соль.

«Много победы, братья! — говорят они друг другу. — Око не дозрит, ум не домыслит!»

Молит Владимир могучего юного Витязя, своего спасителя, идти к нему на пир в двор Княжеский.

— Кто ты, — говорит ему, — божья десница, неведомый друже?.. Брат мой родной затерял свою правду, ударил на свободу разбоем, а ты, местник мой! будь мне братом названным!

И Владимир взял за руку молодого Витязя, прижал его крепко к груди.

— Будь мне любовным приятелем! — вскрикнул он снова. Витязь приподнял решетку шлема, и Владимир облобызал его.

Пылко разгорелись молодые ланиты Витязя, русые кудри рассыпались по золотым кольцам панциря.

Взглянул на него Владимир, и остановились на нем удивленные его взоры.

— Дивлюсь красоте твоей, молодости и силе! Скажи мне твое имя, Витязь? скажи свою дедину и отчину? Где твоя родина, отец и мать и все кровные? Не в моей ли земле уродился ты?

— Нет, далеко отсюда, — отвечал Витязь, — имя свое по зароку не поведаю никому.

— Брат мой названный! — говорит Владимир. — Будь же у меня гостем хоть на один день.

Ведет он гостя в белокаменные грановитые палаты, в горницы хитро разукрашенные.

Вступает рать Владимира в Новгород, ведет за собою *повязанных** Киевлян и Полочан, меняет на золото и на серебро. Поднялся пир горой в целом Новгороде; возглашают милое слово Божичу, несут богатый покорм *богам Дубравным***.

* Пленный, окованный.

** Здесь: древнерусские языческие боги (Перун, Дажьбог, Стрибог, Хорс и др.).

В GRIDнице сидят за браным столом люди старейшие и люди Княжеские; мед пенится, пена снопом рассыпается: испивают гости мед, славят Князя, дружину его и храброго Витязя; а Витязь сидит за особым столом с Князем Владимиром, беседует с ним о подвигах великих и могучих богатырей. Пьет Князь хмельный мед за здравье его, наливает сам, подносит сам ему. Долго Витязь пить отказывался, да Владимир неуступчивый, его упрасивает. Пьет за здравие отца его и матери, подносит ему; пьет за все богатырство и ратных людей, подносит ему.

Заиграл хмельный мед на буйных плечах Витязя; скатился шлем с головы, огонь в ланитах переливается.

Вспыхнул Князь Владимир, увидев в очи Витязя.

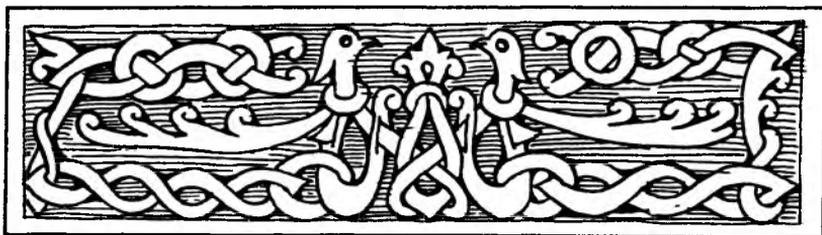
— Ну, — говорит Витязь измолкшим голосом, — Князь Владимир! упоил ты Царя-Царевича, упоил... и спать уложи!

Ведет Князь Владимир гостя своего в сеник Княжеский.

А в GRIDнице пир горой; разгулялся и приспешник Витязя, сбрасывает железную шапку, кудри разглаживает.

— Ну, — говорит, — добрые люди, подайте мне гусли звонкие; възыграю я вам песню знакомую. Помните ли вы, как пел вам Гусляр в стане Княжеском?

Все узнают в приспешнике того Гусляра-сказочника, что рассказывал сказку по Царь-девицу.

IV

Ходит ясный месяц по синему небу, расстилается серебряный свет по Приволховью, задремал Ильмень, задумались концы Новгородские, мирится душа со *спокоем*, спят люди.

Только стража у городских ворот и на бойницах Детинца еще переключается.

Тихо и в Княжеском дворе. Опочивает уже Князь, возлегает и гость его Царь-Царевич на мягких постелях под собольими одеялами; но в сеннике светильник теплится, бросает тусклые лучи на золоченые резные стены, и лавки, крытые махровыми коврами Шемаханскими, и на золотые доспехи с гвоздями алмазными, и на кровать с багрецовою занавескою...

Тихо; но кажется, кто-то словно мед испивает устами... словно умирает, утоляя горячую жажду... и душа шумит уже крыльями...

Ясный месяц идет по небу над Волховом, заглянул в окно и спрятался в тучку, зарделся и снова из тучки поглядывает с завистью на терем высокий.

И хлынули чьи-то горькие слезы, всхлипнули чьи-то тихие жалобы...

Поднялось *прозорье**, красное солнце выкатилось из-за Болотова поля, сыплет лучи в красное теремное окно. Лежит на кровати девица... спит, красная, зарей разрумьянилась, грудь волною колыхается.

Дал бы бог кому в жизни все радости, наделил бы кого золотыми горами, умом и разумом, честью и славою, — все бы отдал он за

* Рассвет.

красную девицу; а кто видел ее, тот смотри в глаза солнцу, не бойся, нет ничего на небе, только черное пятно катится от востока к западу.

А кто слышал ее сладкие речи, тот запбем пил пьяный мед, голова кружится, а земля под ним ходуном идет.

Встала утренняя заря, пробудилась и красная девица, вздохнула и задумалась.

А Князь Владимир ждет в стольной палате гостя своего.

Выходит гость, весь в доспехи окован, решетка шлемная опущена; велит он приспешнику седлать коня своего.

— Прощай, — говорит, — прощай Князь Владимир, угостил ты меня! долго не забуду твоего хмельного вина! упоил ты меня горьким стыдом да раскаяньем!

— Останься! — молит его Владимир. — Смилят ли тебя мои речи и просьбы.

Царь-Царевич! Царь-Царевич не внимает Владимиру.

Целует своего любовного, белого коня в ясные очи, вскочил на него и помчался перегонять ветры в чистом поле. Скачет приспешник за ним.

В чистом поле приподнял Царь-Царевич решетку шлемную, глубоко вздохнул; а слезы, как быстрина речная, текут из его очей.

Искра запала в кудель, а горе на душу.

Задует ли искру, потушит ли горе слезами!

V

Едет Царь-Царевич от Новгорода в Восточные земли.

Тихо едет.

Едет и Светославич от Киева на восход солнца.

Быстро скачет.

Грустно Светославичу расставаться с родной лужайкой, а грустнее того с соседом красным теремом, в котором живет ненаглядная девица.

Глубоко вздохнул Светославич, когда очутился перед ним, захрапел, заржал конь вороной, на седле парчовая подушка пуховая, сбруя гремучая, бахромчатая.

Вскочил Светославич на коня.

— Ну! — говорит. — Куда путь держать?

Откуда ни возьмись, завился перед ним черный пес мохнатый, заластился, хвостом замотал, путь ему кажет.

Бежит пес правым берегом Днепра, едет за ним Светославич; *всперенный* конь чуть до земли дотрагивается.

Не останавливается он ни в селах, ни в городах, ни на *становищах*, ни на *виталищах**; не дивится он ничему, что *дивее дива* для *простой чади*, — у него одно в голове: красная дева да череп отцовский. Не дивится он и тому, что все люди городские и сельские, прохожие, проезжие и встречные, кланяются ему как знакомому.

На перевозе в пояс кланяются ему перевозчики.

— Куда изволишь путь держать, милостивец наш? Один-

* Гостиница. (Прим. Вельтмана.)

В памятниках XI — XVI вв. «витательница, витальня» — обиталище, обитель; постоянный двор только в Алфавите XVII в. назван «витательница».

одинехонек, только с любовным псом своим; одному за Днепр не дорога бы, леса полны разбоя: аль жизнь тебе принаскучила?

— Ага! — отвечает юноша, не внимая речам перевозчиков; и едет далее.

— То так! — говорят про себя перевозчики. — Одурел, ни слова не молвит... Уж не жена ли прогнала на торг в Белую вежу?.. ох гостница неусытная, купница бесовская!

Выбирается Светославич на *Муравский ильях**, несется левым берегом Днепра, частым бором. Не останавливают его *песнивые* птицы, различными голосами возглашающие песни красные, ни косы, ни иволги, ни скворанцы, ни щуры, ни жланы, ни сои радужные, ни соловьи многогласные.

Только люди скучают ему.

— Хэ, кум! кудысе-тко?.. Стой! аль в Торг?

— Эгэ! — отвечает юноша.

— Милуй тебя боже! путь добрый!

Светославич проедет.

«Провались ты, не кум — пес неласковый! — шепчет при себя встречный. — Купил кожух новый, зазнался!»

Подъедет Светославич к селу, скачет мимо хоровода, мимо кружала с брагой и лавок, уставленных коробками с кисличками, орехами, репой и пряным печеньем.

Вся деревня устави на него глаза, хороводы остановятся, песни замолкнут, старцы привстанут с залавок, малые дети утрут нос кулаком, и все поклонятся ему в пояс; а красные девицы перешептываются:

— Боярич наш в путь собрался!

— Сам-один, а лишь с мурым псом!

— То, верно, ловы деять?

— А какой на нем кунтуш узорчатый, шелковой, золот пояс стан перепоясал, червонные сапоги тороченые, у бедра сабля стучит!.. а какой доброликой, румяной, кудри словно кудель крученая!

— Здравствуй, Господин Боярин! — восклицает вся деревня.

А между тем Тиун сельский и старосты заставили уже ему собою

* Степной путь от Перекопа к г. Туле, один из главных путей ордынских набегов на Русь.

путь, кланяются, умоляют, упрашивают на Валявицу посмотреть, хороводы зобачить, песен послушать, прикушать браги и меду.

Не слушает их Светославич, воротит коня в сторону, объезжает толпу.

— Что немилостив к нам, Государь, не изволишь нашего хлеба-соли откушать? — продолжает Тиун. — Аль прогневался на нас, родной отец?

— Ого! — отвечает юноша и, стиснув коня, пронесится сквозь толпу, давит людей, скачет далее.

— Ох, люди, не добро! быть беде! — говорят селяне, и праздник умолкает, все расходятся по домам, ждут немилости Боярской.

Едет Светославич далее, частым лесом; едут навстречу ему люди конные, вооруженные, красные плащи развеваются, скуфья набекрень.

— Что, Якун, едут?

— Ага! — отвечает им Светославич.

— А ты куда? или что сгубил?

— Эгэ! — отвечает Светославич.

— Ну, ворочайся спешно, а мы засядем в дубраве.

Таким образом Светославич ехал и встречал везде знакомых. То принимали его за слугу хоромного, едущего собирать по волости скот и *почеревые** деньги в пользу Божницы; то за мужа *взбранного*** Княжеского, и просили защитить *десное****; то за балия, вешуна, чаровника или волхва, и молили его отговорить *влающихших*****.

Сердится Светославич на людей; досадны, несносны ему люди.

Вот проехал он уже речку *Большой Тор*, что течет из *гор Святых* да впадает в Дон-реку. Вот на речке на Тернавке проезжает мимо *каменного болвана*, которому все прохожие и проезжие кладут *доездные памяти******.

* Плата с чрева за зазорного младенца

** Военный. (Прим Вельтмана)

Домыслено Вельтманом; прямой смысл в древнерусском языке — запрещенный.

*** Правое.

**** Здесь: ссорящихся

***** XVII в. — разновидность государственных документов, здесь Вельтман использует слово в значении подношения божеству — «болвану»

— Стой! — говорит ему вещун молебницы придорожной.—
Клади поклон, клади память Божичу Туру-путеводителю. Без того не
будет тебе пути.

— Нет у меня ничего! — отвечает юноша.

— Нет ничего! вынь из главы твоей волос и спали в жертву Бо-
жичу.

— Нет тебе ни волоса! — говорит Светославич и едет далее.

— Ну, не будет тебе пути! — кричит ему вслед вещун.

Вот подъехал юноша к реке *Самаре*, перед перевозом, по обе
стороны пути, стоят великие каменные *болваны*, курятся перед ними
Обеты.

— Стой! — говорят ему *вещуны* у перевоза. — Положи память
Госпоже да Фрее!

— Нет у меня памяти, — отвечает им сердито Светославич. —
Морочишь!.. есть на тебе кожух золотой, скинь кожух!.. плащ, ла-
женный золотом и серебром... клади!.. Госпожа даст тебе путь и
честь, а Фрея любовь к тебе положит на сердце дев красных.

— Сам ты Фрея! — произносит сердито Светославич, вырвав-
шись из толпы жрецов и перевозчиков, окруживших его.

Мохнатый пес плывет чрез реку Самару. Светославич вслед за ним.

Клянут его жрецы, приподнимаясь с земли.

Быстро несется он чрез мирные поля. Поет оратай веселую пес-
ню; не рогатыми волами, не конем орет он землю: орет он парой
Литвинов, подгоняет Литвинов длинной хворостиной.

Пронесся Светославич чрез широкие степи, скачет глубокою до-
линой под навесом частых деревьев; вдруг слышит... навстречу ему кон-
ский скок... в глубине долины, по извилистой дороге пыль
взвивается... нет-нет и вдруг вопль женщины... Приостановился Све-
тославич, а из-за поворота дороги прямо на него мчится всадник,
налетел, конь встал как вкопанный, загородил ему путь Светославич.

Вопль женщины повторился; она лежала поперек седла, перед
всадником, обхваченная левою его рукою и окутанная в красную по-
лость, перекинутую через плечо.

Внезапно остановленный, едва усидел он на седле, грозно окинул
глазами Светославича, под которым черный конь фыркал, взрывал
копытом землю, вскидывал голову, звучал цепями узды.

— Дорогу, Витязь! — вскричал встречный всадник.

— Спаси! спаси меня! — раздался голос женщины.

— Дорогу! — повторил всадник. — Или меряй силы!

— Эгэ! — произнес равнодушно юноша, кивнув головой и не двигаясь с места.

— Ха! подорожный вор! — пробормотал сквозь зубы встречный. — Кто бы ты ни был, могучий или слабый, честная кровь течет в тебе или ядовитый черный сок: все равно для меня! не говори твоего имени, не растворяй уста, чтоб не слышать лай собаки!.. дорогу!..

Вывхватив меч из ножен, всадник наскочил на Светославиич. Светославиич, выхватив также меч свой, отразил удар и не двинулся с места.

— Дорогу! — повторил всадник.

— Спаси меня, Витязь добрый! спаси! — вопила женщина, протягивая к Светославиичу руки.

— Пусти ее! — произнес Светославиич. — И ступай куда хочешь!

— А! девашник! по речам видно, что у тебя зубов еще нет!.. верно, не лобызал ты еще никого, кроме сосца материнского!.. недаром полюбил на-голос мою рабыню и хочешь ратовать ее!.. Честному встречному нет дела ни до слез, ни до женского смеха!.. Годи, годи!.. ну, кому достанется!..

И неизвестный соскочил с своего коня, сложил деву с рук своих на траву, подле дороги. Риза из багряной камки струилась от ее чешуйчатого пояса; лица нельзя было рассмотреть: оно было завешено широким покрывалом, которое ниспадало до земли, как полы опущенного шатра, от золотой маковки, светившейся на высокой остроконечной ее шапочке.

Дева припала на колени, сложила руки, как будто молясь Светославиичу; а незнакомец, сбросив с себя красную мантию, обнажил под железным нагрудником черное полукафтанье, обшитое чешуей медной и перетянутое кожаным поясом, на котором висела длинная спада; сапоги также перетянуты были подвязками выше колена и также обшиты чешуею; из-под остроконечного шишака его струились по плечам рыжие кудри.

— Ну! — произнес он. — Слезай с коня, если ты могучий богатырь!.. на конях дерутся только трусы! слезай! узнаю я, что привык ты носить, оковы или меч!.. Молись своему богу, а я своему, — молитва точит и тупит меч, наносит и отводит удары.

Он вонзил свою саду в землю, накрыл ее плащом, надел шишак свой на рукоять, сложил на землю лук, рассыпал из тула стрелы и продолжал:

— Вот мой бог, дай мне призвать сильные его удары и остроту на помощь...

— Точи словами меч свой, — ответил юноша, нетерпеливо откинув решетку своего шлема.

Неизвестный, припав к земле за плащом, наложил стрелу на тетиву, приподнялся, быстро нацелил в бок стоявшему нетерпеливо Светославичу... и вдруг лук и стрела выпали из рук его.

— Жупан мой! Кирк мой Марко! — едва проговорил он трепетным голосом, упав на колена.

— Отец мой! — вскричала дева, бросаясь к Светославичу. — Отец мой! спаси меня от похитителя, от насильника Зуввеля!

— Не верь ей, Жупан Марко! — вскричал неизвестный, подползая на коленях к Светославичу, который смотрел то на деву, то на незнакомца и не постигал речей их.

— Не верь ей! — продолжал незнакомец. — Она женщина!.. я расскажу тебе все, как было. Раим Зуввель, старый слуга твой, так же верен, как верен тебе меч, который носишь ты при бедре.

— Не верь ему, отец мой, не верь!.. клеветою полны уста его! — восклицала дева.

— Верно слово мое, как правое око Тира, когда удостоивает он метить громоносною стрелою в противных ему великанов. Третья луна народилась с тех пор, как ты, великий Жупан, пошел с людьми своими отнимать у врагов родные свои земли Дунайские. Без тебя правил я верно и праведно слугами твоих высоких горниц и белого двора твоего. Скажут тебе подтверждение покорных речей моих *Сардарь** твой и *Редялы*. В Вертах твоих не коснулась ни одна стопа до разостланных ковров Маем, только дочь твоя Вояна водила хороводы с Панскими дворовыми девами и пела песни; ты ведаешь, великий Каган, презренного раба твоего Гусляра Словаке Радо?..

Восклицание девы перервало слова Зуввеля; она закрыла лицо свое.

* Глава войска, то же, что Сераскир *Сер* по-Персидски глава и *аскир* — войско (по-араб<ски>)

— Не ведаю как, — продолжал Зуввель, — только Радо бывал в хороводах в женской одежде, а узнал я про то...

— Ой, богами! не веруй ему, отец мой, не веруй! — возопила дева, и вдруг очи ее заблестали, она с отчаянием кинулась на Зуввеля, выхватила нож из-за пояса его; как молния из тучи, блеснуло железо в руках ее...

Зуввель опрокинулся лицом ниц, кровь хлынула ключом... Отлетела душа его, как испуганный ворон от трупа.

Дева без чувств покатилась на землю. Мохнатый пес завыл.

Долго стоял юноша, пораженный чудным зрелищем.

«Вот чем поили меня!..» — произнес он наконец и, с отворачиванием отбросив взоры свои от потока крови, слез с коня, поднял беспмятную девушку с собою на седло и поехал далее.

Конь его шел плавным, скорым шагом; пес бежал впереди, свесив язык в сторону, изогнув хвост улиткой. Дорога разделилась на два пути, один пошел прямо к Русскому морю, другой потянулся подле высокого земляного вала Вправо от Хилей, т. е. Святой земли, синелись воды *Зиава*.

Светославич смотрел в очи красавице, которая лежала у него на руках. Казалось, что черные длинные ресницы загорятся от пламени ланит: из уст ее вылетел тяжкий вздох, юноша засмотрелся... Ему казалось, что грудь ее слишком сжата, как будто кованым из жемчуга нагрудником; он распустил застешки, она вздохнула легче, грудь ее заволновалась свободнее, уста что-то шептали, как у младенца, который просит поцелуя или груди материнской. У юноши выпала из рук узда, обеими руками прижал он деву к сердцу, прикоснулся устами к устам.

Дева очнулась от поцелуя.

— Отец мой! — вскричала она, и обвила юношу, и горячо поцеловала. — Отец мой! ты не поверил Зуввелю?.. не веруй ему, он злодей, клевета его пала на всех нас... клянусь бело-шелковыми волосами твоими, что у Радо чиста душа, как звуки его песен. Ты сам любишь его песни...

Светославич вздохнул.

— А ты любишь его песни? — спросил он.

— Я?.. — произнесла дева, смутясь. — Злодей Зуввель наговорил тебе на меня... хотел оторвать от твоего сердца, разлучить хотел...

— С Радо?

Девушка зарделась.

— С тобою, — произнесла она и обвила снова Светославича.

Но он равнодушно принял ее ласки, какая-то память вдруг обдала его холодом; схватив узду и сдавив коня коленами, он быстро помчался за бегущим псом.

Едва только выбрался Светославич из леса... за широкой долиною, на покатоности, разделенной тремя истоками, вытекающими из горы, покрытой садами и лесом, открылось село, огражденное деревянной стеною с отлогами; на расстоянии полупоприща возвышались каменные бойницы; между разбросанными по холмам домами, похожими на сброшенные на землю крыши, стояли несколько мольбищ с вежами высокими.

— Отец мой! — вскричала дева. — Вот и станица твоя, *Босна!* О, как радостна душа моя! Вон горница моя... светит за зеленым садом!

Пес бежал прямо к городу. Встречные люди останавливались, всматривались в Светославича и вдруг с удивлением снимали мохнатые шапки, кланялись в пояс.

Вот подъехал Светославич к воротам; стража с изумлением выравнила свои секиры.

— Жупан Марко! — раздалось во всех устах, и молва перегнала приезжего. Весь народ поднялся на ноги, стекается отовсюду на встречу.

— Пан ты наш, Государь! — кричат со всех сторон.

— Да где же глас рогов и бубнов?.. не взматается пыль по пути? — шепчут все, смотря на извивающийся путь в гору, с которого приехал Светославич.

— Не видно!.. или сгнули отцы, мужья и дети наши от меча и жажды в недобираемой дали?

Но, несмотря на все сомнения, народ стекается, кричит:

— Здравствуй, Пан ты наш, Государь, Краль Марко! и с своею Кралицею Вояною!

Снимают Светославича и Вояну с коня, ведут под руки в высокие палаты; обступил народ палаты, сошлись скоморохи, зычат в бубны, побрякивают кольцами, дудят в глиняные дудки, пищат в сопелки, рады все, что приехал Краль Марко.

И Светославич доволен, что приехал в Уряд Бошнякской Жупа-

нии. Он не дивится, что у него борода как лес, а полы багряницы, словно шатер, вокруг него раскинулись, а сорочка бисером *покидана*, *цетавая* гривна на шее висит, на руках золотые обручи, стан перетянут поясом *велеремитом* и меч золотой при бедре, а вокруг него стоят Бояры и *Редялы* в золотых гривнах, и поясах, и обручах. Никто не спрашивает его, какими крылами взлетел, каким путем пришел.

Ведут его в светлые палаты. Стены цветными камнями разукрашены, посреди Мраморный водобой. Против солнца у стола пристolecь золотой, кругом — лавки дорогими шелковыми коврами устланы.

Садится он на пристolecь, берет костыль, сажает подле себя Кралицу.

— Приведите ко мне, — говорит он, — Гусляра Радо.

Вспыхнула, вздрогнула Кралица Вояна.

Привели Гусляра Радо; бледен, как лунный свет, упал в ноги Светославичу.

— Ну, Гусляр Радо, заиграй, запой ту песню, что любит Кралица Вояна; ладно споешь, дам тебе все желанное.

Ходит страх по членам Радо.

«Ну, — думает он, — заиграю я себе конечную песню!» Строит гусли, ударил в звонкие струны, вскинул очи к небу, вздохнул и запел:

*Встала тьма от синего моря,
Взвилась тьма по раннему небу!
А в зеленом садике сударик сидит,
Сударик сидит, душа плачется!
Вьется вран над его головою,
Тощий вран накликает братью:
«Ей, слетайтесь, братики, недолго пождать,
Горюн молодец истоскуется».*

Кончил Радо песню, поклонился Пану Жупану и Кралице.

— Ладно ты спел, — сказал Светославич, откидывая висячие усы на сторону. — Отдал бы я тебе за сладкую песню и Кралицу Вояну, да станется ли ей то по сердцу!

Не верят Радо и Вояна слуху своему, не верят речам Пана Жупа-

на; припала Кралица к руке его, покатился Радо в ноги, зарыдали от радости, — верно, много было слез на сердце.

Дивятся знаменитые мужи Жупанства, Редялы и все люди дворовые и сольные: Краль отдает Кралицу за Гусляра Радо!.. будет нам часть под панские гусли плясать!

— Ну, — говорит Светославич Редялам, — подайте мне череп Русского Князя Светослава, хочу им сладкий мед черпать и за здравье Вояны и Рады выкушать.

Заметались Редялы во все стороны, бегут в панские кладовые, перерыли в ларях сокровища... Черепа нет!

— Государь, Краль, Жупан Марко, — говорят они, — почерпни сладкого меду иным златым ковшом, а череп Князя Светослава ты изволил с собою взять, верно, сгубил.

Вскипело у Светославича сердце злой досадою, затряслась борода.

— Коня! — крикнул он. Идет на крыльцо.

Не ведает никто, чего угодно их Жупану Марку.

Радо, Вояна и дворовые люди идут за ним на крыльцо.

Готов конь, землю роет, сбруей потряхивает.

Садится на коня Светославич; лает пес, хвостом мотает, выбегает вперед на путь.

— Оставляешь ты нас, Государь родитель! — заплакали Вояна и Радо.

— Опять оставляешь ты нас сиротами, Государь родной отец! Кто ж без тебя будет рядить Царство? — заголосил народ.

— Вот вам Царь Государь и с Царицею! — отвечает Светославич, указывая на Радо и Вояну.

Закинул узду, вскочил на коня, несется городом, мчится в широкое поле, только пыль вьется вихрем.

Смотрит народ вслед за ним, недобром поговаривает, на Радо искося поглядывает. Не быть тут добру.

Скачет опять один-одинехонек за мурым псом; опять ни жажды, ни голода, ни усталости.

Вот уж переехал Светославич реку Святую Перунову, широкий Дана-Пирун, да реку Святого Пана Буга, да Да-настр, святую реку Торovu, распахнулось влево море, раскинулись вправо высокие горы Волошские.

Вьется Дунай, извивается, впился в море семью устьями.

Видит Светославич, сошлись две силы великие, готовятся к бою; одна стоит по одну сторону долины, другая по другую. Одна сила Угорская, Семиградская, Капитан ее племени *Альмов**; другая сила Бошнякская, Воеводою у ней сам седовласый Жупан.

Всполошились обе силы, завидели издали Светославича... а за ним тянется черное облако взвитого праха. «Ох, думают, к кому-то из нас помощь идет!»

Высылает Бошнякский Жупан послов навстречу Светославичу, спросить: кого ему надобно? кого ищет он, друга или недруга? к кому ведет рать, очами необъятную?

— Ищу, — отвечает Светославич, — Бошнякского Краля Марку.

Обрадовался Жупан Марко нежданной помощи, идет сам навстречу к Светославичу.

— Как тебя звать-величать, добрый, младый Витязь? не ты ли Царь-Царевич Ордынский ведешь ко мне в помощь рать великую? О, спаси тебя промысел! теперь возвращу я родную Паннонию!.. предки наши жили в ней под кровом *Истины*, не знали иных господ и судей, кроме жрецов; никто не покорял нас, кроме Александра и Трояна... Пришли с Аттилой Гунны в пятом веке, покорили землю нашу... Вызвались к нам на помощь Саки Азы, Хангары да Хазары... изгнали Гуннов, а сами с своим Воеводою *Арпадом* поселились на земле нашей, завладели кровами и женами нашими... С тех пор мы не знаем приюта под небом, с тех пор бьемся мы за Дунайские берега, за родную Паннонию...

Светославич нетерпеливо слушал рассказ Жупана.

— Стой, Жупан Марко! прикажи сперва подать мне сладкого меду, утолить жажду; да прикажи подать мне любимую свою чашу, добытую мечом; не люблю я ни золота, ни дерева...

— Рад я гостю желанному! — говорит Марко. — Так рад, что напоил бы его из любимой своей чаши — из черепа Русского Князя Светослава; обделал я его в золото, выложил жемчугом и светлыми камнями — да отослал в дар Царю Византийскому...

Встрепенулась на Светославиче кованая броня, вспыхнула досада на лице.

* Название одного из древних племен, кочевавших в Паннонии, здесь гуннов, венгров.

— Прощай же, — говорит, — прощай Жупан Марко, не из чего у тебя гостей поить, верно, и пить нечего!

— Не сердись, Царь-Царевич, будь добр и милостив!

Светославич не внимает ему, садится на коня.

— Царь-Царевич! — продолжает Жупан. — Не хочешь ты сослужить мне службу, оставь хоть рать свою! а я бы угодил душе твоей, отдал бы за тебя единым единую дочь свою красную Вояну, наследовал бы ты Царство мое...

Не слушает Светославич, вставляет в стремя ногу.

— Царь-Царевич! — продолжает Жупан. — Оставь мне хоть рать свою!..

— Рать перед тобою! — отвечает Светославич и не оглядываясь мчится Дунайской долиной.

— Ну, — говорит Жупан Марко, — скачите гонцы к стану вражьему, трубите в гулкие трубы, вызывайте на бой!.. теперь у меня много силы! Завяжем дело, а к жаркой сече подоспеет рать Ордынская, хэ!.. смотрите, тьма темная идет с горы!

Скачут гонцы к Симиградскому стану, вызывают на бой. Велит Марко петь ратные песни, возглашать хвалу богам. Высыпают его воины из цветных шатров, наступают на силу вражью Семиградскую... сыплют стрелы, мечут сулицы, принимаются за крутые сабли, ждут помощи, а в помощь им только туча седого праха тянется с горы и стелется вдоль по равнине. Не быть тут добру.

А Светославич уже на пути в Византию. Переплывает он широкий Дунай, конь его взвивается по скалам, по тропинкам. Светославич уже на хребте *Балкана*, взором окинул Фракийские скаты. Светло! так светло, что очи подернулись мраком и темные пятна кругом заходили.

Закрыл юноша очи, не может смотреть на день белый... и конь его встрепетнулся, нейдет, приподнимается на дыбы, опрокинулся назад. Светославич грохнулся на землю; пес взметнул головой, лапами очи скребет, закатался по траве.

— Кто тут? — раздалось позади юноши.

Оглянулся Светославич, очи прозрели... видит седого старика, в долгой одежде, вервою опоясан, клюкою подпирается.

— Куда путь держишь, храбрый могучий Витязь? — спросил старик.

— Еду в Византию, дедушка...

— На службу Царю?... добрый путь!

— Не добрый; огнем палит, проезду нет.

— Померещилось тебе; перевалишь Балкан, перекрестись и ступай с богом, служи верой и правдой Царю Грецкому; сам господь тебе путь укажет.

— Где ж он, дедушка?

— Господь на небеси, сударик; око недозрит Его, ум недомыслит: сотвори знамение крестное, Он придет к тебе на помощь.

— А как творить знамение, дедушка?

— Ох, дитяtko, да ты не крещеный! Ну, смотри, вот, сложи персты так... клади на чело.

Светославич сложил уже персты, вдруг в очах его потемнело, голова закружилась.

— Постой, дедушка, сон клонит, мочи нет, дай отдохнуть...

— Зайди в пещерку мою, я напою и накормлю тебя духовною пищею.

У Светославича сомкнулись уже очи, ноги подкашивались; старец ввел его в пещерку; и он, обессиленный, припал на дерновую лавку, устланную свежими листьями.

— Спи, бог с тобою! — произнес старец, перекрестив его.

«Не принимай, не принимай креста!» — говорил чей-то голос на ухо Светославичу.

— Что? — произносит он во сне.

— Спи, бог с тобою! — повторяет старец, поправляя перед распятием светильню и подбавляя елею в череп человеческий, заменявший лампаду.

«Не принимай, не принимай креста!» — слышит опять Светославич, и кажется ему, что голос вьется из красного терема... терем плывет по воздуху... Видит он, в окошечке сидит девица, повторяет: «Не клади креста!.. морочит, разлучит нас с тобою!»

Светославич с умилением смотрит на образ девы. «Постой, радость моя!» — хочет он произнести... но терем исчез уже в отдалении, только слышится еще голос: «Добудь скорее череп отца!..»

И Светославичу кажется, что он уже мчится под гору, по пути к Византии.

Вот светлый день заволокло туманом... Стоит посреди темного

леса ветхий город, стены как копать, черны, люди как тени, в широких одеждах, в черных покровах, ходят, поклоны кладут да молчат. «Где Византийский Царь?» — вопрошает Светославич. Ведут его в мраморные палаты... Сидит на пристольце старик с костью, четки перебирает.

— Что, друг, — говорит, — не послом ли к нам?

— Послом! — отвечает Светославич.

— От кого?

— От Царя Днепровского Омута.

— Что, каково поживает?

— Сидит себе мирно в пучине да бурколов ловит.

— Доброе дело. Подайте же гостю сладкого меда испить из чаши, что Марко в гостинец на поклон прислал.

Вот два старичка, борода, словно белая пелена, до колен расстиляется, несут на подносе куфу великую с медом да чудную чашу: белее рыбьего зуба, вышиной в три ладони, обделана в жемчуг да в яхонт румяный. Наливают в нее шипучий мед, подносят гостю незваному. Послу нежданному. Взял Светославич чашу в руки... так кровь в нем и закипела от радости. «Ее-то мне было и надобно!» — думает он, да как хлестнет вином по лицу старичков-виночерпиев Царских, да тягу... с крыльца, на коня, через город, давит людей, крик и вопль, гонит за ним погоня, а он от погони стрелой да стрелой, все в гору да в гору... утек!.. устал, утомился, зной градом с чела, взобрался на высь Балкана...

— Зайди в пещерку мою! — говорит ему знакомый старец.

Рад он приюту, соскочил с коня, входит в пещеру и бух на прилавок...

Очнулся... Смотрит кругом: в камне темная келейка, стены от времени черны как копать, в уголку на камне крест, перед крестом в черепае теплится светло*. Подле, на лавке, лежит старичок, руки крест-накрест, не дышит; а на полу валяется псиняя шкурка.

Привстал Светославич, ищет около себя чаши... нет ее! Окинул снова взорами пещерку, увидел череп... в черепае теплится свет!.. чело в три ладони, только края как пила, и нет вокруг них ни жемчугу, ни светлых камней! — обгрыз с него обод жемчужный!.. «Старен, се-

* Лампада.

дой!» — произнес Светославич с досадой; схватил череп, выплеснул из него елей.

И вот лобуетя он черепом, доволен, что наконец добыл его. Припоминает, с каким трудом он ему достался; особенно поездка в Византию показала ему тяжела. Припоминает погоню за собой, и холод пробегает в первый раз по членам его; боится он, чтоб у него не отняли злые люди черепа. Не поклонясь за ночлег отжившему своему хозяину, Светославич выбегает из пещерки; конь его пасется на лугу, он на коня, хватъ вожатого пса — нет его!

Нечего делать, едет без пути, без дороги, долой с высоких гор в широкие доли. «Назад найду путь», — думает.

Вот проезжает Дунай. Лежит на берегу Дуная сила побитая. Долина устлана людьми ратными, а Жупан Гетманище Марко, выпучив глаза, мотается на высоком дубу, посреди холма; вокруг него висят вящие мужи и воеводы. Носится по полю, в густом тумане, *Марана* с хищными птицами, считает, сколько легло.

Подъехал Светославич к высокому холму, узнал Жупана Марку в лицо, говорит к нему:

— Эй, Жупан Марко! Где путь к широкому Днепру?

Спугнул его звонкий голос стаю черных воронов, а Жупан Марко молчит, вытулил очи, высунул язык, словно дразнит Светослави-ча, закачался, отвернулся от него.

Слез Светославич с коня, толкает ногой лежащих на земле ратников.

— Эй, добрые люди!.. поведайте, где путь к широкому Днепру?

Лежат, не отвечают, только стаи грачей каркают, да сороки трескочут, перелетая с трупа на труп, да псы с кровавым рылом издали лают.

— Правду молвил Он, что нет добра в людях! — прошептал с досадой Светославич; вскочил на коня и понесся лѣтом на полночь.

Видит, вдали сидит кто-то, при дорожке под ельничком, бренчит ладно на звонких гусях.

Подъезжает к нему.

— Эй, добрый человек, куда путь лежит к широкому Днепру?

— Беспутный! — произносит сердито Гусяря, продолжая побрякивать молоточками по звонким струнам, напевает:

*Вьется вран над его головою,
Тощий вран накликает братью:
«Ей, слетайтесь, братики, недолго пождать,
Горюн молодец истоскуется».*

— Радо, Радо! откуда ты взялся! — вскричал Светославич.

Гусляр вздрогнул, гусли выпали из рук у него.

— Нет Радо, — произнес он, — да, был Радо да сгинул!.. недавно младовал Радо, змея уязвила его!.. Скинь машкару, садись, споем ему конечную песню.

— Нет время, Радо; укажи мне путь на полночь.

— Иди к Вояне, она и тебе путь укажет, и тебе скажет: беспутный!..

— Ну, веди к ней.

— К ней?.. Вояна молвила грозно: «Иди от меня в темную полночь!» Иди к ней, она и тебя изгонит, а люди вслед за тобою пойдут, проводят тебя за город лозою, с честью, с бубнами да с дудками... прощай, скажут, великий Пан Жупан, ладно на гуслих играл!..

— Вояна изгнала тебя? — произнес Светославич задумавшись.— За что ж изгнала она тебя? — продолжал он.

— А вот как было. Жупан Марко дал мне Вояну, дочь свою, и Царство свое дал. Вот и взял я за себя Вояну, и Царство хотел взять же. Говорю ей: «Ты моя, и Царство мое же...» А она говорит: «Нет, ты мой, и Царство мое же. Я, говорит, буду править Царством, а ты играй на гуслих, и пой, и тешь меня». И стала править Царством. Играл бы я себе, жил бы припеваючи, да нет! Раднее камень долотить, железо варить, измирать смертями, да не жить бы под властью жены! жена — мирской мятеж! Вояна взялась рядить по закону, а по закону Царю дается Царица, да семь жен, да триста положниц: и Вояна захотела, кроме меня, Царя, еще семь мужей, да триста положников. Заголосила тоска в душе! «Не могу!» — сказал я ей. «Беспутный, — промолвила она, — иди от меня! не пойдешь, велю проводить!» И проводили меня. «Играй, говорят, по селам, в гусли!» Я заплакал да и пошел. Ой, горе, мое горе, не звучит радость на сердце, все струнки полопались!

Радо приподнял гусли, заплакал.

Вздыхнул Светославич, жалко ему стало.

«Что, — думает он, — и меня изгонит от себя красная девица?.. Нет!.. не изгонит... я не умею играть на гуслях!» — отвечает он сам себе.

— Пойдем со мною к Киеву, Радо, там много красных девиц.

— Нет, найду, брошусь в воду, — отвечает Радо.

— Здесь поле, нет воды; а там Днепр широкий, а в Днепре живет Омут. Сослужи ему службу, он тебе даст Вояну.

— Вояну! — вскричал Радо. — Нет, не хочу! у Вояны семь мужей, триста положников! не хочу, не хочу! Здесь, под ельником, иссохну, буду звучать да звучать, покуда стихнет душка с измолкшей песней.

— Ну, умри, Радо, — сказал Светославич, — людской дедушка Мокош сказал: в гробу мир. Прощай.

— Прощай, не ведаю, как тебя величают.

Помчался Светославич, а Радо заиграл на разладных гусельцах горькую песенку; плакали звуки.

VI

Едет Царь-Царевич от Новгорода в Восточные земли. Тихо едет. Горюет о чем-то Владимир. Больно горюет.

Никто не ведает, откуда пришла печаль его, на каких крылах прилетела.

Горюет он, да не забывает дела.

Новобраные рати холмятся около Новгорода. Весь Новгород надел шапку железную, мечом опоясался.

Развевается стяг Господский на Вече, строятся около него челки полковые, тянутся за вал наряды и вozy. Ходят по улицам стрельцы, на ремне через плечо кистень шестоперый да тул полон стрел, перённых орлиными перьями, обвитых около ушей золотыми нитями: пытаются они, гнутся ли *рога* из белого рыбьего зуба, звенят ли *полосы** каленые, поет ли тетивочка шелковая, верен ли глаз, метка ли рука. Не пролетай, черный ворон, через Новгород, снимут тебя с поднебесья; вейся, ластовица, кружись, сизый голубь, — не бойся, не тронут.

Выезжают конюхи-доспешники борзых коней, гладят их, чистят, охорашивают, в очи целуют.

Наряжен стоит Княжеский полк Новгородский подле стяга Господского у палат; доспехи горят серебром и золотом, кольчуги искрами рассыпаются, *червленые чревья*** по колено, на плечах *багряные мантии*. В руках сила, в очах смелость.

* Здесь клинки для рубки, не заостренные с конца, как у древних ариев (см комментарии к «Раине»)

** Сапоги. (Прим. Вельтмана)

Чревьё в древнерусских памятниках — то же, что *черевье* (ср. черевики — общеславянское название обуви).

Дивуются им люди жилые, гости и все люди Новгородские.

«Берегите, — говорят им, — нашего Князя, вы *город его*».

Варяжская дружина также красна и радостна; она скопилась на Торговище, у Варяжского Подворья. Там сидит Зигмунд, пьет пьяный мед, Княжего Указа ожидает.

Дивятся люди на их длинные *спады*, на их кованые железные доспехи, на их нагрудники с *печатами*, на их щиты великие с ликом солнца, на их секиры тяжкие.

Вот посылает Владимир Зигмунда Брестерзона с дружиной Варяжской воевать Князя Полоцкого, мстить ему за насилие Новуграду, требовать от него покорности и дани. Сам же собирается под Киев, шлет гонца к Ярополку с книгами писанными.

Пишет:

«Целовал ты, брате, светлое обличие, ходить тебе со мною по одной душе, а ты ныне, брате, вражды искал, переступил, затерял сей правду, изгубил Олега, ударил на свободу разбоем, обидел меня и обрядил волость мою — чим благословил отец мой, Князь Великий Светослав, — на поток и разграбление; порушил уставы отца и иду на Господский суд с тобою не лукавно и мечом решим правду по закону».

Повез гонец в Киев весть недобрую, каленую стрелу да острый меч.

А Зигмунд обложил уже Полтеск*, велит сдаваться Рогвольду на милость. Рогвольд кидает назад ему стрелу с грамоткой, свищет ответ тучею стрел; надеется он на крепкие забрала свои и на гребни стен, униженных ратью, словно светлыми камнями.

Подвозит Зигмунд, муж хитрый, ко оградям *Дела ратные*** и *Пороки великие**** и стал бить стены; и бросает каленые камни в город, рушит, поджигает дома; ставит к пробоям лестницы, взбирается на вал, сыплет стрелы и пращи... Рубит мечом, режется ножами.

Возопили Плесковцы****, дали плечи, да некуда бежать. Рог-

* Полоцк.

** Tormentum — камнебросец; впоследствии делом называлась пушка.

*** Стенобойные орудия. (Прим. Вельтмана.)

Это *тараны*; древнее слово «порок», встречающееся уже в Лаврентьевской, Ипатьевской и Новгородской I летописях, происходит от древнеславянского «перу» — бить (ср. Перун — бог грома и молнии).

**** Псковичи; от старого написания «Плесков».

вольд засел в Замке своем. Ожесточились Варяги, раскидали высокий тын по бревну, проломили ворота.

Бьется сам Рогвольд; с обеих сторон у него по щиту: по сыну родному. Отразил он Варягов, гонит назад; а Зигмунд навстречу ему.

Прилег Рогвольд к сырой земле кровавым телом, изрублены в мелкие куски железные щиты его — два родных сына.

Не было бы пощады и Рокгильде, горделивой деве, красной дочери Рогвольда, от злобных Варягов; распустили бы ее длинные косы, свеял бы *полуночный дух* ясную зорю с раннего неба, истекла бы ее душа горькими слезами, да приехал сам Владимир в Полоцк. Успела Рокгильда упасть к нему в ноги, молиться о смерти, пощадить от стыда.

— Не жалуйся на меня, — сказал он ей, — не хотел я гибели отцу твоему, недобром искал он меня, недобром взыскало и его время. Новгород выместил обиду: а я заменю тебе отца и братьев.

— Молила я тебя о жизни отца и братьев... о своей жизни не молю! Не свой кров, дай мне общий кров с ними — могилу! — гордо произнесла Рокгильда, приподнимаясь от земли и накинув пелену на голову.

Но Владимир так ласково, с таким участием говорил ей об отце ее. Владимир спас своим появлением и ее, и весь Полоцк от насилия Варягов...

Владимир сказал ей:

— Рокгильда, я просил тебя у отца твоего... твоя красота славится в Новгороде... я хотел быть сыном его, а не врагом; не отвергни же ты добрую волю и кров мой.

Смилилось сердце Рокгильды; по вспыхнувшим ланитам показались слезы, да не утупили румянца.

— Возлюбила я тебя, Владимир, — сказала она, — как брата возлюбила, а женою не буду; мой обруч у Князя Киевского; ему обещана отцом; да не хочу быть и ему женою, приму обет Брудгуды.

Владимир ничего не отвечал на слова ее; но когда дела в Полтеске были уже устроены и собирался он ехать к дружине своей, идущей под Киев...

— Едешь со мною, Рокгильда? — спросил он таким голосом, на который зарумянившаяся Рокгильда ничего не могла отвечать, кроме:

— Еду, Владимир.

VII

Затуманилась даль, закрутились от севера тучи, повисли над Днепром грозою; взвился вихрь, метет, срывает тесовые кровли с горниц, повалуш и теремов, бьет молонья, палит Киев, а дождя ни капли.

— Недобро Киеву! — говорят люди.

Возмутилась душа у Ярополка. Гонит он от себя наложниц и псов, боится поверья: «враг з них живет». Призывает Блотада, слуг хоромных, велит читать мольбу и сам читает. Бледен, дрожит, такой грозы не бывало над Киевом: дрожит и весь терем, дрожит и земля, удар разит за ударом, струятся *пламы** по воздуху, день покрылся ночью, ночь обдалась пожаром.

Бежит на коне по чистому полю, по пути от Новгорода в Киев, всадник; широкий красный плащ вздувается на нем. За ним следом еще два всадника, один с значком на копье, другой с золотым кривым рогом через плечо.

Бьет их ветер в очи, осыпает прахом, блещет молонья на доспехах, вьется около красной манты.

Скачет всадник от Новгорода к Киеву, везет грамоту от Владимира Господаря Новгородского к Князю Ярополку Киевскому.

— Не добро везет Киеву! — говорят люди, провожая его в двор Княжеский.

Еще не успокоенный после страха, Ярополк читает книги Владимира.

Смута томит душу его, совесть будит раскаяние, слезы брызжут из очей, он хочет слать Владимиру дары навстречу, просить уми-

* Всполохи.

риться с ним, забыть обиду, делиться с ним Волостью; но Свенельд задорит самолюбие Ярополка.

— Проси себе мира у Великого Князя Новгородского, шли поклон, дани и дары со всех областей своих Новгороду, установи покорностью своею старое первенство стола Новгородского.

Отправляет Ярополк посла Владимирова назад, без ответа.

Затрубила по Киеву и Властям Великокняжеская ратная труба, зашумели ветры на знаменах, забренчали кольчатые брони, застучали мечи о бедро, взвился прах по всем путям, стекаются рати.

Волнуется народ в Киеве, как море в бурю ходит валом. Не добро говорит про рать между братьями.

«Не к добру опалила гроза Киев, вихрь сорвал кровли с горниц!»

Смутен Киев, смутен и Ярополк; только у горестной Марии отлегла душа. Много печали готовили ей злые люди, да не подул попутный ветер злым умыслам.

В красном тереме Займища, как в тихой обители, жила она мирно, свято; помнила Ольгу, помнила и Владимира; молилась богу даровать Царство небесное Ольге, а Царство земное Владимиру.

Но скоро мир души ее нарушился. Однажды в *рошенье** терема чья-то огненная рука прикоснулась к ее руке; испуганная, без памяти она бежала в терем, без чувств упала на ложе; а мамка и сенные девушки видели, как нечистый дух влетел в окно и вылетел; да Святой крест спас Марию от похитителя, крылатого Змея Горыныча.

— Не к добру! — говорили мамки и сенные девушки.

С тех пор Мария призадумалась, стала ждать беды и дождалась.

Однажды приходит к ней Княжеский Думец Свенельд.

«Не к добру!» — помыслила она, и из очей ее выкатились два алмаза.

— Мария, — сказал лукавый Свенельд, — Ярополк поведал мне изволение свое. Порадуйся, красная девица, не изнывать же тебе в одиночестве...

Побледнела Мария.

— Хочет он взять тебя в свой терем Киевский; готовься прилечь на Княжеское ложе...

* Здесь: в галерее.

— Не прилягу! — вскричала Мария. — Не прилягу, не водимая; не прилягу, не венчанная!.. — и слезы градом брызнули из очей ее.

— Воли Князя не изведешь, Мария, — продолжал Свенельд, — в заутрие принесут тебе дары и одежды Княжия!..

— Не буду положницею Князя! не буду! — повторила Мария, заливаясь слезами.

— А жаль мне тебя!.. — продолжал Свенельд. — Добролика ты и кротостию и благонаравием преисполнена; не под стать бы тебе вкупе жить с потешницами Князя, с Ефиопскими девками.

— Сжался надо мною!.. умру, а не буду в тереме Княжеском!..

— Рад бы помочь... да воля Княжая непреложна; умолил бы Князя...

— Умоли его, — перервала Мария, припав на колена, — умоли!..

— Умолил бы, — продолжал Свенельд, — чтоб отдал он тебя мне в жены, да лета прошли...

Мария, пораженная новым предложением, приподнялась с земли и не знала, что ей говорить лукавому старику.

— Нет! — произнесла она наконец. — По душе своей не опорочу себя; а по закону моему не буду женой идольника!.. не повью головы своей Русальной пеленою! Оставьте меня под кровом божим, умру Белицею...

— Не право ты говоришь, Мария; красота твоя не келейная, жить тебе в снаряжном дворе, в муравленом тереме, а я не идольник, кланяюсь Свету небесному... а воля твоя, избирай любое... Проведает Князь противность твою, изгонит он остальных Эллинских попов из Красного двора, спалит лики богов Эллинских, что дала тебе в наследие Ольга... Прощай...

— Постой, постой! — вскричала Мария, обливаясь слезами.

— Что прикажешь?..

— О, дай помыслить, дай избыть прежде слезы.

— Ну, вот тебе три дня на думу, избирай любое!..

Свенельд оставил Марию.

Почти без памяти от слез Мария; ходят около нее мамки и девушки; любопытство томит душу старухи. «Что-то ей наговорил Думец Княжеский, Варяг?» — шепчет она; хочется ей выпытать у Марии.

— Привести бы тебе, сударыня, ворожею; поворожила бы она, что за туга у тебя на сердце...

— К чему ворожить, мамушка, ворожкой от горя не отворозишься!.. — едва произносит в ответ Мария.

— Да что ж это за горе!.. Да не плачь, государыня, не плачь, не мути сердца; о чем тебе слезы проливать? Сядь к оконцу да подивись на божий день; послушай, под оконцем красно щебечет сизая ластовка; а *Сопец* на лугу песню пискает: *не горюй, душа красная девица...*

— Оставь меня, мамушка, оставь меня! — умоляет Мария неотвящивую старуху.

— Эх, дитяtko! да что у тебя на сердце за дождевая туча? ливнем льет!.. Да сядь же под оконце! Утри ширинкою жемчужные слезки!.. То-то послушала бы я соловьиной твоей песенки!.. А за каким делом, сударыня, приходил к тебе Думец Варяг?.. Уж не он ли, вражий сын, намутил душу?.. Да не будет ли сам Князь?..

Мария молчала.

— Да скажи ж, девица! пугаться нечего... Припасти бы ему гощеня, послать бы ему браные паволоки... Принарядилась бы ты, сударыня...

Мария ни слова не отвечает, смачивает белую пелену слезами.

Старуха прогневалась, зашептала неласковые речи; ушла с досады, готовится к приему Князя.

— Уж так, — говорит, — будет он сам!.. недаром прислал Думца наперед, недаром перепугалась девица.

А Мария изнывает в слезах; на сердце дождевая туча ливнем льет. Стонет душа ее, как горлица.

Много на белом свете радостей, да не всем в удел.

Тяжко, как наляжет ночь на душу; темная ночь, не горит на небе ни одной надежды звездочки.

Жизнь неласковая мачеха, слезы пьет, горем людским питается.

VIII

Между тем передняя Новгородская дружина приближалась уже к Киеву.

Овруч сдался без бою; и в Овруче вся рать должна была ожидать прибытия Владимира. По приказанию его она расположилась вокруг могилы Олеговой.

Недолго Владимир заставил ждать себя.

Приближаясь к городу, он прослезился, увидев зеленый холм, возвышавшийся посреди дружины его.

Встреченный радостным криком воинов, он велел петь *тризну* по брате и готовить *страву**.

Своими руками набрал Владимир полный шлем земли и сложил на могиле; воины последовали его примеру, и могила стала горой.

Девять дней совершал Владимир печальный обряд воспоминания и звал тень брата на суд с Ярополком; потом, развернув стяг Владычний, двинулся с соединенной дружиной своей под Киев.

На гордом коне в яблоках, под красным ковром, едет Владимир за стягом, окруженным Княжескими щитниками. Сверх зеленого бехтерца с золотыми разводами на нем златой панцирь; на плечах багряница Княжая *вся в золотых источниках*. На голове остроконечная шапка, лаженная многоцветными камнями; в правой руке булава.

Находившаяся в Искоростене передовая рать Киевская отступила к Радомыслу, от Радомысла к стольному граду. Не встречая сопротивления, Владимир расположился между селом *Дорожичем*, при вершине Лыбеди, и селом *Капичем*, при речке Желане. Левое крыло

* Страва, тризна — погребальные обряды древних славян.

его примыкало к берегу Днепра, который был унизан Варяжскими ладьями, пришедшими с Зигмундом Брестерзоном от города Белого.

Княжеский намет раскинулся на холме близ *Капича*.

Солнце уже тлело на Западе за темными лесами правого берега Днепра; легкие вечерние облака, как пепел, покрывали его.

На высотах Киевских потухали златоверхие *горницы* и *высокий**, затмилась даль, стихнул шум в стане.

Устроив рать и нарядив сторожей, утомленный Владимир, после пути и горькой думы о раздоре с братом, забывался утке на мохнатом златорунном ковре, разостланном среди шатра.

Но по обычаю ратному, во время ночи воин не разоблачался. Поверье говорило: «на войне не ленитесь, не лагодите, не сложите с души бодрость, с тела оружие: не остражив себя, внезапно человек погибает».

И Князь лежал в бехтерце, в кольчатой броне, окутавшись в мантию, подбитую горностаем; только вместо тяжкого шлема на голове его была Княжеская шапка с пушистой собольей обложкой. Оседланный конь подле намета зобал сыченое пшено; сонный конюх держит его за уздечку. Близ откидной полы, опираясь на секиры, стояли стражи, молча считали ясные звезды на небе.

По долине протянулись туманы, со стороны полуночи играла зарница, вдали на реке заливался рожок; темная ночь лежала от земли до неба.

И вдруг повеял резкий ветерок, зашелестел полами и золотыми кистями Княжеского намета, Днепр зашумел, повалила волна на волну.

В это мгновение Владимир заснул; думы его как тучи понеслись в мир отражения прошедшего на бесцветной бездне будущего; видения роились, росли в отдалении... радужные полосы потекли Днепром между зелеными, крутыми берегами... из ярких пятен образовался Киев, блистающий золотыми верхами теремов и башен... тени, окутанные в прозрачные облака, превратились в несметную рать...

И видит Владимир... Взволновался весь Киев, взбурился Яро-

* Здесь: верхние этажи древнерусских дворцов. — А. Б.

полк, идет на него... перебегают свет по шлемам и доспехам, посыпались стрелы, зашипели... быстро налетели Киевляне на Новгородцев, смяли их...

Кровью облилось сердце Владимира, зароптала душа жалобы. «Звезда, звезда моя! где ты!» — произносит он, шарит рукою около себя, ищет меча... а враги окружают уже ставку его... Но кто-то в золотой броне быстро мчится к нему... и крикнула в это время стража подле ставки Владимира: «Слушай!» — а вдали прокатился гром, и резкий ветер захлопал полами шатра.

Вскочил Владимир, обданный ужасом.

— Это ты, помощь моя! — говорит он, выбежав из ставки и вырвав уздечку из рук дремавшего конюха; стражи встрепетнулись, видят, что Князь вскочил на коня, быстро помчался по пути, идущему через вершину Лыбеди. Пробудившиеся Гридни и Рынды не знают, следовать ли за ним? он не приказал

Мчится Владимир чрез цепь сторожевую, конь его режет ночь напылы, свищет...

— О, мочный ветер дует! быть ненастью! — бормочет про себя воин, мимо которого он проносится. Во тьме кажется, что не один он скачет, с кем-то говорит, как будто держит спутника за руку и рядом, дружно, не отстает, не опережает его. Заиграет в тучах зарница, озарит предметы... нет никого с Владимиром, едет один-одинехонек, а ведет с кем-то речь.

«Возлюбил я тебя больше души своей! — говорит он. — К чему ж заковала ты себя в доспехи, увешала оружием, повила голову тяжелым шлемом, обнесла свое сердце железной оградой?.. или не в память тебе, кто устами спалил тебя?.. или не в память тебе, как над Волховом плыл ясный месяц, загляделся в теремное оконце?.. Тогда не валы воздымались речные, воздымались девичьи перси; не ветрец взвевал мои кудри, а дух твой; не пишу уста принимали — лобзание!..»

Промолви хоть слово, куда мы бежим?.. Рать моя гибнет! ты не подашь мне руки на защиту, ты стала слабой женою!.. Куда ж мы бежим?.. Не ведешь ли меня к колыбели?.. Сын или дочь? скажи мне, промолви, Царевна!..»

Нет ответа на слова Владимира.

«Молчанье — недобрая дума! — продолжает Владимир. — Гово-

ри! И ни шагу вперед! Безмолвна, Царь-девица, отвечай, Царь-Царевич! Куда мы бежим?.. Стой! Не еду! Не еду от рати своей! Она погибает, и мне погибать с нею вместе!.. Женья!... кованый перстень тебе бы надеть, а не броню! Что руку мне жмешь? что слова не молвишь?.. Прочь от меня, соблазн окаянный!»

И Владимир осадил на всем скаку коня, отдернул от кого-то свою правую руку. Вдалеке певень залился.

«Куда ж ты, куда! Стой. Царевна! Я еду с тобой! — вскричал Владимир, стиснул коня и помчался снова частым бором. — Еду с тобой! еду!.. где ж ты?.. где?..»

И смолк голос Владимира стоном; захрустели сухие сучья в трущобе, в глуши вспыхнул призрак, рассыпался в искры, потух.

Мрак ходит по лесу, каркают вороны, гнездясь на сосновых вершинах, ветер гудит по ущельям, стонет птица ночная, горлица плачет, хохочет враг-полунощник — заливается зло.

В глубине леса, под кровом убогим, сидит чернец над книгой, разбирает дивные письма; душа его переливается в тишину золотых начертаний. Невнятны ему бури земные; видел он жизнь с обеих сторон; тешился он, любовался он румяным цветом — надеждой: и это цвет польный! — Видел он двух голубей, зло и добро, не живут друг без друга! Слышал он тайные мысли любви: «Питай меня, — говорит он, — питай! А не будешь питать, я огонь, я потухну или прильну к другому горячему сердцу!» Знал он и славу, слава — крылатые толки людские, — что в них?

Горит перед старцем светоч, как перед иконой; на черном гловушке его нашито белое крестное знамение, на обличий смирение и мудрость.

Внезапно, отклонив очи от книги, старец приложил ухо к окну, ему послышался на дворе мгновенный шум и стон.

Чрез несколько времени снова шорох, захрустели сучья, конь фыркнул.

— С нами бог! — произнес шепотом старец. Сотворив знамение, он взял светло и вышел из хижины.

Видит, близ плетня стоит конь оседланный. Заржал конь, как будто обрадовался старцу.

«Тут должен быть и седок», — думает старец, приближаясь к плетню.

Подле плетня лежит человек в ратной одежде; но без шлема, без покрова, и без памяти распростерт он на земле.

— Жив ли он? — произнес старец, расстегивая броню и приложив руку к его сердцу.

А конь ржет тихо, радостно, преклоняет голову к беспмятному Господину своему, обнюхивает его.

— Хвала вечному, жив! Обличие его добросанно, на устах кротость, на челе мир, на одежде злато, — то светлый муж!

И старец с трудом приподнял неизвестного, понес в свою хижину.

Конь идет за ним, провожает его; только низкие двери остановили коня у порога.

IX

Между тем как Радо допевал свою конечную песню, а Владимир скакал за привидением; между тем как Императоры Василий II и Константин VIII теснились на престоле Цареградском, как близнецы в чреве матери, и не ведали того, что Отто II, Император Альмании, с своими Форстами, Графами и Бишопами, взят в Италии соединенною ратью Греков и Сарацин в плен и выкуплен из плена *voog weynigh geld* Русским Купцом Рафном, который старого щедрого покупщика мехов своих узнал в толпе окованных... между тем как сей же Отто называет Царем Рима новорожденного сына своего Отто III, — Светославич добрался до реки Днепра; но не прямым путем. Не имея у себя проводника и не полагаясь на слова верных людей, он ехал назад по своим следам. Берегом Русского моря добрался он до Уряда Бошнякской Жупании, хотел было заехать в гости к Вояне, но ему сказали люди, что Вояна занята Господским делом: выбирает себе семь мужей да триста положников новых, а всех старых мужей и положников сажает на кол.

Светославич поворотил от Уряда влево, по пути к Киеву, поскакал быстро. Пробравшись в царство Русское, видит он, что все люди в пояс ему кланяются. Князем Владимиром величают.

«А! — думает он. — Так вот истинное имя мое».

Вечер настиг Светославича невдалеке уже от золотых верхов Киева.

«Близко, близко Днепр! — думает он. — Близко мое яркое золото, красное солнце девица!.. Нет, не изгонит она меня от себя... я не Радо, я не Гусляр; а Царь Омут сказал: Днепровское царство будет мое, и она моя же... моя же будет!.. я все сделал, что хотел Царь Омут, и Царь Омут сделает все, что я хочу... а я хочу целовать румянчики на

светлом лике девицы... да ласкать ее, а больше ничего не хочу... не хочу и Царством править... пусть правят люди...»

Сладкие думы налегли на душу Светославича, а железный шлем давил чело, холодный ветер обдавал силы холодом, тряская рысь коня разбивала мысли; а Светославичу хотелось, чтобы никто не нарушал его сладких дум.

Слез он с коня, пустил его на траву, приблизился к мшистому корню густой липы; а под липой лежит шитая золотом, обложенная соболем покойная шапка, лежит и манта багрецовая, подбитая горностаем. Сбросив с себя шлем, надел Светославич пушистую шапку, накинул на плеча горностаевую багряницу, прилег на муравчатое ложе, положил под себя череп, погрузился в сладкие думы... Откуда ни возьмись, сон, припал на ясные очи, притрепал их крыльями...

Прошла ночь черной тучей от востока к западу, заиграла румяная заря над синею далью...

Спит Светославич.

А из-за деревьев голос: «Конь! Княжеский конь!» Потом несколько голосов: «Княжеский, Княжеский, Владимиров!»

И вот толпа всадников окружила Светославича. «Князь, Князь! — закричали все они и продолжали шепотом уже: — Опочивает!»

Шум разбудил Светославича; очнулся он, видит вокруг себя ратных людей... Низко ему кланяются, величают Князем Володимиром, просят прощенья, чтоб не гневался на них, чтоб шел обратно с ними в стан.

«Ярополк, брат твой, прислал Посла, молит о мире, — говорят они ему, — не гневися на нас, Господин наш, иди с нами, положи волю твою на дружину и на Киев! оставил ты нас, уныло сердце наше, боялись, не враги ли исхитили и извели тебя!»

«Не обманул меня Царь Омут», — думает Светославич, садясь на коня и отдавая одному из воинов везти череп.

Чинно провожают Светославича воины. «Ну! — пошентывают друг другу, рассматривая череп. — Был, верно, Князь на поединке с *Башкой Половецким!* ну! добыл чащу заздравную!»

Вот подъезжает Светославич к стану, вся рать с радостным криком встречает его. *Княжие отроки* ведут под уздцы коня, *Княжие мужи* под руки ссаживают с седла. Воеводы и Тысяцкие земно кланяются, провожают в шатер...

— Княже Государь, — говорят ему, — ждет тебя Посол Ярополков, прикажешь ли идти к тебе?

Нравится Светославичу честь Княжая.

— Ведите его ко мне! — отвечает он.

Вводят Блотада Грима, Думца Ярополкова. Поклонился он Князю до земли и просил о дозволении слово молвить.

— Говори! — сказал Светославич.

— Государь Князь Великий Новгородский дозволяет тебе вести к нему речь от Князя Киевского Ярополка! — повторил важно, по обычаю, Думный Воевода Княжеский.

— Дозволь, Государь Княже, слово Ярополково молвить тебе без *послухов**.

Думные Воеводы и Тысяцкие надулись уже на дерзкого Посла и ожидали гнева Владимирова.

Светославич приказал всем выйти.

Дивились Думные Воеводы, Тысяцкие и Гридни обычаю Княжескому и воле, выходя из шатра.

— Государь Князь Великий, — начал Блотад, — брат твой Ярополк прислал меня склонить тебя на мир и любовь. Зовет он тебя, брата любовного, в гости к себе, в Киев, на пир почестный; там, говорит, будем мы рядить о волостях и наследии и дружно, как любовные братья, поделим землю...

— Молви ему, буду, — отвечал Светославич.

— Государь Князь Володимир Светославич, — продолжал Блотад, — вижу, ты добр и милостив, дозволь мне говорить истину, без хитрости.

— Ну!

— В брате твоём злоба... и клюка в душе его...

— Ну! — повторил Светославич.

— Не веруй ему... хочет он избыть тебя... зовет на пир кровавый, хочет исхитить власть твою насильем... клялся исхитить у тебя и красную Княжну, невесту свою...

Трепещущим голосом произносил Блотад наветы. Внутренне раскаивался уже в неосторожности своей; ибо очи Светославича загорелись яростью.

* Свидетелей; термин древнерусских судебных актов.

— Злобный! — вскричал Светославич. — Власть мою и красную Княжну исхитить хочет!..

Ожил Блотад.

— Княже, Господине мой, — продолжал он, — слышали люди Киевские про славу твою и ласковую душу; а Мрополка невозлюбили за неправду; ты, Государь, по сердцу им. Возьми Киев, владей; а Ярополка накажи немилостию за умысел на жизнь твою. Призови его к себе, и пусть падет он в яму, тебе изготованную.

— Будь по-твоему! — вскричал Светославич.

Блотад торопился воспользоваться сим словом, низко поклонясь, он удалился.

Воевода Княжой вошел в шатер, за ним следовал отрок.

— Государь Князь Володимир, — сказал Воевода, — Княжна Рокгильда Полоцкая прислала к тебе, Государь, отрока здравствовать тебя и звать на *Капиче* в терем.

— Коня, коня! — вскричал Светославич, вспыхнув от радости, и скорыми шагами вышел из шатра.

Конь готов, пляшет под Светославичем: он едет вслед за отроком, за ним мчатся Гридни и Щитники Княжие. Только глубокая лощина разделяла село *Капиче* от холма, на котором был расположен стан Владимира.

Обогнув лощину, отрок помчался чрез село; на возвышении стоял красный двор Боярский, обнесенный дубовым тыном.

«Она живет не в том уже красном тереме, где видел я ее?» — думал Светославич, въезжая на широкий двор и соскакивая с коня между столбами подъезда.

Почетные Княженецкие жены и девушки встретили Светославича на ступенях крыльца. Ни на кого не обращал он внимания, не отвечал ни на чьи поклоны, почти бежал по крытым сеням и чрез светлицу между рядами встречающих его.

Княжна Рокгильда встретила его в дверях своей горницы; черный покров упал с чела ее до помоста, и сквозь него видно было только, как блеснул огонь очей ее; но при входе Светославича очи ее поникли.

— Радостная моя! — вскричал Светославич порывисто, схватив ее руку и готовый упасть в объятия.

Рокгильда остановила порыв его.

— Сядь, Князь, — произнесла она тихим голосом, — будь дорогим гостем у меня... скажи мне, где был ты? я боялась, не сгубили ли тебя враги твои...

— О, далеко был я, далеко!.. для тебя!.. — отвечал Светославич, садясь близ самой Княжны на крытую махровой паволокой лавку.

— Для меня?.. — произнесла Рокгильда смущенным голосом. В это время почетные Княжевецкие жены внесли на подносах малиновый мед и на блюдах сладкие варенья, перепечи и пряженье.

— Испей, Князь, и вкуси за здоровье богов, дали бы тебе долголетие и возвеличили бы славой, — произнесла Рокгильда, приподнимаясь с места.

Почетные жены низко поклонились, напенили в чашу меду, поднесли Светославичу.

— Твое здоровье пью! — сказал Светославич, поднимая чашу с подноса и выпивая до дна. — Твое, светлая моя Княжна!.. а пищи не приму, доколе не будешь ты моею!

Рокгильда молчала, смятение ее не скрылось ни от кого.

Почетные догадливые жены взглянули друг на друга, вышли, перешептывались в дверях: «Быть ладу!» Они мигнули девушкам, сиделкам Княжевецким, и девушки также незаметно удалились из горницы.

— Сбрось покров свой! сбрось, Княжна! — произнес Светославич, схватив руку Рокгильды.

— Полно, Князь! — отвечала она, отступив от него. — Ты господин мой, но покрова не сниму перед тобою.

— Сбрось, сбрось покров! напои добрыми речами душу мою! не возлюбил я дни мои без тебя, ты убелила их!.. Сбрось покров! я хочу целовать светлый лик твой!..

— Светлы твои ризы, Князь, а душа обветшала! вижу, очами плакал ты горю моему, а сердцем смеялся! — произнесла гордо Рокгильда. — Да не исполню я бедной воли твоей, не изменю воле отца, не буду твоей женою, доколе жив Ярополк, — у него обруч мой!

— Доколе жив Ярополк? — вскричал Светославич, пораженный словами Рокгильды. — Доколе жив Ярополк! — повторил он. — Я убью его! отниму у него обруч твой!

— Девушки! — вскричала Княжна с ужасом, окинув горницу взорами и видя, что никого нет.

— Прощай, неласковая! — продолжал Светославич, выходя от Рокгильды. — Я исполню волю твою, добуду твой обруч!..

Голова его кружится, очи горят.

«Что бы это значило? — думают почетные жены Рокгильды, застав ее почти в бесчувствии! — Князь говорил про *обручив*, а вышел гроза грозой, и Княжна словно не своя!.. »

Х

Гроза грозой сошел Светославич с крыльца; голова его кружится, очи горят. Вскочил на коня, помчался: у стана встретили его Воеводы и Тысяцкие.

— К бою! — вскричал он, проскакав мимо толпящейся дружины.

— К бою! — повторилось в рядах: труба ратная загремела по стану.

Нетерпеливо ждал Светославич, покуда скоплялись около него полки конные.

Быстро повел он их к Киеву; *Пешцы* потянулись следом, развернув полковые знамена: лады Варяжские потянулись вниз по реке, вспенили волны.

Взвился прах до неба, солнце заиграло на светлом оружии. Видит Киев беду неминуемую... не ждет воли Княжеской, высыпает навстречу Светославичу; старейшие мужи несут золотые ключи от *броневых врат*, несут дары, хлеб и соль; *баричи** градские трубят в трубу, бьют в серебряные варганы.

— Будь нам милостивец, Государь Князь Владимир! — говорят старейшины Киевские, припав к земле и ставя на землю перед Светославичем дары, хлеб и соль. — Давно молили мы звезду твою посветить на худый Киев!.. Рады мы тебе, и будет нам честен и празден приход твой, Княже, Господине! Не хотим мы Ярополка, сокрушил он веру и души наши. Тиуны и Рядовичи его Немцы; а попы Варяжские не богомольцы наши; не лазили мы в Божницы их; а теперь порушили мы хоромы Варяжские, а кудесников из града изгнали; пусть идут с Ярополком в Ровню и там кланяются Черту!..

* Глашатаи.

— Где Ярополк? — торопливо спросил Светославич.

— В Ровно, на Роси, бежал с своими ближними.

— В Ровно! — вскричал Светославич, обратись к полкам своим. — В Ровно! — повторил он. — Перебегите путь Ярополку!

— Государь Князь, поди к нам, ряди нами по воле твоей! — продолжают Киевляне.

Не внимает Светославич речам их, ему все слышатся слова: «Не буду твоею, покуда жив Ярополк!» Боязнь, что Ярополк скроется от него, волнует душу. Он повторяет приказ идти в Ровно, готов сам вести туда рать: но старейший Воевода молит его остаться в Киеве, люди Киевские молят его идти к ним в город.

— Ярополк сам придет к тебе с повинной головою! — говорят они.

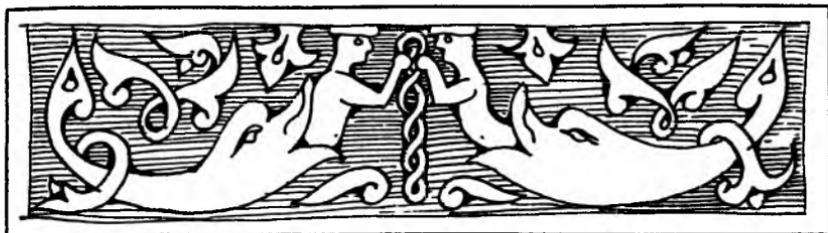
— Не пойдет, приведем его к тебе! — говорит Воевода.

Светославич соглашается. Велит дружине идти в Ровно, добыть ему Ярополка, а сам едет в Киев, сопровождаемый Щитниками, Гриднями и старейшинами Киевскими.

«Власть моя, — думает он, — отдам Днепру череп отца, и Княжна будет моя!.. так сказал Царь Омут».

Весь народ высыпал на забрало, встречает его радостно. Идут навстречу жрецы и слуги божевы Перуновы в светлых, праздничных одеждах; несут лики золотые и воздухи и свечи великие. Гремит крутой Овний рог.

Послышала радостную весть Мария, и она спешит из красного терема Займища в Киев, в толпы народа, на забрало. Стоит завешенная черным покровом, едва дышит. Видит она, идет Князь, окруженный народом. Хочет она всмотреться в очи Владимира, да ее очи полны слез; играют перед ней алмазы радужными колкими лучами, а дыхание стеснилось.

XI

— Изменил ты слову своему, Владимир! — говорит Светославичу Зигмунд Брестерзон. — На столе Великокняжеском ты не тот уже Владимир, щедрый и милостивый! Люди мои не идут к Ровно, много мы служили, говорят они, Киев взят, дай нам прежде, по закону, *окуп*, по две гривны с человека.

— В Ровно возьмут они *окуп*, — отвечал Светославич, — иди туда, возьми город, приведи мне Ярополка или принеси голову его, и дам тебе грады, золото, коней и одежду!

— Сольстил ты, Владимир! — продолжал Зигмунд. — Слугой был я у любовного своего приятеля, а не у Князя! Даров твоих мне не надо, милости свои храни для наемщиков, а меня отпусти к Царю-граду.

— Иди! — отвечал Светославич.

— Оставайся с рабами! — сказал Зигмунд, кланяясь Светославичу, и вышел.

Думцы Княжеские и старейшины Киевские, окружавшие Светославича, дивились его мудрости, славили ее.

— Слава величию твоему! — говорили они, кланяясь. — Не вдал бедный град наш на разграбление Варягам.

Вскоре ладьи Варяжские спустились вниз по Днепру, прошли мимо Киева, подплыв к возвышенности *Торберга*, или Чертова бережища, они остановились. На чешуйчатом *Ормуре* возжглась жертва; дым вился столбом к небу; Варяги, ударяя в щиты, пели:

Берег святой! пристанище молниеносного, древнего Тора!

Берег святой! в недрах твоих лежит Одина небесного племя!

Берег святой! хранящий останки властительных Херров,
потомков Арея и Атта!
Берег святой! персть твоя, прах недоступный ни веку, ни тленью!
Берег святой! зеленой, процветай до скончания светлых миров!*

Быстро помчались ладьи Варяжские вниз по Днепру, перегоня друг друга; долго слышна была еще их ратная песнь и удары щита в щит.

Но не все Варяги удалились из Киева; осталось еще много наемщиков, прослышавших, что Князь обещает грады и золото за голову Ярополка.

Пошли они искать счастья и удачи в Ровно.

Скопилась и рать Новгородская около Ровно, облегла стены шатрами.

Войсковой Воевода шлет послов к Ярополку объявить ему волю нового Киевского Князя:

— Отопри, Князь Ярополк, Ровно! — говорят Послы. — Иди с миром к Владимиру; не пойдешь, разнесем по камню твои крепкие забрала, полоним тебя, вязаного повезем в Киев!

Возговорила гордость в сердце Ярополка на дерзкую речь Новгородцев.

— Идите! — вскричал он. — Идите назад, несите рабыничу своему проклятие Ярополка! Не отопру ему ни града, ни сердца!

Послы удалились.

Ярополк зарыдал громко, не устыдился слез, растерзалась душа его ржавой памятью.

«Карает меня Свет светов за кровь Олега; да не брату меньшему нести бы лозу на брата старейшего!»

У Ярополка два Думца, два злых соперника. Один Блотад Грим, другой Свенельд.

Блотад говорит:

— Иди к брату твоему, иди примириться, нет уже иной надежды. Ты обидел его, не дал ему части из наследства, воевал на него, насиллил Новгород. Мстит он тебе, он силен, иди к нему!..

Свенельд говорит:

* Господ (древнеисл.) Здесь название домысленного Вельтманом племени

— Не клони главы своей пред рабынником! Не бойся его, идет к нам на помощь Гетман Ордынский с силою великою.

И Ярополк надеется на силу Ордынскую, не внимает хитрым речам Блотада.

Исполняются надежды его. Идет от Дона сила Ордынская на помощь Князю Киевскому. Стонут степи под нею, пар от коней тянется густым туманом, свивается в тучи, поросит окрестные земли.

Узнал про то и Киев, почуял беду новую. Светославич, по совету Думцев, шлет по волостям гонцов со стрелою, собрались бы люди поголовно ратовать нового Князя.

Смута идет в волостях; ездят гонцы от двух Князей, повсюду размирье. «Какой ты веры?» — спрашивают люди друг у друга и ведут брань и ссоры.

В это-то время медленно едет чрез волости Великокняжения Киевского Царь-Царевич. Едет он по шляху Муравскому в станицу отца своего, хочет упасть пред ним на колени, сложить у ног его ратных доспехи, хочет сказать ему: «Не Царь я Царевич, а Царь-девица!» — и выплакать женские слезы; да долго едет; возросла луна и похудела. Раздумье убивает волю. «Нет! — думает, — сокрою позор от отца и людей, поищу смерти среди чистого поля!»

Плачется сердце Царя-Царевича, тоска душу сдавила. И раскинул он шатер с золотой маковкой, пустил коня на зеленую траву, а сам горюет да горюет, не принимает пищи. И приспешник его Алмаз тоже горюет, понял причину: и ему не хочется на Дон: «Поведает Гетман тайну, беда Царице, беда матери моей, беда и мне, конюху-приспешнику!»

Едет по Муравскому шляху воин, трубит в крутой рог, вызывает могучих и сильных, на конце длинного копья привязана на крест перёная стрела.

Подъезжает он к ставке Царя-Царевича.

— Гой еси, сильный и могучий Витязь, исполать тебе! Князь Владимир Новгородский и Киевский поклон шлет, просит повоювать за него. Взял он Киев, да идет на помощь Ярополку сила неведомая: а Варяги пошли в Царьград, гроза над головой Владимира, в беде он!..

— В беде Владимир! еду воевать за него! — восклицает Царь-Царевич. — Сложу за него жизнь свою!..

И быстро пустился Царь-Царевич по дороге к Киеву; отстал от

него воин, отстал и приспешник Алмаз; скрылся из глаз, только облако пыли расстилается по следу.

«Не закалишь, верно, женского сердца — не железное!» — думает про себя Алмаз, гонит коня, бьет чумбуром в хвост и в голову.

Лежат серые туманы над Днепром, не волнует их ветер, не гонит к морю. Чуть слышно, как перекликается стража вокруг *Ровни*, эхо не ловит звуков, не играет ими, но заносит в даль.

На восходе ночь борется с рассветом. В стане рати Новгородской все еще мирно.

Пробудился Воевода, лежит еще на медвежьей попаломе, замышляет гибель Ровно. Вдруг послышался ему протяжный гул под землей... Приложил он ухо к земле, прислушался... стонет земля.

— Стерегись!.. к бою! — вскричал вдруг Воевода, вскочив с земли и выбегая из шатра. — К бою! — повторил он сторожевым и трубачам, стоявшим возле шатра.

Загремел кривой рог; да глухи звуки.

Медленно собирается в строй дружина.

И вот раздались звуки рогов и крики с поля. Скачут со всех сторон сторожевые воины. Поднялась суматоха.

«Враги, враги! — раздается по стану. — Чу! стонет земля под конскими копытами!»

А туман расстилается, зги не видать.

И вот зашипела туча стрел; гикнули тысячи голосов в долине. Валит рать, как черная волна, разливается морем, топит Новгородскую силу. Звенят тысячи щитов в один удар, новая туча стрел уныло пропела между всполошенными рядами.

Опала душа Новгородская, умолкли руки, поникло оружие...

Но шлет бог защиту... Мчится Царь-Царевич, золотая броня пуховым прахом покрыта.

Врезывается он в толпы Ордынские, топчет конем тысячи, гонит душу от тела.

— Стой! — раздается к нему из толпы грозный голос. — Не руби моей рати, не топчи конем! выходи, золотая броня, на вороную!

Разъярился Царь-Царевич на дерзкого, заносит меч, махнул, отсек край щита.

— О, молод, удал! ну, держись на седле, изведай меч Пана Гетмана Ордынского.

А новый удар Царь-Царевича упал уже на шлем противника; разлетелся шлем надвое, обнажилась бритая голова с седым чупом.

Туман раздался.

Вскрикнул Царь-Царевич; поник меч в его руках, не отразил удара противника; посыпались кольца золотого панциря... и скатился Царь-Царевич с седла на землю, и заклубилась кровь ручьем.

— Забочьте рану, смертельна ли! — произнес гордо Ордынский Гетман к людям своим, возглашавшим уже победу.

Бросились люди Гетманские к Царю-Царевичу: одни снимают шлем с головы, другие расстегивают броню, распахнули бехтерец...

— Царь-Царевич! — вскричали одни.

— Жена! — вскричали другие.

И все смолкли от ужаса и удивления.

Выпал из рук Гетмана окровавленный меч, соскочил Гетман с коня, взглянул в закатившиеся очи, как ворон голодный... и грянулся на обнаженные перси своей дочери, скрыл их собою от позора людского.

XII

*Не к добру ты слетел с золотого гнезда, белый орлович наш Гетман!
Упоил нас не славой — слезами! в добычу дал черное горе!
Утолил не чужой кровью жажду и слег на конечное ложе!*

Уныло пели Ордынцы, везли Гетмана своего и Царь-девицу между двумя конями, везли к Дону.

Пала последняя твердыня Ярополкова; собирается он с поникшей головою в Киев.

Доходят до Рокгильды тайные слухи, что в Киеве не будет пощады Ярополку; с ужасом припоминает она слова мнимого Владимира: «Я убью его! добуду твой обруч! исполню волю твою!»

— Мою волю! — повторяет она и шлет к Князю просить дозволения прийти к нему.

С нетерпением ожидает ее Светославич.

Она входит. И он... ни слова не может произнести от радости, торопится к ней навстречу...

А Рокгильда медленными, слабыми шагами приближается к нему, падает пред ним на колена, преклоняется к полам одежды.

— Буду твоею... но не убивай своего брата!.. — едва произносит она.

— Моя! — повторяет Светославич, приподняв ее с земли и сжимая в своих объятиях.— Ты моя, и Царство мое же!.. Ты не изгонишь меня, не скажешь, как Бонна: «Ты мой, и Царство мое же!»

Непонятны для Рокгильды эти слова.

— Правда... ты не мой... а я твоя... я рабыня твоя! — говорит она голосом обиженной гордости.

— Сбрось же, сбрось черный покров свой!..

И Светославич сорвал с Рокгильды покров; жаждающие уста готовы были коснуться к ее ланитам...

Но вдруг очи его остановились неподвижно на Рокгильде, голова тихо отдалялась от лица ее, руки от стана.

— Это не она! — вскричал Светославич иступленным голосом.

На звуки его голоса вошли два Гридны.

— Не она! — повторял Светославич. — Ведите прочь от меня!

«Не она!» — отдавалось в душе Рокгильды; в очах ее темнело, дыхание становилось реже и реже, стесняло грудь, голова падала на плечо.

Гридны поддержали ее, понесли под руки.

Но гордость Рокгильды не допустила ее до бесчувствия; скоро очнулась она и с презрением оттолкнула от себя Гридней.

— Я спасу Ярополка, я отмщу за смерть отца и братьев! — повторяет она без голоса дрожащими устами. Отбрасывает двери в Гридницу, и первый предмет, поразивший ее взоры... струя крови на белодубовом полу.

Рокгильда закрывает лицо руками, бежит вон.

«Убийцы, убийцы живут здесь!..» — говорит ей все.

В сенях толпа людей остановила ее.

— Милости просим, милости просим! — слышит она. — Князь ваш Ярополк остался гостить у Князя в палате, а вас ласковый наш Князь указал честить и кормить в палате Боярской!

Рокгильда содрогнулась от ужаса, она поняла слова злодеев.

— Идите, идите на зов их, несите свои головы злодеям!.. Не видать уже вам Ярополка, не величать и не славить живого! — вскричала она, упавая без чувств на руки своих Боярынь, которые ожидали ее в сенях.

Толпа Бояр остановилась в недоумении.

— Милости просим, милости просим! — повторяют люди Княжеские гостям. — То полуумная Княжна Полоцкая.

— О, не добро чует мое сердце! — вскричал молодой Варяг, питомец Ярополка, находившийся в числе Щитников и Бояр его. — Братья! — продолжает он, указывая на Блотада, вышедшего навстречу из боковых дверей. — Братья! ведут нас на пир кровавый! Смотрите, злодей Блуд кровью обрызган, он продал Ярополка!

Толпа Бояр остановилась в дверях; но стража, стоявшая в другом

покое наготове, окружила уже их, не смотрит на ропот, вяжет им руки.

Нет с ними оружия! оружие сложено ими при входе в палаты Княжеские.

Только молодой Варяг, выхватив из рук Гридня бердыш, поразил в голову Блотада и по частям отдает свое тело насильникам.

Исполнилась воля Светославича, а он не знает, не ведает того.

— Не она! — повторяет он. — Обманули меня, люди обманули! правду сказал *Он*, люди живут обманом!.. а Омут не обманет, я исполнил его волю...

И очи Светославича остановились на черепе, который между золотой посудой на полке поставца поставлен был догадливими чашниками, как добыча Князя, из *ней же* на пирах будет испивать он малиновый мед.

— В темную полночь, молвил *Он*, когда пойдешь по Днепру... и будет мне все желанное... а у меня только она желанная!..

И Светославич взял череп, идет чрез Гридницу на выходец теремной, ни на кого не обращает внимания.

— Мрачен Князь, как ночь, — шепчут друг другу княжеские люди, — верно, братская кровь облила сердце.

С вышки открылся весь Днепр Светославичу; он узнал знакомый крутой берег; он видит рощу Займища и зверинец, ищет в отдалении красного терема, да не видать его за *Германс-Клов*.

Только народ кишит на холме *Дмитревском*, вздымает Перуну обет *кощунный**.

Единогласное ура-аа-ра! раздается и вторится в отдалении.

Ночь ложится уже на землю; народ зажигает вокруг кумира смоляные бочки, увешивает *стояло*** венками и фонарями; весь город также освещен, люди ходят по улицам, ликуют, празднуют *Канун*.

Урядники ходят по домам, стучат в окна жезлами, повешают наутро требу *богам старым*, «шли бы люди на холм Дмитревский, красных мужеских жен рядили бы по обеде Русалить на дворе Княжеском, а красных дочерей хороводы водить».

Вещуны же между тем строят уряды в жертву Божичу людей и

* Здесь жертвенный. -

** Подножие.

скота; а старцы и Бояре сидят на Думе, мечут жеребьи на отроков и девиц, кого зарезать на потребу *старому богу*, они поговаривают и о Христианах, Иереях Еллинских, живущих в тереме, на Займище.

Не ведает Мария, что готовят Киевские люди чернецам, обитающим под ее кровлею по завещанию Ольги. Но она печальна, тоска нудит ее на слезы, плачет она за душу Владимира, «и Владимир поклоняется кумирам, и он готовит кровавые жертвы!».

И до Мокоша, сторожа заветных Княжеских лугов и лесов, дошли слухи о торжестве Киевском, и он собирался посмотреть на людской пир; но, по привычке к единообразию, обошед во время дня Займище, он забыл про сборы, лег отдохнуть, уснул; проспал бы, если б от огней Киевских не загорелось полуночное небо.

Вскочил Мокош, кликнул пса, идет торопливо, клюкой подпирается.

«Эх, — думает, — запоздал! а людям Князь Володимир корм и солугу дает!»

Спустясь в лошину, за Урманским садом, где разделялись дороги, идущие из Киева, он встретил двух чернецов с костылями в руках.

— Добрый человек! — сказал один из них, — Укажи, пожалуй, путь к красному терему Займища.

— Ох! чернецы вы Еллинские! — отвечал Мокош, положив обе руки на свой костыль. — Не здесь бы идти вам! идет тут тропа в мою изобку да в *рощенье* Княжеское; большим бы путем на Лыбедь идти, да влево.

— Проведи нас, добрый человек, к красному терему, заплатим мы тебе словом и делом.

— Эх, не час мне: в Киев поспешаю; ну, пойдем, пойдем, уж добро!.. А чай, там Князь Володимир корм и мед людям сыплет. Милостивый, говорят, про людей да и строгий, ох строгий! родному брату, Господину нашему Ярополку, снес голову!..

— Правду ли ты молвил, добрый человек? — сказал один из чернецов. — А я слышал, что Князя Владимира и в Киеве нет; уж не иной ли какой Князь в Киеве? не обмолвились ли люди? не Ярополк ли снес голову Владимиру?

— Видишь, не так люди молвят... — отвечал Мокош... — Ну, да сам не видал, не ведаю, правда ли, нет ли.

Выбравшись из густых кустарников, по которым вилась дорож-

ка в поле, и поднявшись на холм, Мокош ухнул, остановился и подперся костылем.

— Ну, смотри, словно жаром горит вышка Чертова холма!.. а уж какие страсти!.. Дивились, дивились люди, порассказал я им про *вражьего питомца!* а веры нет! сонной морок, говорят... сонной морок! своими очами зрел! Ох ты, сила великая, небесная, чудо какое! *голжажни соли не съел*, а он, дивись, дитя малое, молодец молодцом взрос! стал ровно вот литой Князь Володимир!.. — Когда ж это было, дедушко?.. Да видал ли ты Князя Володимира?

— Видал ли!.. — отвечал Мокош, продолжая путь. — Сестра моя была мамкою у него; по ней и мне честь была, дали избу в Займище да Княжеские хлебы, стерег бы лес да луга...

— Узнаешь ты меня, добрый человек? — сказал чернец, заводивший речь с Мокошем, обратясь к свету, ударявшему на холм от Киева, и откинул с чела покров.

Мокош взглянул в лицо ему и остолбенел.

— Ох, да откуда, голубчик, ты взялся? — наконец произнес он.

— Узнал ли ты меня? — повторил чернец.

— Как не узнать... да это не дедушка ли твой... что учил тебя Еллинской премудрости?

— Да ты почему ведаешь то?

— Ведаю, ведаю, голубчик, сам ты говорил... ну, прощай!..

— Куда же ты, куда, добрый человек?

— Нет, голубчик, нет!.. нейду!.. — отвечал Мокош, вырываясь из рук чернеца, который хотел его удержать.

— Да доведи нас до терема и ступай себе с богом.

— Нейду! — решительно отвечал Мокош. — Нейду!.. Ты такой отважный, в беду введешь!

И Мокош поворотил назад, скорыми шагами удаляясь от чернецов, нашептывая:

— Эллинский питомец!.. Уж то *они* ведьство творят!.. блазнят людей в свою веру!.. *Ионовым* зельем поят, *вляялись* бы... благо что не шел с ними!

— Чудны дела твои, боже! — произнес чернец, смотря вслед Мокошу. — За кого признал меня этот человек?.. Сон или истину поведал он?

— От бога не скрыты тайная! — произнес, молчавший до сего

времени, другой чернец. — Брат по богу, Владимир, оставь думы, вижу, омрачает душу твою любочестие; забудь прошлое, откинь мир, исполнись богом!

— Отец святой! не называй меня Владимиром, не ведаю сам, кто я... избыл я веру в память свою, в очи и в слух!..

— Наложу на себя знамение крестное, брат по богу; дьявол искушает веру твою, дьявол искушал и Господа... Пойдем, не далеко уж мы от *Красного дворца*, слабыми очами вижу, светится его золотая кровля; чу, и благовест всенощной!..

Углубленный в думу сомнений, последовал чернец за спутником своим.

Красный дворец открылся из-за рощи; чернецы подошли к воротам, постучали в калитку ворот.

— Кто там? — раздался голос с вершины стены в небольшое оконце.

— Брат по Христу, Иларий, — отвечал один из чернецов.

— Во благо пришествие твое! — произнес голос привратника, и вскоре засов заскрипел, дубовая, кованная железом калитка отворилась.

— Благослови, святой отец! — произнес привратник, кланяясь земно.

— Бог да благословит тебя! — отвечал чернец, сотворив над ним знамение.

— Веди нас к благоверной Марии!

— Благоволи следовать за мной, святой отец. Мария только что вышла от всенощной.

И два чернеца последовали за привратником. Он провел их по длинным сеням в светлицу; просил помедлить, куда скажут Марии о приходе их.

Чернецы сотворили знамение, поклонились образу и молча присели на лавку.

Вскоре вышла Мария, облаченная в черную одежду, под покровом, сопровождаемая старухой мамушкой и несколькими девушками.

— Святой отец Иларий! — произнесла она, подходя к старейшему из чернецов. — Волею или неволею принес тебя бог ко мне, учитель мой?... Давно не поил ты души моей потоком святых речей!.. Благослови меня!

— Благословение божие на тебе, Мария! — отвечал чернец.

— Ольги, матери моей, уж нет!.. — произнесла Мария, и голова ее приклонилась на руки; она заплакала

— Дом тленный сменила Ольга на дом нерушимый, земные скорби на вечное благо.

Утолив горькое воспоминание слезами, Мария пригласила гостей в теремную свою горницу, просила их садиться.

— Кто благочестивый спутник твой? — спросила она, обращая взор на другого чернеца.

— Язычник, обращенный на путь истины, — отвечал Иларий, — да не крещен еще, будь восприемницей ему, Мария.

— Будь восприемницею моею, Мария! — произнес чернец, откинув с лица покров.

— Владимир! — вскричала Мария.

— Ты не забыла внука Ольгина, Мария!

— Князь Владимир!.. — повторила Мария, едва приходя в себя от неожиданности. — Бог послал тебе раскаяние... кровь Ярополка налегла на душу твою...

— Кровь Ярополка!.. — вскричал чернец. — Ярополк убит? старец правду сказал мне?.. Кто ж в Киеве?.. Кто убийца его?.. — продолжал он исступленным голосом, схватясь за голову руками.

Клубок скатился с чела его, русые кудри рассыпались по плечам, лицо побледнело, очи стали неподвижны, две выкатившиеся слезы окаменели на веках, обратились в алмазы.

— Чьи дела оклеветали душу Владимира? — продолжал он, не обращая ни на что внимания. — О, узнаю я!.. повлеку его со стола Княжеского на Торжище, стану с ним рядом!.. пусть скажут люди, кто из нас Владимир!..

И чернец, признанный Владимир, в исступлении бежит к дверям...

— Владимир, Владимир! — вскрикивает Мария и невольно подбегает, удерживает его.

— Сын мой! выслушай слово мое! — говорит Иларий..

— Мария! — говорит чернец, остановясь в дверях.— Владимир убил Ярополка, а я не убивал его... кто ж я?

— Воля божья покажет, кто ты, — произнес Иларий. — Ночь дана богом на покой, утро на разум, а день на дело... Теперь ночь, ку-

да пойдешь ты?... возьми смирение, помолись Творцу, пошлет Он свет в напутствие тебе... Мария, мы утомились, дай нам покой.

Мария не сводила очей с Владимира, очи ее были полны слез; а он стоял погруженный в темную думу, искал в ней мыслей и не находил.

— Пойдем, отец святой, пойдем, Владимир, — сказала Мария, — я сама проведу вас в ложницу.

И она проводила их в покой Князя Светослава, в котором опочивал он некогда во время посещений бабки своей Ольги в Красном ее дворце.

Заметно содрогнулся чернец, когда вошел в ложницу Светослава. Несколько лет в ней покоилось уже запустение, измер живой воздух, резные дубовые стены почернели, на все вещи прилег мрак, золото и серебро потускнело, штоф и парча выцвели; только стекольчатые окны отразились радужными цветами, когда внесли свет в комнату, да на изразцовой пространной печи, с лежанкою, ожили причудливые изображения. У левой стены, на поставце, стояла посуда и чаши золотые; подле, на дубовом столе с витыми толстыми ножками, лежали еще: Княжеский костыль, Княжеская шапка и багряница; широкая лавка, во всю длину передней стены и перегородки, разделявшей покой надвое, покрыта была махровыми шелковыми полостями; и по ней лежали подушки с золотой бахромой и кистями; за перегородкой, по стенам, развешано было оружие, охотничьи доспехи и шкуры красных зверей, убитых рукою Светослава.

— Здесь нет Святого Лица, — сказал старец Иларий, — но бог повсюду: и в творении, и вне творения.

Сняв каптырь, он стал на колени пред окном и молился.

Мрачный спутник его прислонился к столу, обводил все предметы очами, как будто читая на всем горькую память прошедшего.

— Пора делить ночь, — сказал старец; серебряные седины его расстилались по плечам. — Молись и ты, Владимир, да будет мир в тебе и окрест тебя.

— Благодарствую, Отец Святой! — отвечал чернец.

Старец прилег на лавку и скоро заснул.

Молодой спутник его и не думал о спокойствии; весь переселился он в глубину души; но вдруг быстро взглянул на лежавшую на столе багряницу, выложенную горностаем; кинул взор на двери,

припертые железным крюком, которые видны были против открытых дверей перегородки в другой покой; потом посмотрел на спящего крепким сном старца; сбросил с себя камилавку с покровом, сбросил черную манатю, накинул на плеча багряницу, надел Светославу Княжескую шапку с золотым венцом над собольей опушкой, взял в руки костьль Княжеский, снял меч со стены, опоясал его, тихими шагами приблизился к внутренним дверям, снял крюк, открыл скрипучую дверь... За дверью темный переход... Шарит по стене... Другие двери также приперты крюком; за дверями наружные сени с навесом; небо усеяно еще звездами... мрак на дворе теремном...

Между тем старый Ян-привратник, бывший привратником в Красном дворце Ольги с самого построения оногo, помнивший все возрасты Светослава и детей его, проводив Илария и спутника его в терем, помолился снова богу и прилег на одр свой в келейке подле ворот; сон сомкнул уже очи *его*.

В видениях своих он исполнял ту же обязанность, как и наяву; ибо мечты его о самом себе никогда не выходили из состояния, в котором он был. И во сне слышались ему только стук в калитку да слова: «Ян, отчини!» — но во сне, по привычке, он продолжал еще отпирать ворота Ольге и Светославу и по смерти их.

На другой день Ян с радостью рассказывал всегда свой сон.

«Недаром сон видится, — говорил он, — прилетела душа старогo Князя напощать Красный терем свой. Ян, — молвит, — отчини! я и отчиню да поклонюсь земно; да словно вот в очи зрю!.. веры нет, уж сон ли то?»

Мария и все окружавшие ее также часто повторяли во сне жизнь прошедшую, и они верили, по рассказам Яна, что души Ольги и Светослава навещают иногда тихую обитель Красного терема.

Мария, возвратясь в свою горницу, не могла спать; она спрашивала себя, точно ли Владимира видела она? он ли под одной с ней кровлею? Все видимое казалось ей невероятным, невозможным... Зачем Владимиру прийти в терем в одежде чернеца? откуда отец Иларий?.. Это сонная греза!.. «О, я больна, больна! — произнесла она вдруг. — Голова моя кружится!..»

— Мамушка, мамушка!

— Что прикажешь, сударыня? — отвечает мамушка из другого покоя. — Какая ты беспокойная!.. не вставать ли вздумала?.. рассвет не брежит, сударыня!.. светлые гости только что започивали!..

— Гости?.. — говорит Мария, задумавшись.

И вдруг послышалось ей, кто-то стучит в двери, слышит громкие речи.

С испугом вскочила она с лавки.

— Мамушка, мамушка!.. стучат! кто там?

— Отчините, Государыня, отчините! — раздалось из-за двери.

— Ох, что еще! — произнесла старая мама, накинув на себя балахончик и отпирая двери.

Это был Ян с дворовыми людьми; на всех лицах было изумление.

— Бог свят, видел своими очами!.. — повторял Ян, входя в покои. — Сплю, а кто-то постукивает в дверь. «Отчини, Ян!» — говорит. «Кому с двора в зарпье?» — думаю, да и иду с ключами... глядь. Князь Светослав в багрянице, с клюкою Княжескою, на коне! «Отчини, Ян!» — говорит. Не возмог послушаться, отчинил... Бог свят, отчинил!

— Померещилось тебе, Ян! — произнесла Мария.

— Не померещилось, Государыня, и коня вороного в конюшню нет! — примолвил конюх. — А конюшня отворена!..

— На вороном же, на вороном! — прибавил Ян.

Ян поднял суматоху во всем Красном дворце. «Какой сон, не сон! — повторял он. — Очима зрел Князя Светослава!»

А над Киевом туча, как черная полость, завесила ясное ночное небо; вдали прокатился Перун-Трешица из края в край, засвистал вьюгою, захлестал молоньей.

Шумит Днепр, ломит берега, хочет быть морем. Крутится вихрь около дупла-самогуда у Княжеских палат, на холме. Потухли *Пиры*, бегут Киевские люди по домам.

Над Княжеским теремом, на трубе, сел филин, застонал, обвел огненными очами по мраку, хлопнул крылом; а возле трубы сипят два голоса, сыплются речи их, стучат, как крупный град о тесовую кровлю.

Слышит их Княжеский глухонемой сторож и таит про себя, как могила:

— Чу, чу!

— Идет! чу, чу!..

Молния перерезала небо.

Скрыпнула калитка у задних ворот Княжеского терема, кто-то вышел, блеснули очи на бледном лице, блеснула светлая одежда.

Это Светославич, он идет по сходу к Днепру.

Потухла молния, исчез Светославич во мраке; прокатился грохот между берегами Днепровскими.

Вытулил филин очи, крикнул недобрым вещуном, а темные речи застучали, как град о тесовую кровлю.

— Чу, чу!.. Омут идет навстречу к нему, клокочет!.. у-у! у-у! скоро нам будет раздолье!..

Молния перерезала небо.

Всадник примчался к калитке, озарился светом лик его, блеснуло золото на багрянице.

«Калитка отперта!» — произнес он, соскочив с коня. Оставил коня на производ, входит во двор теремной, поднимается на крыльцо, освещенное фонарями; стоящая стража из Гриднен и Щитников повсюду выправляется; все пропускают его без слов.

Проходит он наружные сени, боковым ходом чрез ряды покоев приближается к ложнице Княжеской, вступает в полуотворенные двери, и первый предмет, который бросается ему в глаза — женщина под черным покрывалом; она стоит над ложем Княжеским, осветила ложе ночником, откинула покрывало другой рукою, в руке блестит нож...

Но на ложе нет никого; с ужасом отступила она от ложа, вскрикнула, заметив перед собою человека; ночник и кинжал выпали из рук ее, без памяти грохнулась она на землю.

— Рокгильда! — раздался голос в темноте.

Молния опалила небо и землю, удар грома разразился над Днепром, близ самого терема; затрясся терем до основания.

Филин припал к кровле, стиснул огненные очи...

— Сгинул, сгинул!.. — раздалось в ушах глухонемого сторожа.

Прошло время темное над Русью, настало время золотое...

И стекся народ Русский несметным числом; и Эпискуп Грече-

ский разделил народ на многие полки и дал каждому полку имя крещеное, и погнали первый полк в воду в Днепр, и читал Эпискуп молитву, возглашая: «Крещаются рабы божии Иваны!» Потом пошел другой полк в Днепр, реку святую, и возгласил Эпискуп: «Крещаются рабы божии Васильи!» — и так крестил все полки и не велел никому нарицаться поганым именем некрещеным.

Светит Владимир Красное Солнышко над крещеною Русью; пирует Владимир, беседует с воем Добрынею, с вящшими мужами и богатырями своими, ставит народу браные столы, дает корм солодкий и питье медвяное; обсыпает Владимир ломти хлеба вместо соли золотом, подает милостыню людям убогим. .

Веселы люди, довольны; искрются у всех радостные взоры, ходят вокруг столов шуты, сопцы, скоморохи и потешники; на улицах позоры, дивовища и игрища; кипит Киев богатством и славою.

«Подай ему, боже, — возглашают люди, — подай нашему Солнцу Князю Владимиру благословение! самому ему и подружью его, чадам и подружиям чад его!.. Подай ему, боже, глубокий мир!.. Красен наш Князь взором, кроток, незлобив нравом, уветлив со всеми, суженого не пересуживает, ряженого не переряживает!»

*Поэтическая часть книги составлена
кандидатом филологических наук
Иваном Алексеевичем Панкеевым*

«ЗА ЧАРОВАННЫЙ ВИКИНГ, Я ШЕЛ ПО ЗЕМЛЕ...»

Поэзия — давно уже не только стихи. Разве мы не говорим — поэзия моря, поэзия любви, поэзия чувств?

Когда-то и слово «Одиссей» было всего лишь именем царя Итаки, сына Лаэрта и Антиклеи.

А теперь мы запросто говорим — «космические одиссеи», «одиссеи капитанов», имея в виду именно путешествия.

Потому что в памяти народов — на века, на тысячелетия — остается то, что становится символом.

Человек, слагающий стихи — стихотворец, литератор, а поэт — символ человека, умеющего видеть мир по-другому, чем все прочие. Оставаясь в своем времени, он чувством и мыслью проникает в будущее, словно привыкая к нему, потому что в нем и останется.

Кифаред у древних греков, гусли у русских, кобзарь у украинцев, скальд у скандинавов... Это — не профессия, и даже не способ жизни, а — форма бытия.

Да, если говорить об именах, то исландец Эгиль Скаллагримсон — один из самых знаменитых скальдов не только десятого века, но и вообще скандинавской поэзии.

Но если говорить о явлении, то Скальд (именно так, с большой буквы) — это не только автор висы, или хвалебной песни — драпы, или песни хулительной — нида.

Впрочем, о скальдической поэзии читатель серии «Викинги» уже знает из «Введения в викингологию» Наталии Будур, или из тома «Мед поэзии», посвященного руническому искусству, или из других книг серии.

Я же осмелился в очередной раз сказать несколько слов о Поэзии лишь потому, что она — истинная, природная, высокая в своей простоте и непостижимой многомерности — имеет особенность не просто оставаться в веках, отрываясь от имени своего творца, но имеет и особенность вдохновлять потомков.

Говорят — только камень вечен, ибо полотна истлевают, книги горят, фрески тускнеют... Что же тогда говорить о слове — всего лишь слове — эфемерном, зыбком, воздушном... Но есть слово и Слово. О первом замечено, что оно — всего-навсего «не воробей», о втором сказано, что «Слово — это Бог».

Саги и Эдды донесли давнюю славу викингов до нашего времени. И та слава, те подвиги, те странствия и битвы, и само по себе запечатлевшее их Слово столь сильно впечатлили поэтов нового времени (имею в виду наш век и прошлый), что Майков и Батюшков, Лермонтов и Тютчев, Гумилев и Северянин создали замечательные произведения о викингах, о скальдах, об Одине...

«Зачарованный викинг, я шел по земле», — написал Николай Гумилев, и мне подумалось, что души поэтов уж точно имеют способность переселяться. Иначе не появилась бы из-под его пера «Гондла», которую трудно придумать. Может быть, он ее вспомнил, эту историю?

А «Старый викинг» Валерия Брюсова, «Гаральд» Василия Жуковского, «Валкирии» Аполлона Майкова... В них не только знание того, о чем написано, в них более важное — чувство, ощущение, и отсюда — достоверность, правдивость.

Верно было сказано, что

Рун не должен резать
Тот, кто в них не смыслит.
В непонятных знаках
Всякий может сбиться.

Магия поэзии в чем-то сродни рунической магии. Не зря же извлекают словом, и словом проклинаят. Но в истории остаются только имена Мастеров, будь то мастера рунических заклинаний или мастера поэтического Слова.

В этом разделе представлены творения только русских поэтов, и то лишь наиболее значительные и характерные. А сколько строк посвятили викингам поэты Франции и Германии, Англии и скандинавских стран! Тома и тома, если собрать их воедино. Наверное, когда-нибудь это и будет сделано, ибо давно уже ясно, что поэзия — это не только стихи, и что нет ничего более прочного и вечного, чем Слово,

если в нем живет дух народа, если оно доносит в себе запах времени, если оно оживляет историю.

Собирая по разрозненным книгам эти стихи, я преследовал единственную цель — сказать в завершающем томе серии устами больших русских поэтов о том, что и почему привлекало их в викингах, вдохновляло. На мой взгляд — это своеобразная коллективная русская поэтическая оценка, если хотите — признание.

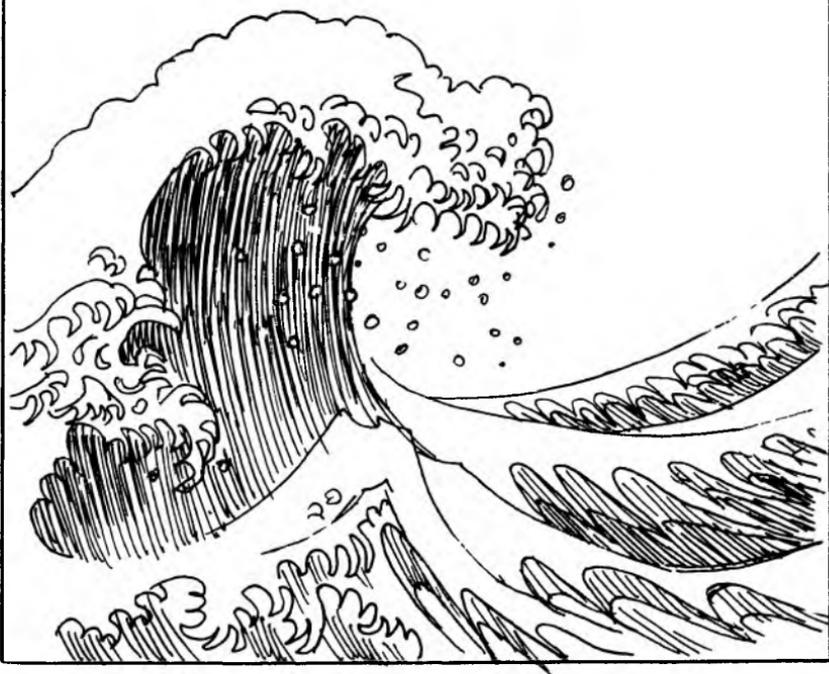
Читая эти стихи, кто-то из вас будет снимать с полки предыдущие тома серии «Викинги» или вспоминать о прочитанном в них ранее. И это тоже будет оценкой труда составителей, переводчиков, художников, исследователей, редакторов, издателей — тех, благодаря чьему участию эти книги увидели свет, тех, кто смыслил в своем деле, создавая эту своеобразную многотомную сагу и возрождая мир, без которого наше сознание оставалось бы не полным.

Иван Панкеев

Арфа скальда

*Стихи русских поэтов
о Севере*

Константин Бальмонт
ИСЛАНДИЯ

Валуны и равнины, залитые лавой,
Сонмы глетчеров, брызги горячих ключей...
Скалы, полные грусти своей величавой,
Убеленные холодом бледных лучей.
Тени чахлах деревьев и море... О, море!
Волны, пена и чайки, пустыня воды!
Здесь забытые скальды на влажном просторе
Пели песни при свете вечерней звезды.
Эти Снорри, Сигурды, Тормодды, Гуннары,
С именами железными, духи морей,
От ветров получили суровые чары
Для утрюмой, томительной песни своей.
И в строках перепевных доньне хранится
Ропот бури, и гром, и ворчанье волны, —
В них кричит альбатрос, длиннокрылая птица,
Из воздушной, из мертвой, из вольной страны.

ВОЗЗВАНЬЕ К ОКЕАНУ

Океан, мой древний прародитель,
Ты хранишь тысячелетний сон.
Светлый сумрак, жизнедатель, мститель,
Водный, вглубь ушедший небосклон!

Зеркало предвечных начинаний,
Видевшее первую зарю,
Знающее больше наших знаний,
Я с тобой, с бессмертным, говорю!

Ты никем не скованная цельность.
Мир земли для сердца мертв и пуст, —
Ты же вечно дышишь в беспредельность.
Тысячами юно-жадных уст!

Тихий, бурный, нежный, стройно-важный,
Ты — как жизнь: и правда и обман.
Дай мне быть твоей пылинкой влажной,
Каплей в вечном... Вечность! Океан!

Евгений Баратынский
ФИНЛЯНДИЯ

В свои расселины вы приняли певца,
Граниты финские, граниты вековые,
Земли ледяного венца
Богатыри сторожевые.
Он с лирой между вас. Поклон его, поклон
Громадам, миру современным;
Подобно им, да будет он
Во все години неизменным!

Как всё вокруг меня пленяет чудно взор!
Там необъятными водами
Слилося море с небесами;
Тут с каменной горы к нему дремучий бор
Сошел тяжелыми стопами,
Сошел — и смотрится в зеркале гладких вод!
Уж поздно, день погас, но ясен неба свод;
На скалы финские без мрака ночь нисходит,
И только что себе в убор
Алмазных звезд ненужный хор
На небосклон она выводит!
Так вот отечество Одиновых детей,
Грозы народов отдаленных!
Так это колыбель их беспокойных дней,
Разбоям громким посвященных!

Умолк призывный щит, не слышен скальда глас,
 Воспламененный дуб угас,
Развеял буйный ветер торжественные клики;
Сыны не ведают о подвигах отцов;
 И в дольном прахе их богов
 Лежат низверженные лики!
И всё вокруг меня в глубокой тишине!
О вы, носившие от берега к берегу бои,
Куда вы скрылись, полночные герои?
 Ваш след исчез в родной стране.
Вы ль, на скалы ее вперив скорбящи очи,
Плывете в облаках туманною толпой?
Вы ль? Дайте мне ответ, услышите голос мой,
 Зовущий к вам среди молчанья ночи.
Сыны могучие сих грозных вечных скал!
Как отделились вы от каменной отчизны?
Зачем печальны вы? Зачем я прочитал
На лицах сумрачных улыбку укоризны?
И вы сокрылись в обители теней!
И ваши имена не пощадило время!
Что ж наши подвиги, что ж слава наших дней,
 Что наше ветреное племя?
О, всё своей чредой исчезнет в бездне лет!
Для всех один закон — закон уничтоженья,
Во всем мне слышится таинственный привет
 Обетованного забвенья!

Но я, в безвестности, для жизни жизнь любя,
 Я, беззаботливый душою,
 Вострепещу ль перед судьбою?
Не вечный для времен, я вечен для себя:
 Не одному ль воображенью
 Гроза их что-то говорит?
 Мгновенье мне принадлежит,
 Как я принадлежу мгновенью!

Что нужды для былых иль будущих племен?
Я не для них бренчу незвонкими струнами;
Я, невнимаемый, довольно награжден
За звуки звуками, а за мечты мечтами.

ФИНСКИМ КРАСАВИЦАМ
(Мадригал)

Так, ваш язык еще мне нов,
Но взоры милых сердцу внятны
И звуки незнакомых слов
Давно душе моей понятны.
Я не умел еще любить —
Опасны сердцу ваши взгляды!
И сын Фрегеи, может быть,
Сильнее будет сына Лады!

Константин Батюшков
СОН ВОИНОВ
Из поэмы «Иснель и Аслега»

Битва кончилась, ратники пируют вокруг зажженных дубов...

...Но вскоре пламень потухает,
И гаснет пепел черных пней,
И томный сон отягощает
Лежащих воев средь полей.
Сомкнулись очи; но призраки
Тревожат краткий их покой:
Иный лесов проходит мраки,
Зверей голодных слышит вой;
Иный на лодке легкой реет
Среди кипящих в море волн;
Веслом десница не владеет,
И гибнет в бездне бранный челн;
Иный места узрел знакомы,
Места отчизны, милый край!
Уж слышит псов домашних лай
И зрит отцов поля и дома
И нежных чад своих... Мечты!
Проснулся в бездне темноты!
Иный чудовище сражает —
Бесплодно меч его сверкает;
Махнул еще, его рука,
Подъята вверх...окостенела;
Бежать хотел — его нога

Дрожит, недвижима, замлела;
Встает — и пал! Иный плывет
Поверх прозрачных тихих вод
И пенит волны под рукою;
Волна, усиленна волною,
Клубится, пенится горой,
И вдруг обрушилась, клоочет;
Несчастный борется с рекой,
Воззвать к дружине верной хочет, —
И голос замер на устах!
Другой бежит на поле ратном,
Бежит, глотая пыль и прах;
Трикат сверкнул мечом булатным,
И в воздухе недвижим меч!
Звения упали латы с плеч...
Копье рамена прободает,
И хлещет кровь из них рекой;
Несчастный раны зажимает
Холодной, трепетной рукой!
Проснулся он... и тщетно ищет
И ран, и вражьего копья.
Но ветер шумит и в роще свищет;
И волны мутного ручья
Подошвы скал угрюмых рочот,
Клубятся, пенятся и воют
Средь дебрей снежных и холмов...

СКАЛЬД

«Воспой нам песнь любви и брани,
О скальд, свидетель древних лет,
Твой меч тяжел для слабой длани,
Но глас века переживет!»
— «Отцов великих славны чада! —
Егил героям отвечал, —
Священных скальдов песнь — награда
Тому, кто в битвах славно пал:
И щит его, и метки стрелы —
Они спасут от алчной Гелы.
Ах, мне ли петь? Мой глас исчез,
Как бури усыпленный ропот,
Который, чуть колебля лес,
Несет в долины томный шепот.
Но славны подвиги отцов
Живут в моем воспоминаньи;
При тусклом зарева мерцаньи
Прострите взор на ряд холмов,
На ветхи стены и могилы,
Покры<ты> мхом, —там ветер унылый
С усопших прахом говорит;
Там меч, копье и звонкий щит
Покрыты пылью и забвенны...
Остатки храброго священны!
Я их принес на гроб друзей,
На гроб Аскара и Елои!..
А вы, о юноши-герои,
Внемлите повести моей».

НА РАЗВАЛИНАХ ЗАМКА В ШВЕЦИИ

Уже светило дня на западе горит
И тихо погрузилось в волны!..
Задумчиво луна сквозь тонкий пар глядит
На хляби и брега безмолвны.
И все в глубоком сне поморие кругом.
Лишь изредка рыбарь к товарищам взывает,
Лишь эхо глас его протяжно повторяет
В безмолвии ночном.

Я здесь, на сих скалах, висящих над водой,
В священном сумраке дубравы
Задумчиво брожу я .вижу пред собой
Следы протекших лет и славы:
Обломки, грозный вал, поросший злаком ров,
Столбы и ветхий мост с чугунными цепями,
Твердыни мшистые с гранитными зубцами
И длинный ряд гробов.
Все тихо: мертвый сон в обители глухой.
Но здесь живет воспоминанье:
И путник, опершись на камень гробовой,
Вкушает сладкое мечтанье.
Там, там, где вьется плющ по лестнице крутой,
И ветер колышет стебель иссохших полыни,
Где месяц осребрил угрюмые твердыни
Над спящею водой, —

Там воин некогда, Одена храбрый внук,
В боях приморских поседельй,
Готовил сына в брань, и стрел пернатых пук,
Броню заветну, меч тяжелый
Он юноше вручил израненной рукой,
И громко восклицал, подъяв дрожащи длани:
«Тебе он обречен, о бог, властитель брани,
Всегда и всюду твой!

А ты, мой сын, клянись мечом своих отцов
И Гелы клятвою кровавой
На западных струях быть ужасом врагов
Иль пасть, как предки пали, с славой!»
И пылкий юноша меч прадедов лобзал
И к персям прижимал родительские длани,
И в радости, как конь при звуке новой брани,
Кипел и трепетал.

Война, война врагам отеческой земли! —
Суда наутро восшумели.
Запенились моря, и быстры корабли
На крыльях бури полетели!
В долинах Нейстрии раздался браней гром,
Туманный Альбион из края в край пылает,
И Гела день и ночь в Валкалу провождает
Погибших бледный сонм.

Ах, юноша! спеши к отеческим брегам,
Назад лети с добычей бранной;
Уж веет кроткий ветер вослед твоим судам,
Герой, победою избранный!
Уж скальды пиршество готовят на холмах.
Зри: дубы в пламени, в сосудах мед сверкает,
И вестник радости отцам провозглашает
Победы на морях.

Здесь, в мирной пристани, с денницей золотой
Тебя невеста ожидает,
К тебе, о юноша, слезами и мольбой
Богов на милость преклоняет...
Но вот в тумане там, как стая лебедей,
Белеют корабли, несомые волнами;
О, вей, попутный ветер, вей тихими устами
В ветрила кораблей!

Суда у берегов, на них уже герой
С добычей жен иноплеменных;

К нему спешит отец с невестою молодой
И лики скальдов вдохновенных.
Красавица стоит, безмолвствуя, в слезах,
Едва на жениха взглянуть украдкой смеет,
Потупя ясный взор, краснеет и бледнеет,
Как месяц в небесах...

И там, где камней ряд, седым одетый мхом,
Помост обрушенный являет,
Повременно сова в безмолвии ночном
Пустыню криком оглашает, —
Там чаши радости стучали по столам,
Там храбрые кругом с друзьями ликовали,
Там скальды пели брань, и персты их летали
По пламенным струнам.

Там пели звук мечей и свист пернатых стрел,
И треск щитов, и гром ударов,
Кипящу брань среди опустошенных сел
И грады в зареве пожаров;
Там старцы жадный слух склоняли к песне сей.
Сосуды полные в десницах их дрожали,
И гордые сердца с восторгом вспоминали
О славе юных дней.

Но все покрыто здесь угрюмой ночи мглой,
Все время в прах преобратило!
Где прежде скальд гремел на арфе золотой.
Там ветер свищет лишь уныло!
Где храбрый ликовал с дружиною своей,
Где жертвовал вином отцу и богу брани,
Там дремлют, притаясь, две трепетные лани
До утренних лучей,

Где ж вы, о сильные, вы, галлов бич и страх.
Земель полнощных исполины,
Роальда спутники, на бранных челноках

Протекши дальные пучины?
Где вы, отважные толпы богатырей,
Вы, дикие сыны и брани и свободы,
Возникшие в снегах, средь ужасов природы,
Средь копий, средь мечей?

Погибли сильные! Но странник в сих местах
Не тщетно камни вопрошает
И руны тайные, преданья на скалах
Угрюмой древности, читает.
Оратай ближних сел, склоняся на посох свой,
Гласит ему: «Смотри, о сын иноплеменный,
Здесь тлеют праотцов останки драгоценны:
Почти их гроб святой!»

ПЕСНЬ ГАРАЛЬДА СМЕЛОГО

Мы, други, летали по бурным морям,
От родины милой летали далеко!
На суше, на море мы бились жестоко;
И море, и суша покорствуют нам!
О други! как сердце у смелых кипело,
Когда мы, содвинув стеной корабли,
Как птицы неслися станицей веселой
Вкруг пажитей тучных Сиканской земли!..
А дева русская Гаральда презирает.

О други! я младость не праздно провел!
С сынами Дронштейма вы помните сечу?
Как вихорь пред вами я мчался навстречу
Под камни и тучи свистящие стрел.
Напрасно сдвигались народы; мечами
Напрасно о наши стучали щиты:
Как бледные класы под ливнем, упали
И всадник, и пеший... владыка, и ты!..
А дева русская Гаральда презирает.

Нас было лишь трое на легком челне;
А море вздымалось, я помню, горами;
Ночь черная в полдень нависла с громами,
И Гела зияла в соленой волне.
Но волны напрасно, яряся, хлестали:
Я черпал их шлемом, работал веслом:
С Гаральдом, о други, вы страха не знали
И в мирную пристань влетели с челном!
А дева русская Гаральда презирает.

Вы, други, видали меня на коне?
Вы зрели, как рушил секирой твердыни,
Летая на бурном питомце пустыни
Сквозь пепел и вьюгу в пожарном огне?
Железом я ноги мои окрыляя,

И лань упряжжаю по звонкому льду;
Я, хладную влагу рукой рассекая,
Как лебедь отважный по морю иду...
А дева русская Гарольда презирает.

Я в мирных родился полночи снегах;
Но рано отбросил доспехи ловитвы —
Лук грозный и лыжи — и в шумные битвы
Вас, други, с собою умчал на судах.
Не тщетно за славой летали далеко
От милой отчизны по диким морям;
Не тщетно мы бились мечами жестоко:
И море, и суша покорствуют нам!
А дева русская Гарольда презирает.

МЕЧТА

Подруга нежных муз, посланница небес,
Источник сладких дум и сердцу милых слез,
Где ты скрываешься. Мечта, моя богиня?
Где тот счастливый край, та мирная пустыня,
К которым ты стремишь таинственный полет?
Иль дебри любишь ты, сих грозных скал хребет,
Где ветер порывистый и бури шум внимаешь?
Иль в муромских лесах задумчиво блуждаешь,
Когда на западе зари мерцает луч
И хладная луна выходит из-за туч?
Или, влекомая чудесным обаяньем
В места, где дышит все любви очарованьем,
Под тенью яворов ты бродишь по холмам,
Студеной пеною Воклюза орошенным?
Явись, богиня, мне, и с трепетом священным
 Коснуся я струнам,
 Тобой одушевленным!
Явися! ждет тебя задумчивый пиит,
В безмолвии ночном сидящий у лампы;
Явись и дай вкусить сердечныя отрады.
Любимца твоего, любимца Аонид,
 И горечь сладостна бывает:
 Он в горести — *мечтает*.

То вдруг он пренесен во Сельмские леса,
 Где ветер шумит, ревет гроза,
Где тень Оскарова, одетая туманом,
По небу стелется над пенным океаном;
 То с чашей радости в руках
Он с бардами поет: и месяц в облаках,
И Кромлы шумный лес безмолвно им внимает,
И эхо по горам песнь звучну повторяет.
 Или в полночный час
 Он слышит Скальдов глас,
 Прерывистый и томный.

Зрит: юноши безмолвны,
Склоняся на щиты, стоят кругом костров,
Зажженных в поле брани;
И древний царь певцов
Простер на арфу длани.
Могилу указав, где вождь героев спит,
— «Чья тень, чья тень, — гласит
В священном исступленьи, —
Там с девами плывет в туманных облаках?
Се ты, младый Инсель, иноплеменных страх,
Днесь падший на сраженьи!
Мир, мир тебе, герой!
Твоей секирою стальной
Пришельцы гордые разбиты!
Но сам ты пал на грудах тел,
Пал, витязь знаменитый,
Под тучей вражьих стрел!..
Ты пал! И над тобой посланницы небесны,
Валкирии прелестны,
На белых, как снега Биармии, конях,
С золотыми копьями в руках
В безмолвии спустились!
Коснулись до зениц копьем своим, и вновь
Глаза твои открылись!
Течет по жилам кровь
Чистейшего эфира;
И ты, бесплотный дух,
В страны безвестны мира
Летишь стрелой... и вдруг —
Открылись пред тобой те радужны чертоги,
Где уготовали для сонма храбрых боги
Любовь и вечный пир.
При шуме горных вод и тихоструйных лир
Среди полян и свежих сеней,
Ты будешь поражать там скачущих еленей
И златорогих серн».
Склонись на злачный дерн

С дружиною младою,
Там снова с арфой золотою
В восторге Скальд поет
О славе древних лет;
Поет, и храбрых очи,
Как звезды тихой ночи,
Утехою блещут.
Но вечер притекает,
Час неги и прохлад,
Глас Скальда замолкает.
Замолк — и храбрых сонм
Идет в Оденов дом,
Где дочери Веристы,
Власы свои душисты
Раскинув по плечам,
Прелестницы младые,
Всегда полунагие,
На пиршества гостям
Обильны яствы носят
И пить умильно просят
Из чаши сладкий мед.
Так древний Скальд поет,
Лесов и дебрей сын угрюмый:

Он счастлив, погружаясь о счастье в сладки думы!

О сладкая Мечта! О неба дар благой!
Средь дебрей каменных, средь ужасов природы,
Где плещут о скалы Ботнические воды,
В краях изгнанников... я счастлив был тобой.
Я счастлив был, когда в моем уединеньи
Над кущей рыбаля, в час полночи немой,
Раздастся ветров свист и вой
И в кровлю застучит и град, и дождь осенний.
Тогда на крыльях Мечты
Летал я в поднебесной;
Или, забывшись на лоне красоты,

Я сон вкушал прелестной,
И, счастлив наяву, был счастлив и в мечтах!

Волшебница моя! дары твои бесценны
И старцу в лета охлажденны,
С котомкой нищему и узнику в цепях.
Заклепы страшные с замками на дверях.
Соломы жесткий пук, свет бледный пепелища,
Изглоданный сухарь, мышей тюремных пища,
Сосуды глиняны с водой,
Все, все украшено тобой!..

Кто сердцем прав, того ты ввек не покидаешь:
За ним во все страны летаешь
И счастьем даришь любимца своего.
Пусть миром позабыт! что нужды для него?
Но с ним задумчивость в день пасмурный: осенний,
На мирном ложе сна
В уединенной сени
Беседует одна.
О тайных слез неизъяснима сладость!
Что пред тобой сердце холодных радость,
Веселий шум и блеск честей
Тому, кто ничего не ищет под луною,
Тому, кто сопряжен душою
С могилою давно утраченных друзей!

Кто в жизни не любил,
Кто раз не забывался,
Любя, мечтам не предавался,
И счастья в них не находил?
Кто в час глубокой ночи,
Когда невольно сон смыкает томны очи,
Всю сладость не вкусил обманчивой Мечты?
Теперь, любовник, ты
На ложе роскоши, с подругой боязливой,
Ей шепчешь о любви и пламенной рукой
Снимаешь со груди ее покров стыдливой;

Теперь блаженствуешь, и счастлив ты — Мечтой!
 Ночь сладострастия тебе дает призраки,
 И нектаром любви кропит ленивы маки.

Мечтание — душа поэтов и стихов.

И едкость сильная веков
 Не может прелестей лишить Анакреона:
 Любовь еще горит во пламенных мечтах
 Любовницы Фаона;
 А ты, лежащий на цветах
 Меж нимф и сельских граций,
 Певец веселия, Гораций!
 Ты сладостно мечтал,

Мечтал среди пиров и шумных и веселых
 И смерть угрюмую цветами увенчал!
 Как часто в Тибуре, в сих рощах устарелых,
 На скате бархатных лугов,
 В счастливом Тибуре, в твоём уединенье,
 Ты ждал Глицерию, и в сладостном забвенье,
 Томимый негой на ложе из цветов,
 При воскурении мастик благоуханных,
 При пляске нимф венчанных,
 Сплетенных в хоровод,
 При отдаленном шуме
 В лугах журчащих вод,
 Безмолвен в сладкой думе
 Мечтал... и вдруг Мечтой
 Восторжен сладострастной,
 У ног Глицерии стыдливой и прекрасной
 Победу пел любви
 Над юностью беспечной,
 И первый жар в крови,
 И первый вздох сердечной.
 Счастливец! Воспевал
 Цитерские забавы
 И все заботы славы
 Ты ветрам отдавал!

Ужели в истинах печальных
Угрюмых стойков и скучных мудрецов,
Сидящих в платьях погребальных
Между обломков и гробов,
Найдем мы жизни нашей сладость?
От них, я вижу, радость
Летит, как бабочка от терновых кустов,
Для них нет прелести и в прелестях природы;
Им девы не поют, сплетая в хороводы;
Для них, как для слепцов,
Весна без радости и лето без цветов...
Увы! но с юностью исчезнут и мечтанья,
Исчезнут граций лобызанья,
Надежда изменит — и рой крылатых снов.
Увы! там нет уже цветов,
Где тусклый опытность светильник зажигает
И время старости могилу открывает.

Но ты — пребудь верна, живи еще со мной!
Ни свет, ни славы блеск пустой,
Ничто даров твоих для сердца не заменит!
Пусть дорого глупец сует блистанье ценит,
Лобзая прах золотый у мраморных палат.
Но я и счастлив, и богат,
Когда снискал себе свободу и спокойство,
А от сует ушел забвения тропой!
Пусть будет навсегда со мной
Завидное поэтов свойство:
Блаженство находить в убожестве — Мечтой!
Их сердцу малость драгоценна.
Как пчелка медом отягченна,
Летает с травки на цветок,
Считая морем — ручеек;
Сидящих в платьях погребальных
Между обломков и гробов,
Так хижину свою поэт дворцом считает,
И счастлив — он мечтает!

БЕСЕДКА МУЗ

Под тению черемухи млечной
И золотом блистающих акаций
Спешу восстановить олтарь и муз, и граций,
Сопутниц жизни молодой.

Спешу принести цветы, и ульев сот янтарный,
И нежны первенцы полей:
Да будет сладок им сей дар любви моей
И гимн поэта благодарный!

Не злата молит он у жертвенника муз:
Они с фортуною не дружны.

Валерий Брюсов
СТАРЫЙ ВИКИНГ

Он стал на утесе; в лицо ему ветер суровый
Бросал, насмехаясь, колючими брызгами пены.
И вал возносился и рушился, белоголовый,
И море стучало у ног о гранитные стены.

Под ветром уклончивым парус скользил на просторе.
К Винландии внук его правил свой бег непреклонный,
И с каждым мгновеньем меж ними все ширилось море,
А голос морской разносился, как вопль похоронный.

Там, там, за простором воды неисчерпно-обильной,
Где Скрелингов остров, вновь грянут губящие битвы,
Ему же коснеть безопасно под кровлей могильной
Да слушать, как женщины робко лепечут молитвы.

О, горе, кто видел, как дети детей уплывают
В страну, недоступную больше мечу и победам!
Кого и напевы военных рогов не сзывают,
Кто должен мириться со славой, уступленной дедам.

Хочу навсегда быть желанным и сильным для боя,
Чтоб не были тяжки гранитные, косные стены,
Когда уплывает корабль среди шума и воя
И ветер в лицо нам швыряется брызгами пены.

ЦАРЮ СЕВЕРНОГО ПОЛЮСА

(отрывок из поэмы)

Скрылся в налете тумана Скрелинггов остров, земля;
Дрожью святой Океана зыблется дрожь корабля.
Море, и небо, и море — к Северу путь без границ;
Дико звучат на просторе крики чудовищных птиц.
Медленно ходят по воле первые дерзкие льды. —
Викингам любо раздолье, дали холодной воды.

Любит безвестности Эрик, далью захвачен варяг
(Где-нибудь выглянет берег, где-нибудь встретится враг!)
Знает он все побережья, всюду рубиться был рад:
С Русью ходил в Обонежье, плавал по рекам в Царь-град,
Грабил соборы Севильи, видел останки Афин...
Парус, развейся, как крылья! челн, полети, как дельфин!

Аунд, скиталец угрюмый, смотрит на зыби зыбей.
Вольно ширяется дума в волнах, как птица морей.
Истинный викинг ни ночи в хижине дымной не спит,
Истинный викинг не хочет на ночь повесить свой щит;
Пенистый рог не веселье пить среди женщин и дев;
В челнах — всегда новоселье, в волнах — не молкнет напев.

Горм распахнул свою шубу, вновь он доволен судьбой:
Скоро слышит он трубы, трубы, зовущие в бой.
Выйдет старик, как берсеркер, душу потешит в бою...
Дуй, куда вздумаешь, ветер! мчи, куда хочешь, ладьи!
С кем бы ни бой, что за дело! Горм жаждет биться сплеча!
Страшно в жилище у Гелы, жданная смерть — от меча.

К Северу взором прикован, Свен не уйдет от руля.
Зовом мечты зачарован, правит он бег корабля.
Скоро во мраке засветит полночи чара — Звезда;
Свен, весь дрожа, ей ответит, верен он ей навсегда.
Товарищам лучшая доля — битвы и крики врагов,

Но властная воля стремится их в области ночи и льдов.
Затмился налетом тумана Скрелингов остров, земля;
Дрожью святой Океана зыблется дрожь корабля.

Пышны северные зимы, шестимесячные ночи!
Льды застыли, недвижимы, в бахrome из снежных ключий.
Волны дерзкие не встанут, гребни их в снегу затихли,
Ураган морской, обманут, обо льды стучится в вихре.
Чаще царствует молчанье, сон в торжественной пустыне;
Мир без грез, без содроганья, в полутьме немеет, стынет.

Совершая путь урочный, круг вокруг Царицы Ночи,
Звезд девичник непорочный водит пламенные очи.
Им во льдах зеркальных снятся — двойники, земные сестры,
На снегах они дробятся, словно луч цветной и пестрый.
Ослепляя блеском горы, между них в потоке звездном,
Вдурт спадают метеоры, торопясь от бездны к безднам.

Часто, звездный блеск смиряя, расстилаясь, будто знамя,
В небе с края и до края пламя движется столбами.
Нет им грани, очертанья: в смене рдяных освещений
Царь полярного сиянья гонит сумрачные тени,
Создает деревья, травы, высылает птиц чудесных, —
Сам смеется на забавы, — царь в безвестностях небесных.

А когда застонет буря, снег подымет, как тучи;
Брови белые нахмурия. Один ринется могучий.
Дев-валькирий вереницы заторопят черных коней,
Будут крики без границы, будет стук мечей о брони,
Будет скачка, пляска, бубны, будет бой в безумном вое.
Из могил на голос трубный встанут древние герои.

Пышны северные зимы, хороши морозом жгучим!
Дни проходят, словно дымы, дни подобны снежным тучам.
Поспешай на быстрых лыжах, взор вперяя в след олений,
Жди моржей космато-рыжих, бей раскидистых тюленей,

Встреть уверенной острогой хмурых медленных медведей, —
Смейся, смейся над тревогой, в песнях думай о победе!
Пышны северные зимы, образ будущей Валгаллы!
Дни проходят, словно дымы, время вечность оковала.

К ШВЕЦИИ

В этом море кто так щедро
Сев утесов разбросал,
Кто провел проливы в недра
Вековечных скал?

Кто, художник, словом дивным
Возрастил утрюмый бор
По извивам непрерывным
Матовых озер?

Кто в безлунной мгле столетий,
Как в родной и верный дом,
Вел народ на камни эти
Роковым путем?

Кто, под вопли вьюги снежной,
Под упорный зов зыбей,
Сохранил сурово-нежный
Говор древних дней?

В час раздумий, в час мечтаний,
В тихий отдых от забот,
В свете северных сияний,
У мятежных вод,

Кто-то создал эту сказку
Про озера и гранит,
И в дали веков развязку
Вымысла таит!

НА ГРАНИТАХ

Снова долгий тихий вечер.
Снова море, снова скалы.
Снова солнце искры мечет
Над волной роскошно-алой.

И не зная, здесь я, нет ли,
Чем дышу — мечтой иль горем, —
Запад гаснет, пышно-светел,
Над безумно светлым морем.

Им не слышен, — им, бесстрастным, —
Шепот страсти, ропот гнева.
Небо хочет быть прекрасным.
Море хочет быть — как небо!

Волны быстро нижут кольца,
Кольца рдяного заката...
Сердце! сердце! успокойся:
Все — навек, все — без возврата!

ВИСБИ

Старый Висби! старый Висби!
Как твоих руин понятны —
Скорбь о годах, что погибли,
Сны о были невозвратной!

Снится им былая слава,
В море синем город белый,
Многошумный, многоглавый,
Полный смехом, полный делом;

Снится — в гавани просторной
Флот, который в мире славен,
Паруса из Риги, Кельна,
С русских, английских окраин;

Снится звон веселый в праздник,
Звон двенадцати соборов,
Девы — всех цветков нарядней,
Площадь, шумная народом.

Жизнью новой, незнакомой
Не встревожить нам руины!
Им виденья грустной дремы
Сохранили мир старинный.

С ними те же кругозоры,
И все то же море к стенам
Стелет синие уборы
С кружевами белой пены.

К ФИНСКОМУ НАРОДУ

Упорный, упрямый, угрюмый,
Под соснами взросший народ!
Их шум подсказал тебе думы,
Их шум в твоих песнях живет.

Спокойный, суровый, могучий,
Как древний родимый гранит!
Твой дух, словно зимние тучи,
Не громы, но вьюги таит.

Меж камней, то мшистых, то голых,
Взлюбил ты прозрачность озер:
Ты вскормлен в работах тяжелых,
Но кроток и ясен твой взор.

Весь цельный, как камень огромный,
Единою грудью дыша, —
Дорогой жестокой и темной
Ты шел, сквозь века, не спеша;

Но песни свои, как святыни,
Хранил — и певучий язык,
И миру являешь ты ныне
Все тот же, все прежний свой лик.

В нужде и в труде терпеливый, —
Моряк, земледел, дровосек, —
На камнях взлелеял ты нивы,
Вражду одолел своих рек;

С природой борясь, крепкогрудый,
Все трудности встретить готов, —
Воздвиг на гранитах причуды
Суровых своих городов.

И рифмы, и кисти, и струны
Теперь покорились тебе.
Ты, смелый, ты, мощный, ты, юный,
Бросаешь свой вызов судьбе.

Стой твердо, народ непреклонный!
Недаром меж скал ты возрос:
Ты мало ли грудью стесненной
Метелей неистовых снес!

Стой твердо! Кто с гневом природы
Веками бороться умел, —
Тот выживет трудные годы,
Тот выйдет из всякой невзгоды,
Как прежде, и силен и цел!

ИМАТРА

Кипит, шумит. Она — все та же,
Ее не изменился дух!
Гранитам, дремлющим на страже,
Она ревет проклятья вслух.

И, глыбы вод своих бросая
Во глубь, бела и вспенена,
От края камней и до края,
Одно стремление она.

Что здесь? Драконов древних гривы?
Бизонов бешеных стада?
Твой грозный гул, твои извивы
Летят, все те же, сквозь года.

Неукротимость, неизменность,
Желанье сокрушить свой плен
Горят сквозь зыбкую мгновенность
Венчанных радугами пен!

Кипи, шуми, стремись мятежней,
Гуди, седой водоворот,
Дай верить, что я тоже прежний
Стою над распрей прежних вод!

У КРУГЛОГО КАМНЯ

Белея, ночь приникла к яхте,
Легла на сосны пеленой...
Отава, Пейва, Укко, Ахти,
Не ваши ль тени предо мной?

Есть след ноги на камне старом,
Что рядом спит над гладью вод.
Туони! ты лихим ударом
Его отбросил от ворот!

Бывало, в грозные хавтаймы,
Неся гранитные шары,
Сюда, на тихий берег Саймы,
Вы все сходились для игры.

Где ныне косо частоколом
Вдали обведены поля,
Под вашим божеским футболом
Дрожала древняя земля,

И где теперь суровый шкипер
Фарватер ищет между скал,
Когда-то Юмала-голкипер
Лицо от пота омывал.

Былые матчи позабыты,
И вы — лишь тени в белой мгле, —
Но тяжкие мячи — граниты
Лежат в воде и на земле.

НАД СЕВЕРНЫМ МОРЕМ

Над морем, где древние фризы,
Готовя отважный поход,
Пускались в туман серо-сизый
По гребням озлобленных вод, —

Над морем, что, словно гигантский
Титанами вырытый ров,
Отрезало берег британский
От нижнегерманских лугов, —

Бреду я, в томлени счастливом
Неясно-ласкающих дум,
По отмели, вскрытой отливом,
Под смутно-размеренный шум.

Волна набегает, узорно
Извивами чертит песок
И снова отходит покорно,
Горсть раковин бросив у ног;

Летит красноклювая птица,
Глядя на меня без вражды,
И чаек морских вереница
Присела у самой воды;

Вдали, как на старой гравюре,
В тумане уходит из глаз,
Привыкший к просторам и к буре,
Широкий рыбацкий баркас...

Поют океанские струны
Напевы неведомых лет,
И слушают серые дюны
Любовно-суровый привет.

И кажутся сердцу знакомы
И эти напевы тоски,
И пенные эти изломы,
И влажные эти пески,

И этот туман серо-сизый
Над взрытыми далями вод...
Не с вами ли, древние фризы,
Пускался я в дерзкий поход?

ФИНСКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

1

Баю, баюшки, баю,
Спи, дитя, усни, баю.
Баю дитятке пою,
В санки сна его кладу.
Сон, приди, возьми его,
Сон, бери, клади его
В золотые свои санки,
Во серебряные санки!
Посади дитя во санки,
В свои праздничные санки,
Медным полем покати
По свинцовому пути.
Дорогого повези,
Золотого проводи
На серебряную гору,
На вершину золотую,
В златолиственный ивняк,
В златолистый березняк,
Где кукушки золотые,
Где серебряные птицы.

2

Коль пришел бы мой желанный,
Мой знакомый, долгожданный,
За версту пойду навстречу,
Побегу и за две—встречу,
Загородку отворить,
Новый мостик подложить.
Протяну ему я руку,
Хоть бы он держал гадюку,
Зацелую не в черед,
Будь хоть в волчьей крови рот,

Охвачу руками шею,
Хоть бы смерть была за нею,
Да и сяду с ним рядком,
Будь хоть всё в крови кругом!

Галина Галина
НА ДЮНАХ

Иду я с тихой думою
По дюнам золотым,
Где волны песнь утрюмую
Поют камням седым,
Где мох бледно-зелеными
Узорами лежит,
И красными колоннами
Сосновый лес горит.
И севера сурового
Печальные цветы,
Там вереска лилового
Раскинулись кусты.
Люблю я эту странную
Немую красоту,
Как милую, туманную
И грустную мечту!..
И песню я утрюмую
Холодных волн люблю,
И морю с тихой думою
Несу печаль мою...

Николай Гумилев
ПЕСНЯ О ПЕВЦЕ И КОРОЛЕ

Мой замок стоит на утесе крутом
В далеких, туманных горах,
Его я воздвигнул во мраке ночном,
С проклятьем на бледных устах.

В том замке высоком никто не живет,
Лишь я его гордый король,
Да ночью спускается с диких высот
Жестокий, насмешливый тролль.

На дальнем утесе, труслив и смешон,
Он держит коварную речь,
Но чует, что меч для него припасен,
Не знающий жалости меч.

Однажды сидел я в порфире златой,
Горел мой алмазный венец —
И в дверь постучался певец молодой,
Бездомный, бродячий певец.

Для всех, кто отвагой и силой богат,
Отворены двери дворца;
В пурпуровой зале я слушать был рад
Безумные речи певца.

С красивою арфой он стал недвижим,
Он звякнул дрожащей струной,
И дико промчалась по залам моим
Гармония песни больной.

«Я шел один в ночи беззвездной
В горах с уступа на уступ
И увидел над мрачной бездной,
Как мрамор белый, женский труп.
Влачились змеи по уступам,
Угрюмый рос чертополох,
И над красивым женским трупом
Бродил безумный скоморох.

И, смерти дивный сон тревожа,
Он бубен потрясал в руке,
Над миром девственного ложа
Плясал в дурацком колпаке.

Едва звенели колокольца,
Не отдавая в горах,
Дешевые сверкали кольца
На узких, сморщенных руках.

Он хохотал, смешной, беззубый,
Скача по сумрачным холмам,
И прижимал больные губы
К холодным девичьим губам.

И я ушел, унес вопросы,
Смущая ими божество,
Но выше этого утеса
Не видел в мире ничего».

Я долее слушать безумца не мог,
Я поднял сверкающий меч,
Певцу подарил я кровавый цветок
В награду за дерзкую речь.

Цветок зазял на высокой груди,
Красиво горящий багрец...
«Безумный певец, ты мне страшен, уйди».
Но мертвенно бледен певец.

Порвалися струны, протяжно звеня,
Как арфу его я разбил,
За то, что он плакать заставил меня,
Властителя гордых могил.

Как прежде, в туманах не видно луча,
Как прежде, скитается тролль,
Он, бедный, не знает, бояся меча,
Что властный рыдает король.

По-прежнему тих одинокий дворец,
В нем трое, в нем трое всего:
Печальный король, и убитый певец,
И дикая песня его.

НА МОТИВЫ ГРИГА

Кричит победно морская птица
Над вольной зыбью волны фиорда,
К каким пределам она стремится?
О чем ликует она так гордо?

Холодный ветер, седая сага
Так властно смотрят из звонкой песни,
И в лунной грезе морская влага
Еще прозрачней, еще чудесней.

Родятся замки из грезы лунной,
В высоких замках тоскуют девы,
Златые арфы так многострунны
И так маняще звучат напевы.

Но дальше песня меня уносит,
Я всей вселенной увижу звенья,
Мое стремленье иного просит,
Иных жемчужин, иных камней.

Я вижу праздник веселый, шумный,
В густых дубравах ликует эхо,
И ты приходишь мечтой бездумной,
Звеня восторгом, пылая смехом.

А на высотах, столь совершенных,
Где чистых лилий сверкают слезы,
Я вижу страстных среди блаженных,
На горном снеге алеют розы.

И где-то светит мне образ бледный,
Всегда печальный, всегда безмолвный...
...Но только чайка кричит победно
И гордо плещут седые волны.

ОССИАН

По небу бродили свинцовые, тяжкие тучи,
Меж них багровела луна, как смертельная рана.
Зеленого Эрина воин, Кухулин могучий
Упал под мечом короля океана, Сварана.

Зловеще рыдали сивиллы седой заклинанья,
Вспененное море вставало и вновь опадало,
И встретил Сваран исступленный, в грозе ликованья,
Героя героев, владыку пустыни, Фингала.

Схватились и ходят, скользя на росистых утесах,
Друг другу ломая медвежьи упругие спины,
И слушают вести от ветров протяжноголосых
О битве великой в великом испуге равнины.

Когда я устану от ласковых слов и объятий,
Когда я устану от мыслей и дел повседневных,
Я слышу, как воздух трепещет от грозных проклятий,
Я вижу на холме героев суровых и гневных.

ВАРВАРЫ

Когда зарыдала страна под немилостью Божьей
И варвары в город вошли молчаливой толпою,
На площади людной царица поставила ложе,
Суровых врагов ожидала царица нагою.

Трубили герольды. По ветру стремились знамена,
Как листья осенние, прелые, бурые листья.
Роскошные груди восточных шелков и виссона
С краев украшали литые из золота кисти.

Царица была — как пантера суровых безлюдий,
С глазами — провалами темного, дикого счастья.
Под сеткой жемчужной вздымались дрожащие груди,
На смуглых руках и ногах трепетали запястья.

И зов ее мчался, как звоны серебряной лютни:
«Спешите, герои, несущие луки и пращи!
Нигде, никогда не найти вам жены бесприютней,
Чьи жалкие стоны вам будут желанней и слаще.

Спешите, герои, окованы медью и сталью,
Пусть в бедное тело вопьются свирепые гвозди,
И бешенством ваши нальются сердца и печалью
И будут красней виноградных пурпуровых гроздий.

Давно я ждала вас, могучие, грубые люди,
Мечтала, любуясь на зарево ваших становищ.
Идите ж, терзайте для муки расцветшие груди,
Герольд протрубит — не щадите заветных сокровищ».

Серебряный рог, изукрашенный костью слоновьей,
На бронзовом блюде рабы протянули герольду,
Но варвары севера хмурили гордые брови,
Они вспоминали скитанья по снегу и по льду.

Они вспоминали холодное небо и дюны,
В зеленых трущобах веселые щебеты птичьи,
И царственно синие женские взоры... и струны,
Которыми скалды гремели о женском величьи.

Кипела, сверкала народом широкая площадь,
И южное небо раскрыло свой огненный веер,
Но хмурый начальник сдержал опененную лошадь,
С надменной усмешкой войска повернул он на север.

КАПИТАНЫ

I

На полярных морях и на южных,
По изгибам зеленых зыбей,
Меж базальтовых скал и жемчужных
Шелестят паруса кораблей.

Быстрокрылых ведут капитаны —
Открыватели новых земель,
Для кого не страшны ураганы,
Кто изведаль мальстремы и мель.

Чья не пылью затерянных хартий —
Солью моря пропитана грудь,
Кто иглой на разорванной карте
Отмечает свой дерзостный путь

И, взойдя на трепещущий мостик,
Вспоминает покинутый порт,
Отряхая ударами трости
Ключья пены с высоких ботфорт,

Или, бунт на борту обнаружив,
Из-за пояса рвет пистолет,
Так что сыпется золото с кружев,
С розоватых брабантских манжет.

Пусть безумствует море и хлещет,
Гребни волн поднялись в небеса —
Ни один пред грозой не трепещет,
Ни один не свернет паруса.

Разве трусам даны эти руки,
Этот острый, уверенный взгляд,
Что умеет на вражьи фелуки
Неожиданно бросить фрегат,

Меткой пулей, острой железной
Настигать исполинских китов
И приметить в ночи многозвездной
Охранительный свет маяков?

II

Вы все, паладины Зеленого Храма,
Над пасмурным морем следившие румб,
Гонзальво и Кук, Лаперуз и де Гама,
Мечтатель и царь, генуэзец Колумб!

Ганнон Карфагенянин, князь Сенегамбий,
Синдбад-Мореход и могучий Улисс,
О ваших победах гремят в дифирамбе
Седые валы, набегаая на мыс!

А вы, королевские псы, флибустьеры,
Хранившие золото в темном порту,
Скитальцы-арабы, искатели веры
И первые люди на первом плоту!

И все, кто дерзает, кто хочет, кто ищет,
Кому опостытели страны отцов,
Кто дерзко хохочет, насмешливо свищет,
Внимая заветам седых мудрецов!

Как странно, как сладко входить в ваши грезы,
Заветные ваши шептать имена
И вдруг догадаться, какие наркозы
Когда-то рождала для вас глубина!

И кажется: в мире, как прежде, есть страны,
Куда не ступала людская нога,
Где в солнечных рощах живут великаны
И светят в прозрачной воде жемчуга.

С деревьев стекают душистые смолы,
Узорные листья лепечут: «Скорей,
Здесь реют червонного золота пчелы,
Здесь розы краснее, чем пурпур царей!»

И карлики с птицами спорят за гнезда,
И нежен у девушек профиль лица...
Как будто не все пересчитаны звезды,
Как будто наш мир не открыт до конца!

III

Только глянет сквозь утесы
Королевский старый форт,
Как веселы матросы
Поспешат в знакомый порт.

Там, хватив в таверне сидру,
Речь ведет болтливый дед,
Что сразить морскую гидру
Может черный арбалет.

Темнокожие мулатки
И гадают, и поют,
И несетса запах сладкий
От готовящихся блюд.

А в заплеванных тавернах
От заката до утра
Мечут ряд колод неверных
Завитые шулера.

Хорошо по докам порта
И слоняться, и лежать,
И с солдатами из форта
Ночью драки затевать.

Иль у знатных иностранок
Дерзко выклянчить два су,
Продавать им обезьянок
С медным обручем в носу.

А потом бледнеть от злости,
Амулет зажать в полу,
Все проигрывая в кости
На затоптанном полу.

Но смолкает зов дурмана,
Пьяных слов бессвязный лет,
Только рупор капитана
Их к отплытью призовет.

IV

Но в мире есть иные области,
Луной мучительной томимы.
Для высшей силы, высшей доблести
Они навек недостижимы.

Там волны с блесками и всплесками
Непрекращаемого танца,
И там летит скачками резкими
Корабль Летучего Голландца.

Ни риф, ни мель ему не встретятся,
Но, знак печали и несчастий,
Огни святого Эльма светятся,
Усеяв борт его и снасти.

Сам капитан, скользя над бездною,
За шляпу держится рукою.
Окровавленной, но железною
В штурвал вцепляется — другою.

Как смерть, бледны его товарищи,
У всех одна и та же дума.
Так смотрят трупы на пожарище,
Невыразимо и угрюмо.

И если в час прозрачный, утренний
Пловцы в морях его встречали,
Их вечно мучил голос внутренний
Слепым предвестием печали.

Ватаге буйной и воинственной
Так много сложено историй,
Но всех страшней и всех таинственной
Для смелых ценителей моря —

О том, что где-то есть окраина —
Туда, за тропик Козерога! —
Где капитана с ликом Каина
Легла ужасная дорога.

ШВЕЦИЯ

Страна живительной прохлады
Лесов и гор гудящих, где
Всклооченные водопады
Ревут, как будто быть беде;

Для нас священная навеки
Страна, ты помнишь ли, скажи,
Тот день, как из Варягов в Греки
Пошли суровые мужи?

Ответь, ужели так и надо,
Чтоб был, свидетель злых обид,
У золотых ворот Царьграда
Забыв Олегов медный щит?

Чтобы в томительные бреды
Опять поникла, как вчера,
Для славы, силы и победы
Тобой подъятая сестра?

И неужель твой ветер свежий
Вотще нам в уши сладко выл,
К Руси славянской, печенежьей
Вотще твой Рюрик приходил?

НОРВЕЖСКИЕ ГОРЫ

Я ничего не понимаю, горы:
Ваш гимн поет кощунство иль псалом,
И вы, смотрясь в холодные озера,
Молитвой заняты иль колдовством?

Здесь с криками чудовищных глумлений,
Как сатана на огненном коне,
Пер Гюнт летал на бешеном олене
По самой неприступной крутизне.

И, царств земных непризнанный наследник,
Единый побежденный до конца,
Не здесь ли Бранд, суровый проповедник,
Сдвигал лавины именем Творца?

А вечный снег и синяя, как чаша
Сапфирная, сокровищница льда!
Страшна земля, такая же, как наша,
Но не рождающая никогда.

И дивны эти неземные лица,
Чьи кудри — снег, чьи очи — дыры в ад,
С чьих щек, изрытых бурями, струится,
Как борода седая, водопад.

НА СЕВЕРНОМ МОРЕ

О да, мы из расы
Завоевателей древних,
Взносивших над Северным морем
Широкий крашеный парус
И прыгавших с длинных стругов
На плоский берег нормандский —
В пределы старинных княжеств
Пожары вносить и смерть.

Уже не одно столетье
Вот так мы бродим по миру,
Мы бродим и трубим в трубы,
Мы бродим и бьем в барабаны:
— Не нужны ли крепкие руки,
Не нужно ли твердое сердце
И красная кровь не нужна ли
Республике иль королю? —

Эй, мальчик, неси нам
Вина скорее,
Малаги, портвейну,
А главное — виски!
Ну, что там такое:
Подводная лодка,
Плавучая мина?
На это есть моряки!

О да, мы из расы
Завоевателей древних,
Которым вечно скитаться,
Срываться с высоких башен,
Тонуть в седых океанах
И буйной кровью своею
Поить ненасытных пьяниц—
Железо, сталь и свинец.

Но все-таки песни слагают
Поэты на разных наречьях,
И западных, и восточных,
Но все-таки молят монахи
В Мадриде и на Афоне,
Как свечи горя перед Богом,
Но все-таки женщины грезят —
О нас, и только о нас.

СТОКГОЛЬМ

Зачем он мне снился, смятенный, нестройный,
Рожденный из глубины не наших времен,
Тот сон о Стокгольме, такой беспокойный,
Такой уж почти и не радостный сон...

Быть может, был праздник, не знаю наверно,
Но только все колокол, колокол звал;
Как мощный орган, потрясенный безмерно,
Весь город молился, гудел, грохотал.

Стоял на горе я, как будто народу
О чем-то хотел проповедовать я,
И видел прозрачную тихую воду,
Окрестные рощи, леса и поля.

«О Боже, — вскричал я в тревоге, — что, если
Страна эта истинно родина мне?
Не здесь ли любил я и умер не здесь ли,
В зеленой и солнечной этой стране?»

И понял, что я заблудился навеки
В слепых переходах пространств и времен,
А где-то струятся родимые реки,
К которым мне путь навсегда запрещен.

ОЛЬГА

Эльга, Эльга! — звучало над полями,
Где ломали друг другу крестцы
С голубыми, свирепыми глазами
И жилистыми руками молодцы.

Ольга, Ольга! — вопили древляне
С волосами желтыми, как мед,
Выцарапывая в раскаленной бане
Окровавленными ногтями ход.

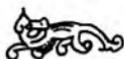
И за дальними морями чужими
Не уставала звенеть,
То же звонкое вызванивая имя,
Варяжская сталь в византийскую медь.

Все забыл я, что помнил ране,
Христианские имена,
И твое лишь имя, Ольга, для моей гортани
Слаще самого старого вина.

Год за годом все неизбежней
Запевают в крови века,
Опьянен я тяжестью прежней
Скандинавского костяка.

Древних ратей воин отсталый,
К этой жизни затая вражду,
Сумасшедших сводов Валгаллы,
Славных битв и пиров я жду.

Вижу череп с брагой хмельною,
Бычьи розовые хребты,
И валькирией надо мною,
Ольга, Ольга, кружишь ты.

Зачарованный викинг, я шел по земле,
Я в душе согласил жизнь потока и скал,
Я скрывался во мгле на моем корабле,
Ничего не просил, ничего не желал.

В ярком солнечном свете — надменный павлин,
В час ненастья — внезапно свирепый орел,
Я в тревоге пучин встретил остров ундин,
Я летучее счастье, блуждая, нашел.

Да, я знал, оно жило и пело давно,
В дикой буре его сохранилась печать,
И смеялось оно, опускаясь на дно,
Поднимаясь к лазури, смеялось опять.

Изумрудьем покрыло земные пути,
Зажигало лиловьем морскую волну...
Я не смел подойти и не мог отойти
И не в силах был словом порвать тишину.

Василий Жуковский

ГАРАЛЬД

Перед дружиной на коне
Гаральд, боец седой,
При свете полныя луны,
Въезжает в лес густой.

Отбиты вражьи знамена,
И веют и шумят,
И гулом песней боевых
Кругом холмы гудят.

Но что порхает по кустам?
Что зыблется в листьях?
Что налетает с вышины
И плещется в волнах?

Что так ласкает, так манит?
Что нежною рукой
Снимает меч, с коня влечет
И тянет за собой?

То феи... в легкий хоровод —
Слетелись при луне.
Спасенья нет; уж все бойцы
В волшебной стороне.

Лишь он, бесстрашный вождь Гаральд,
Один не побежден:
В нетленный с ног до головы
Булат закован он.

Пропали спутники его;
Там брошен меч, там щит,
Там ржет осиротелый конь
И дико в лес бежит.
И едет, сумрачно-уныл,
Гаральд, боец седой,
При свете полная луны
Один сквозь лес густой.

Но вот шумит, журчит ручей —
Гаральд с коня прыгнул,
И снял он шлем и влаги им
Студеной зачерпнул.

Но только жажду утолил,
Вдруг обессилел он;
На камень сел, поник головой
И погрузился в сон.

И веки на утесе том,
Главу склоня, он спит:
Седые кудри, борода;
У ног копьё и щит.

Когда ж гроза, и молний блеск,
И лес ревет густой, —
Сквозь сон хватается за меч
Гаральд, боец седой.

ТРИ ПЕСНИ

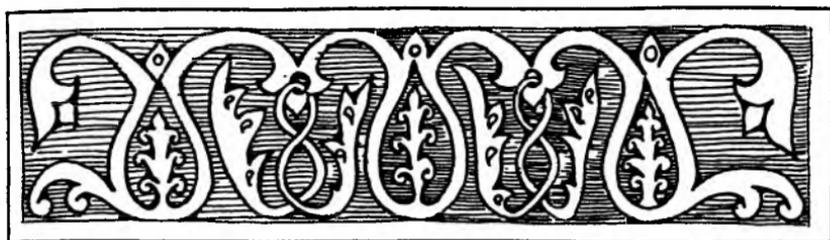
«Споет ли мне песню веселую скальд?»—
Спросил, озираясь, могучий Освальд.
И скальд выступает на царскую речь.
Под мышкою арфа, на поясе меч.

«Три песни я знаю: в одной старина!
Тобою, могучий, забыта она;
Ты сам ее в лесе дремучем сложил;
Та песня: *отца моего ты убил.*

Есть песня другая: ужасна она;
И мною под бурей ночной сложена;
Пою ее ранней и поздней порой;
И песня та: *бейся, убийца, со мной!*»

Он в сторону арфу, и меч наголо;
И бешенство грозные лица зажгло;
Запрыгали искры по звонким мечам—
И рухнул Освальд — голова пополам.

«Раздайся ж, последняя песня моя;
Ту песню и утром и вечером я
Греметь не устану пред девой любви;
Та песня: *убийца повержен в крови.*»

Михаил Лермонтов
ЖЕНА СЕВЕРА

Покрыта таинств легкой сеткой,
Меж скал полуночной страны
Она являлася нередко
В года волшебной старины.
И финна дикие сыны
Ей храмины сооружали,
Как грозной дочери богов,
И скальды северных лесов
Ей вдохновенье посвящали.
Кто зрел ее, тот умирал.
И слух в угрюмой полуночи
Бродил, что будто как металл
Язвили голубые очи.
И только скальды лишь могли
Смотреть на деву издали.
Они платили песнопеньем
За пламенный восторга час,
И, пробужден немим виденьем,
Был строен их невнятный глас!..

Аполлон Майков
НА БЕРЕГАХ НОРМАНДИИ

Больное, тихое дитя
Сидит на берегу, следя
Большими, умными глазами
За золотыми облаками...

Вкруг берег пуст — скала, песок...
Тростник, накиданный волною,
В поморье тянется каймою...
И так покой кругом глубок,

Так тих ребенок, что садится
Вблизи его на тростнике,
Играя, птичка; на песке
По мели рыбка серебрится...

К ним взор порою обратя,
Так улыбается дитя,
Глядит на них с таким участием
И так сияет кротким счастьем,

Что если, бедный, промелькнет
Он на земле, как гость залетный,
И скоро в небе в сонм бесплотный
Господних ангелов войдет,

То там, меж них вспоминая
Свой берег, дикий и пустой,
«Прекрасна, — скажет, — жизнь земная!
Богат и весел край земной!»

О вечно ропщущий, угрюмый Океан!
С богами вечными когда-то в гордом споре
Цепями вечными окованный титан
И древнее свое один несущий горе!
Ты успокоился... надолго ли?.. О, миг —
И, грозный, вдруг опять подымется старик,
И, злобствуя на все — на солнце золотое,
На песни nereид, на звездный тихий свет,
На счастье, каким исполнился поэт,
Обретший свой покой в его святом покое, —
Ударит по волнам, кляня суровый рок
И грозно требуя в неистовой гордыне,
Чтобы не смел глядеть ни человек, ни бог,
Как горе он свое несет в своей пустыне...

ВАЛКИРИИ

Высоко, безмолвно
Над полем кровавым
Сияет луна;

Весь берег — далеко
Оружьем и храбрых
Телами покрыт!

Герои! Им слава
И в людях, и в небе
Почет у богов!

Вон — тень пролетает
По долам, по скалам,
На блеске морском:

То, светлые, мчатся
Валкирии-девы
С эфирных высот!

Одежд их уж слышен
И крыл лебединых
По воздуху свист,

Доспехов бряцанье,
Мечей ударенье
По звонким щитам,

И радостный оклик,
И бурные песни
Неистовых дев:

«В Валгаллу! В Валгаллу!
Один-Вседержитель
Уж пир зачинал!

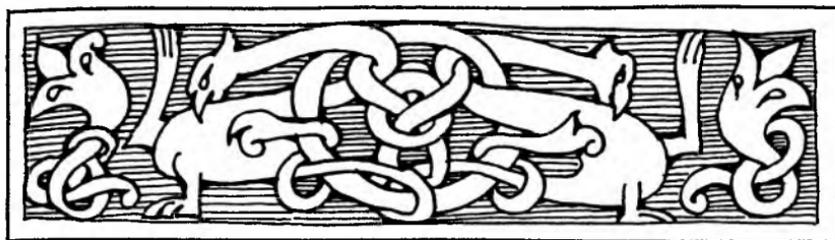
От струнного звона,
От трубного звука
Чертоги дрожат!

И светочи жарко
Горят смоляные,
И пенится мед, —

В Валгаллу, герои!
Там вечная юность —
Ваш светлый удел,

Воздушные кони,
Одежды цветные,
Мечи и щиты,

Рабыни и жены,
И в пире с богами
Места на скамьях!»

Игорь Северянин
РИФМОДИССО

Вдали, в долине, играют Грига.
В игранье Грига такая нега.
Вуалит негой фиордов сага.
Мир хочет мира, мир ищет бога.
О, сталь поляра! О, рыхлость юга!

Пук белых молний взметнула вьюга,
Со снежным полем слилась дорога.
Я слышу поступь мороза-мага;
Он весь из вьюги, он весь из снега.
В мотивах Грига — бессмертье мига.

НОРВЕЖСКИЕ ФИОРДЫ

Я — северянин, и фиорды
Норвежские — моя мечта,
Где мудро, просто, но и гордо
Живет Царица Красота.

Лилово-стальные заливы
В подковах озерносных гор;
В них зорь полярных переливы.
Меж сосен белой розы взор.

И синеглазые газели,
Чьи игры созерцает лось,
Устраивают карусели,
Где с серым синее слилось...

Там тишина невозмутима,
И только гордый орлий клич
Ласкает ухо пилигрима,
Способного его постичь...

ГРИГ

Тяжелой поступью подходят гномы.
Все ближе. Здесь. Вот затихает топ
В причудливых узорах дальних троп
Лесов в горах, куда мечты влекомы.

Студеные в фиордах водоемы.
Глядят цветы глазами антилоп.
Чьи слезы капают ко мне на лоб?
Не знаю чьи, но как они знакомы!

Прозрачно капли отбивают дробь.
В них серебристо-радостная скорбь.
А капли прядают и замерзают.

Сверкает в ледяных сосульках звук.
Сосулька сверху падает на луг.
Меж пальцев пастуха певуче тает.

Владимир Соловьев
ПО ДОРОГЕ В УПСАЛУ

Где ни взглянешь, — всюду камни,
Только камни да сосна...
Отчего же так близка мне
Эта бедная страна?

Здесь с природой в вечном споре
Человека дух растет
И с бушующего моря
Небесам свой вызов шлет.

И среди смутных очертаний
Этих каменных высот
В блеске северных сияний
К царству духов виден вход.

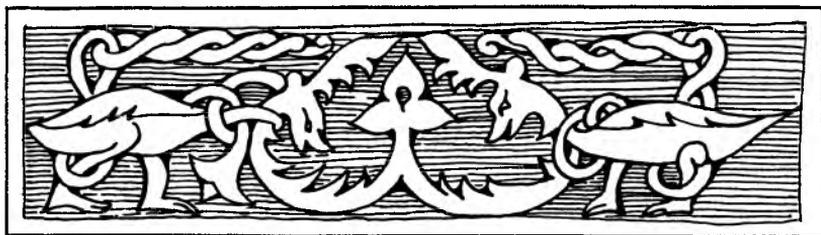
Знать, не даром из Кашмира
И с полуденных морей
В этот край с начала мира
Шли толпы богатырей.

НА САЙМЕ ЗИМОЙ

Вся ты закуталась шубой пушистой,
В сне безмятежном, затихнув, лежишь.
Веет не смертью здесь воздух лучистый,
Эта прозрачная, белая тишь.

В невозмутимом покое глубококом,
Нет, не напрасно тебя я искал.
Образ твой тот же пред внутренним оком,
Фея — владычица сосен и скал!

Ты непорочна, как снег за горами,
Ты многодумна, как зимняя ночь,
Вся ты в лучах, как полярное пламя,
Темного хаоса светлая дочь!

Федор Тютчев
ПЕСНЬ СКАНДИНАВСКИХ ВОИНОВ
(Из Гердера)

Хладен, светел,
День проснулся —
Ранний петел
Встрепенулся, —

Дружина, воспрянь!
Вставайте, о други!
Бодрей, бодрей
На пир мечей,
На брань!..

Пред нами наш вождь!
Мужайтесь, о други,
И вслед за могучим
Ударим грозой!..
Вихрем помчимся
Сквозь тучи и гром
К солнцу победы
Вслед за орлом!...

Где битва мрачнее, воители чаще,
Где срослися щиты, где сплелися мечи,
Туда он ударит — перун вседробящий —
И след огнезвездный и кровью горящий

Прорвет дружине в железной ночи.
За ним, за ним — в ряды врагов,
Смелей, друзья, за ним!..
Как груды скал, как море льдов —
Прорвем их и стесним!..

Хладен, светел,
День проснулся —
Ранний петел
Встрепенулся, —
Дружина, воспрянь!..

Не кубок кипящий душистого меда
Румяное утро героям вручит;
Не сладостных жен любовь и беседа
Вам душу согреет и жизнь оживит;
Но вас, обновленных прохладой сна, —
Кровавые битвы подымет волна!..
Дружина, воспрянь!..
Смерть иль победа!..
На брань!..

СОН НА МОРЕ

И море и буря качали наш челн;
Я, сонный, был предан всей прихоти волн.
Две беспредельности были во мне,
И мной своевольно играли оне.
Вкруг меня, как кимвалы, звучали скалы,
Окликались ветры и пели валы.
Я в хаосе звуков лежал оглушен,
Но над хаосом звуков носился мой сон.
Болезненно-яркий, волшебнo-немой,
Он веял легко над гремящею тьмой.
В лучах огневицы развил он свой мир —
Земля зеленела, светился эфир,
Сады-лабиринты, чертоги, столпы,
И сонмы кипели безмолвной толпы.
Я много узнал мне неведомых лиц,
Зрел тварей волшебных, таинственных птиц,
По высям творенья, как бог, я шагал,
И мир подо мною недвижим сиял.
Но все грезы насквозь, как волшебника вой,
Мне слышался грохот пучины морской,
И в тихую область видений и снов
Врывалася пена ревущих валов.

АРФА СКАЛЬДА

О арфа скальда! Долго ты спала
В тени, в пыли забытого угла;
Но лишь луны, очаровавшей мглу,
Лазурный свет блеснул в твоём углу,
Вдруг чудный звон затрепетал в струне,
Как бред души, встревоженной во сне.

Какой он жизнью на тебя дохнул?
Иль старину тебе он вспомянул —
Как по ночам здесь сладострастных дев
Давно минувший вторился напев,
Иль в сих цветущих и поднесь садах
Их легких ног скользил незримый шаг?

КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ (Из Гейне)

Надежда и любовь — все, все погибло!..
И сам я, бледный, обнаженный труп,
Изверженный сердитым морем,
Лежу на берегу,
На диком, голом берегу!..
Передо мной — пустыня водяная,
За мной лежат и горе и беда,
А надо мной бредут лениво тучи,
Уродливые дщери неба!
Они в туманные сосуды
Морскую черпают волну,
И с ношей вдаль, усталые, влекутся,
И снова выливают в море!..
Нерадостный и бесконечный труд!
И суетный, как жизнь моя!..

Волна шумит, морская птица стонет!
Минувшее повеяло мне в душу —
Былые сны, потухшие виденья
Мнительно-отрадные встают!

Живет на севере жена!
Прелестный образ, царственно-прекрасный!
Ее, как пальма, стройный стан
Обхвачен белой сладострастной тканью;
Кудрей роскошных темная волна,
Как ночь богов блаженных, льется
С увенчанной косами головы
И в легких кольцах тихо веет
Вкруг бледного, умильного лица,
И из умильно-бледного лица
Отверсто-пламенное око
Как черное сияет солнце!..

О черно-пламенное солнце,
О, сколько, сколько раз в лучах твоих
Я пил восторга дикий пламень,

И пил, и млея, и трепетал, —
И с кротостью небесно-голубиной
Твои уста улыбка обвевала,
И гордо-милые уста
Дышали тихими, как лунный свет, речами
И сладкими, как запах роз...
И дух во мне, оживши, воскрылялся
И к солнцу, как орел, парил!..

Молчите, птицы, не шумите, волны,
Все, все погибло — счастье и надежда,
Надежда и любовь!.. Я здесь один, —
На дикий брег заброшенный грозой,
Лежу простерт — и рдеющим лицом
Сырой песок морской пучины рою!

АПОЛЛОН МАЙКОВ

Бальдур

*Песнь о солнце,
по сказаниям
Старшей Эдды*

1

Ночь и буря снежная в пустыне,
Вьюги рев неистовый и хохот...
Лишь на миг проглянет бледный месяц
И осветит мутным светом камни,
Между камней вековые ели,
И мелькнет, как тень, на горном гребне
Темный образ всадника... То Конунг,
На пути застигнут бурей, едет.
Ветер треплет волосы седые,
Рвет с могучих плеч медвежью шубу, —
Конунг бури яростной не слышит.
Добрый конь идет не оступаясь
По корням древесным и по камням,
Для него привычен путь пустынный:
Там в горах живет маститый старец,
А к нему не только люди — боги,
В виде смертных странствуя по свету,
На совет заходят и беседу.

Мрачны своды в темном подземельи.
По изломам их идет далёко
С очага колеблющийся отблеск.

Вещий старец и великий Конунг
У огня сидят в глубокой думе.
Тень от них едва дрожит на сводах.

Сын погиб у Конунга — последний
Из троих, и с ним погас могучий
Гальфов род, исшедший от Одина.
Девять дней среди пустых чертогов
Взаперти сидел великий Конунг.
Наконец коня спросил и молча
В горы к старцу вещему поехал;
Издали за ним следили слуги.

Пышет пламя всё светлей и выше,
Но сидит, потупив очи, Конунг:
И теперь, и дома, и как ехал,
У него повсюду, неотступно,
Атли труп безмолвный пред очами.

Вдруг возник — как бы сходящий с неба —
Луч пред ним и тихо проплывает,
А в луче ряд Конунгов брадатых.
Наверху, далёко — некто светлый.
Ниже — лица Конунгу знакомы:
Прадед, дед, отец; последний — сам он,
А за ним уж луч как бы обрезан.
Сдвинулись его густые брови...
Но виденье проплыло и скрылось;
Понемногу снова пред глазами
Атли труп безмолвный выступает...

Вот из тьмы опять выходит словно
Поле битвы. Ветер гонит тучи.
Между туч просвечивает месяц.
Девы битв, Валкирии, возводят
Падших в небо: Конунгов меж ними
Средний сын. Видение сокрылось...

Тьма опять кругом; перед глазами
Снова труп безмолвный выступает—
Но не Робберт, а всё тот же Атли.

Вот из тьмы плывет блестящий город.
Корабли причаливают с моря.
Приступ. Люди на стенах, сам Конунг,
Вдруг в глазах его валится мертвый
Старший сын... И всё опять умчалось.
Снова тьма кругом; перед глазами
Труп опять безмолвный выступает —
Но не Вилли, а всё тот же Атли.

Бурный мыс — скалистый дикий берег.
Сонм проклятых душ — убийц и татей,
Бедняков озлобленные души —
Вылетают вдруг из-за ущелий,
Корабли разбрасывают, топят;
Вот сам Конунг — держится за мачту...
Вдруг волна. Корабль захлестнут. Конунг
Борется среди пенящейся бездны, —
А вверху, над ним простерший руки,
Необъятный, во всё небо, образ,
Но лица, как на тени, не видно...
Проплыло видение и скрылось,
Выступает снова тело Атли —
Но над ним остановился, образ
Необъятный, без лица и темный,
И схватить руками тело хочет...

В этот миг заговорил вдруг вещей:
«Боги — в небе, в мире — человеки,
В темном аде — яростная Гелла;
Надо всем — Судьба, лица которой
Не видал никто во всей вселенной.
Как слепцы, мы бродим в этом мире;
Жребий всем дается при рождении,

И его не только люди — боги
Изменить не властны».
Головою
Покачал, не отвечая, Конунг.

Уж огонь на очаге слабеет,
И горой лежит горячий уголь,
Словно дышит золото живое.
И еще длиннее и темнее
От сидящих протянулись тени.

«Сын был у Одина Бальдур, — снова
Молвил вещий старец. — Тщетно боги,
Тщетно вся вселенная стенала:
Жертву смерть не отдала; и боги
Сами ждут судьбы своей покорно».

Поднял Конунг против воли очи.
«Я тебе о Бальдуре, о Конунг,
Расскажу». И — словно мирозданья
Глубина пред ним открылась — вещий
Устремил в пространство взор и начал:

2

«Мрак был в мире. Вдруг орлы вскричали,
С гор небесных пролилися воды,
Грянул гром, и свет в пространство брызнул:
Народился Бальдур златокудрий!
Народился и помчался в небе,
Сыпля стрелы в недругов бегущих,
Юный, светлый, в панцире и шлеме,
В колеснице с белыми конями.
Клик и пеньё в воздухе раздались,
Восклицали все народы: слава!
Восклицали боги в небе: слава!

Слава свету родшемуся, слава!
Слава родшим — Фригге и Одину!

Так потом — на Бальдуrowой свадьбе —
Вдохновитель песен, светлый Брагги,
Пел ему с заздравным кубком славу.
Да! тогда божественный не думал,
Что придется скоро песнь иную
Спеть ему на Бальдуrowой тризне...
Уж в тот миг, как он родился, Фригга
Слышит — ворон ворону прокаркал:
«Чую, чую, родился Бальдур,
Радость в небе, да и пир у Геллы».
У подножья мирового дуба*,
У ключа медвяного, так норны
В то же время предрекли Одину:
Век недолгий Бальдуру назначен;
Он умрет — всё в мире пошатнется,
И настанет общее крушение.
Вдруг струя медвяная иссякнет,
От которой с каждою зарею
Боги пьют и почерпают силу,
Блеск и юность вечную, и крепость,
И они внезапно поседеют,
А на древе жизни свянут листья.
Все враги, которых лишь сковавши,
Боги мир создать могли, восстанут.
Лютый змей, на дно морское ими
Вкрут земли поверженный в оковах,
Встрепенется, пламенем и смрадом
Небеса наполнит, потрясая
И земли и неба твердь, а воды
От его ударов расплеснутся
И с земли, кроме гор, всё смоют.

* В древнескандинавской мифологии Мировым древом является не дуб, а ясень (прим. редактора).

Волк Фенрир, которому насилу
Увязали боги пасть, — он путы
Разорвет и челюсти раскроет,
А когда раскроет, то коснется
До земли одной, другой до неба, —
А уж он одним лдяным дыханьем
Убивает всё, что встретит. Солнце
И луну проглотит он, и боги —
Кто пойдет с ним в бой, окаменеет;
Светлый Азград рушится, и смертный
Мрак и хлад вселенную постигнет.

Вот что норны мрачные сказали
При рожденьи Бальдура Одину,
Отчего у миродержца разом
На челе тогда ж запечатлелись
Две бразды, да так уж и остались.
Все с тех пор творения и боги
Устремили к Бальдуру лишь очи,
И когда задумчивый он выйдет
Иль совсем не явится на небо —
По вселенной трепет и смятенье.

3

Но о смерти и не думал Бальдур;
Не давал мечу в ножнах заржаветь,
Сыпал щедро золотые стрелы,
Избавляя страны и народы
От чудовищ, населявших землю.
Неудачу только раз он встретил:

Выезжал он мир смотреть, и видит —
Чудные на севере чертоги.
К золотым вратам подходит дева,
Подымает руку, чтоб щеколду

Отодвинуть, а от рук внезапно
Воздух, воды и весь мир чудесным
Озарились светом, а на землю
Вдруг цветы посыпались и жемчуг.
Удержал коней невольно Бальдур.
На него через плечо взглянувши,
Дева словно замерла. Вдруг слышен
Точно зверя рев: бежит косматый
Великан — и закричал, затопал,
Стал грозить на Бальдура, а деву
Вмиг жезлом серебряным ударил,
И она, как мертвая, упала.
На плечо ее косматый вскинул
И ушел с ней в горы, там и скрылся;
Бальдур отыскать не мог и следу,
Как ни бился. Наконец ударил
Но коням и прискакал в Валгаллу.
Пышет гневом, шлем и панцирь сбросил,
Заперся в свой терем, повторяя,
Что ему лишь умереть осталось.

Всполошились боги и послали
Собирать со всей вселенной вести.
И вернулись вестники, сказали:
Великан тот — чародей великий,
Побежден был некогда Одним
И ушел на север; там построил
Изо льдов дворец себе чудесный
И сидит там, дожидаясь часа.
Дева — дочь его. Ей имя Наина.
И, жезлом ее ударив, старый
Не убил, а в сон поверг глубокий,
И в горах на самую крутую
Положил, ту гору вплоть до неба
Окружив живым огнем, как тыном.

Друг за другом полетели боги
И пытались проскочить сквозь пламя —
Но напрасно! Пламя так и вое!
То сробеет конь, а то и всадник.
Слышит Бальдур: вдруг поднялся с ложа,
Панцирь, шлем, и — на коня! И только
Боги в страхе видели, как пламя
Взволновалось и за ним закрылось.
Он прорвался.
А прорвавшись, Бальдур
Видит — терем; входит — ряд покоев.
Тишина глубокая. Из окон
Полосами падая, играет
На столбах хрустальных красный отблеск.
Вот в последнем наконец покое
Видит он: в тяжелой броне, в шлеме,
Спит его красавица. Тихонько
Снял он шлем — рассыпались кудри;
Распорол мечом ремни на броне —
И открылась грудь девичья; вскрикнул —
Тихо очи спящая открыла...
И чрез миг уж с нею мчался Бальдур,
И встречали радостно их боги.
Пир венчальный закипел на славу:
Из Валгаллы раздавались громы,
Дождь золотой блистая падал с неба,
Молодая сыпала на землю
Полной горстью и цветы, и жемчуг.

Вот с тех пор и началось то время,
Что потом все золотым назвали, —
Всюду жертвы Бальдуру дымились,
Всюду песни в честь его гремели.
Боги стали даже прорицанье
Забывать — как вдруг оно восстало
В полноте ужасной перед ними.

Утром — раз сошлись они на завтрак —
Вдруг вбегает Наина и, в колени
Бросясь к Фригге, вся в слезах, вскричала:
«Скоро Бальдур наш умрет». Вскочили
Боги с мест, едва не расплеснувши
Мед из чаш своих. «Ему приснилось, —
Говорила Наина, — что в глубокой
Он сидит темнице; рвется, рвется
И никак уж вырваться не может.
Хочет крикнуть — крику нет... и начал
Задышаться... и еще рванулся —
И глаза открыл. Вскочил. На ложе
Весь в поту сидит... Всё это — к смерти!»
Побежать хотела Фригга к сыну,
Но Один ей повелел остаться,
На богов кругом сурово глянул,
Сделал знак невестке и с ней вместе
Вышел в спальню к Бальдуру. Шептаться
Стали боги, знаками являя,
Что недобрый это сон. Вернулся
Царь Один и сел на троне, молча
И чело нахмуря. Фригга, Герда,
На него взглянувши, испустили
Вопль, такой пронзительный и сильный,
Что на полках зазвенели чаши.
Вслед за ними — кто вопить и плакать,
Кто кричать, чтобы унять тревогу,
Кто молить — но уж никто не слушал, —
Спор и крик, каких и не бывало,
Поднялся в обители блаженных.

Но между богами только Локки
Не упал один, казалось, духом.
Брат Одину, красотой с ним сходный,
Гордо он держал себя с богами,
Помнил все их промахи и рад был
Иногда в их мед влить каплю яду.

Вечно с новой выдумкой, он часто
И вводил их в тяжкие напасти,
И спасал порой от бед великих.
Между тем как вдруг его кричали,
Он, глазами упершись в землю
И поднявши плечи, начал — точно
Сам с собою — говорить; лишь после,
Увидав, что начинают слушать
И смолкать, к нему тесняся, боги,
Постепенно возвышал свой голос
И с обычным говорил искусством.
Он сказал, что, может быть, напрасны
Все тревоги. Не всегда правдивы
Сны бывают. Иногда напротив:
Страшный сон провозвещает радость.
Прорицаньям тоже он не очень
Доверяет: «Вещие те жены
Уж давно покоятся в могилах,
А из слов их не сбылось доселе
Ничего. Да и откуда может,
В самом деле, быть для нас опасность?
Те враги, которых мы когда-то
Заковали в цепи, — те не могут
Двинуться, пока жив будет Бальдур;
Стало быть, беда придет от твари
Иль от нас, богов. Но боги — кто же
На себя подымет руку? Твари —
А от тварей взять бы можно клятву,
Чтоб хранили, как зеницу ока,
Дорогого Бальдура, не смели б
Повредить ему никак, ни ранить,
Ни язвить, ни напускать болезни.
От огня, воды, от руд и камней,
От ехидн и змеев, зелий, ядов,
От дерев и трав, от всех взять клятву,
И дадут все, рады будут. Бальдур
Всем им мил. Тогда чего ж бояться?»

Осторожны были боги с Локки,
Но при этой речи, видя ясно,
Что коварства нет в ней никакого,
Стали духом веселеть. И вправду,
Рассудить нельзя б, казалось, лучше!
Локки сам доволен был, высоко
Тотчас поднял голову; а боги
Повторяли дружно: «Ай да Локки!»
И решили тотчас же исполнить,
Что сказал он, и самой же Фригге
В мир пуститься за всеобщей клятвой.

Фригга, вздев пернатую сорочку,
Обернулась лебедью и тотчас
В мир стрелой помчалась из Валгаллы.

5

Но Один, отец и мироздатель,
Из собранья, с золотого трона,
Поднялся, не просветлевши ликом.
Оседлал коня он и поехал
В темный ад. Там, близ чертогов Геллы,
Был курган из диких камней сложен;
Под курганом тем была могила,
А в могиле этой схоронили
Валу, ту из вещей жен, что много
Мудростью и даром прорицанья
Помогла Одину в оно время.
С ней теперь он пожелал беседы
И из тьмы ее решился вызвать.

Загремело и загрохотало
Вдруг по темным адским подземельям,
Как влетел в него огнедышащий
И скакал по камням конь Одинов.
Адский пес с разинутою пастью,

Грудь и шея облитые кровью,
Ринулся схватить его за горло —
Но тотчас же, сшибленный копытом,
С громким визгом покатился наземь.
У могилы бог остановился
И, с коня спрыгнув, немедля начал
Вызывать покойницу из гроба:
Спел сперва, какую надо, песню
И сказал слова; потом ударил
По земле жезлом, на север глядя,
И, трикраты громко крикнув: «Вала!» —
Повелел восстать ей из могилы.

Из могилы поднялася Вала.

И о том, что ими говорилось,
Так в старинных сказывают песнях.

В а л а

Кто дерзнул мой вечный сон нарушить?
Много лет в земле сырой лежу я.
Надо мною бушевали вьюги,
Дождь мочил, роса меня кропила.
Я мертва была. Кто ты? Что надо?

Кто он — скрыть хотелось Одину,
Он назвался смертным человеком.

О д и н

Смертный я — и странствую по свету.
Я — свет белый, ты — мир темный знаешь.
Для кого ж, о вещая из вещей,
Расскажи, у вас в подземном царстве
И скамью, и ложе золотое,
Кольцами украшенные, ставят?

В а л а

В чаше мед кипит, щитом покрытый, —
Бальдур будет пить. Скамья и ложе
Для него ж. Но прекрати расспросы,
Страшные ты спрашиваешь тайны.
Поневоле говорю я. Будет!

О д и н

Погоди, скажи еще мне, Вала!
Знать еще хочу я: кто из смертных,
Кто лишит наследника Одина?
От кого погибнет светлый Бальдур?

В а л а

Годр слепой — не смертный. Он откроет
К адской Гелле светлomu дорогу.
Страшные ты спрашиваешь тайны.
Поневоле говорю я. Будет!

О д и н

Погоди, скажи еще мне, Вала,
Я желаю знать: неотомщенным
Бальдур быть не может. Мстить кто будет?

В а л а

У Одина будет сын от Ринды.
Он волос чесать, мыть рук не будет,
Не ответив виновному. Довольно.
Поневоле говорю я. Будет!

О д и н

Погоди, еще скажи мне, Вала!
Я еще желаю знать: как имя
Той жены, что не захочет плакать,
Как по Бальдуру все плакать будут,
И покрыва с головы не снимет?
Прежде чем заснуть опять — скажи мне.

В а л а

Ты всё знаешь сам, давно я вижу,
Но желал бы лучше ошибиться,
Чем всё знать. Один, отец вселенной!
Удались, — и можешь похвалиться,
Что меня не вызовет из мрака
С сей поры уже никто — до часа,
Как придет всемирное крушенье.

И в могилу опустилась Вала.
Ускакал Один еще мрачнее.

Так в старинных говорится песнях.

6

Фригга, взяв от всех творений клятву,
Чтоб не ранить Бальдура ни в сердце,
Ни в сырую кость, ни в ясны очи,
Ни во все живое бело тело,
Чтоб хранить его от всякой боли,
Всякой скорби, всяческой напасти,
Воротилась в Азград, и все боги
Были рады, высыпали на луг —
С Бальдуrom играть и забавляться.

Все кругом красавца обступили
И давай метать в него — кто стрелы,
Кто камня, с копьями, с мечами
Нападали на него с разбегу;
Но камня, стрелы мчались мимо,
Копья и мечи по нем скользили,
И стоял в кругу неуязвимый
И еще светлей, чем прежде, Бальдур;
Боги шумно радовались, глядя;
У богинь вокруг счастливой Фригги,
Издали следившей за игрою,
Был и смех, и говор; только Наина
Не могла смеяться и сидела,
Точно лань пугливая, тревожно
Провожая взором каждый камень
И стрелу, что в Бальдура летели.
Отовсюду восхваленья Локки
Раздавались у богов; но Локки,
Одержим какой-то новой мыслью,
Устремил орлиный взгляд на Фриггу;
Улучив минуту, вдруг он принял
Образ старой Фриггиной служанки
И подсел к ней, меж богинь пробравшись.
«Отчего, владычица, — спросил он, —
Отчего так разыгрались боги?»
Улыбаясь отвечала Фригга:
«Тешит их, что наш красавец Бальдур
Стал теперь неуязвим ни стрелам,
Ни камням, ничему на свете.
Я взяла со всех творений клятву,
Что вредить ему никто не будет».
— «Да от всех ли отбрала ты клятву,
И кого, смотри, не позабыла ль?»
— «Все клялися! — отвечала Фригга. —
Разве только у ворот Валгаллы

Годр — убийца — он за слепотою
Не видал, не понимал, что сделал,
И стоял вдали от всех. Как только
Первый ужас отошел, рыданием
Неудержным разразились боги.
Сам отец Один, хоть знал, что будет,
Но, когда свершилось, омрачился
Пущей скорбью, лучше всех провидя,
Сколько зла от Бальдуровой смерти
И богам, и людям приключится.
Фригга — та не верила, что Бальдур
Навсегда от них сокрылся: Гелла
Возвратит его, не сомневалась,
В новом виде и еще прекрасней, —
И к богам немедля обратилась:
«Кто-нибудь скорей ступайте к Гелле
И какой угодно будет выкуп
Я, скажите, дам ей — только б тотчас
Отпустила Бальдура на небо».

Сын Одинов, Гермод быстроногий,
Побежал на вызов и в минуту
На коне отцовском в ад уж мчался.

7

Боги ж тело Бальдурово взяли
И снесли на берег синя моря.
Срублен был корабль и в море сдвинут,
И на нем костер устроен. Тело
На костер возложено. И Наину
Тоже подле мужа положили.
Привели коня покойникова, тоже
На костер возвесть, и все при этом
Залились новыми слезами.
Сто рабов и сто рабынь убитых

На костер уложено; оружие
И монеты, кольца, все как должно;
Домочадцы, слуги и служанки
Пели песни жалостные, слезно
Причитали. Наконец, когда уж
Все готово было, громовержец
Тор свой молот всеразящий бросил —
Грянул гром, и молния сверкнула,
И костер мгновенно объял пламень,
И корабль, пылая, поплыл в море.
Вслед за ним по воздуху громадный
Потянулся похоронный поезд.

Похорон таких уж не бывало
Ни потом, ни прежде, и не будет!
Все на них присутствовали боги
Был Один на колеснице с Фригтой.
Впереди — орел, простерши крылья,
За орлом неслися с воем волки;
Над главою вороны кружились,
А вокруг блестящей колесницы,
На воздушных конях, в светлых латах,
Девы битв, Валкирии; за ними,
Тоже все в блистающих доспехах,
Бесконечным полчищем герои,
С поля битв восшедшие на небо
В колеснице тоже, запряженной
Кабаном, красавец Фрейр и Герда;
На козлах золоторогих дальше
Ехал Тор, на плечи вскинув молот;
Там — другие боги и богини,
На оленях, лебедях и рысях;
А за ними карлы, великаны,
Духи в виде чудищ и драконов, —
Без конца тянулся пышный поезд!

Из богов там не был только Локки.
Он, когда свалился Бальдур мертвый,

Испугался больше всех руками
Ухватившись за голову, мигом
Убежал из Азграда. По правде,
И не думал он, что все так выйдет,
И, когда его хватились боги,
Он, дрожа, сидел уж в самых темных,
В самых страшных пропастях подземных.

8

Гермод в ад спускался девять суток
По глубоким рывтинам, во мраке.
И достиг до адской он решетки.
Там увидел бледный свет, палата,
Длинный стол, и на почетном месте
Между теней Бальдур восседает
Обратился Гермод с просьбой к Гелле:
«Отпусти ты брата снова в небо;
Все о нем жестоко плачут боги
И какой угодно предлагают
За него тебе богатый выкуп».
Отвечала адская богиня:
«Отпущу, пожалуй, но с условием:
Если все, что только есть на свете,
Существа по Бальдуру заплачут,
Бальдур в небо снова возвратится.
Если ж нет, и хоть один найдется,
Кто о нем не будет плакать, Бальдур
Никогда на свет уже не выйдет»

9

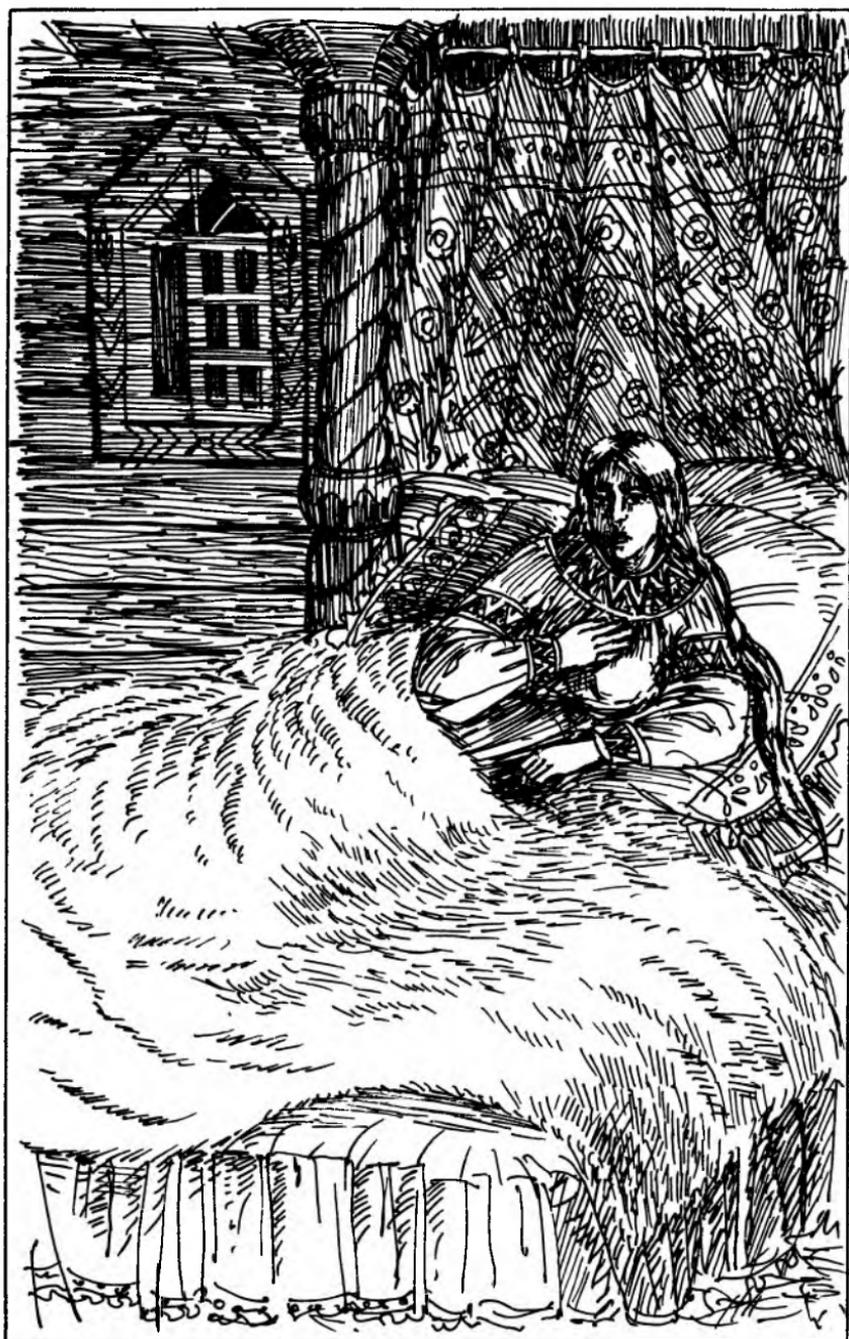
Воротился Гермод снова в Азград
И привез ответ свирепой Геллы.
Как ответ тот услышала Фригга,

Призывает тотчас буйных Ветров,
Говорит им: «Полетите, Ветры,
Вы во все концы по белу свету,
И скажите всякой божьей твари,
Синю морю, месяцу и звездам,
Темну лесу, всякой мелкой пташке,
И большим зверям, и человекам,
Что скончался Бальдур, мол, пресветлый,
Чтоб молили, да отпустит Гелла
Всем опять его на радость в небо».
Понеслись по белу свету Ветры
С лютой вестью каждой божьей твари, —
И поднялся стон со всей вселенной:
Взвыли Ветры, море заревело,
И леса завыли, закрипели,
Люди, звери, у кого есть голос,
Возопили; у безгласной твари ж,
У металлов и у гор и камней,
Слезы вдруг безмолвные, такие,
Как весной лиют они, встречая
После хлада и мороза солнце
(Но тогда на радость, тут от скорби),
Потекли обильными струями...
Но была в горе одна пещера.
Там, покров свой белый не скидая
Никогда, сидела великанша
(Некогда она царила в мире,
Но была побеждена Одним
И в пещере темной укрывалась).
Та на слово вестников небесных
Из скалы утрюмо отвечала:
«Я с сухими разве лишь глазами
О красавце Бальдуре заплачу:
Будь он жив иль мертв — он мне не нужен!
Пусть его сидит себе у Геллы!»

Так у Геллы и остался Бальдур».

10

Кончил вещий старец. Слушал Конунг
И еще поник главою ниже.
Сквозь золу едва мерцали угли.
В забытьи склонился вещий старец.
Поутру открыл он очи: Конунг
Так же всё сидит на том же месте;
Чуть свалилась с плеч медвежья шуба,
Бледный луч скользил кой-где по складкам.
Золотой истершейся одежды,
Освещая грозный облик, с длинной
Бородой, с нависшей бровью. Конунг
Был уж мертв. Судьбы его свершились.

НИКОЛАЙ ГУМИЛЕВ

Гондла

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Старый конунг, один из исландских властителей.

Снноре

Груббе

Лаге, сын Гер-Педера

Ахти

Гондла, ирландский королевич на воспитании у конунга.

Лера, она же Лаик, знатная ирландская девушка.

Вождь ирландского народа.

Ирландские воины.

Рабы.

Действие происходит в Исландии в IX веке

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

«В Исландии, на этом далеком северном острове, принадлежащем скорее Новому, чем Старому Свету, столкнулись в IX веке две оригинальные, нам одинаково чуждые культуры — норманнская и кельтская. Там, почти под Северным полярным кругом, встретились скандинавские воины-викинги и ирландские монахи-отшельники, одни вооруженные мечом и боевым топором, другие — монашеским посохом и Священной книгой. Эта случайная встреча предопределила, казалось, всю дальнейшую историю острова: историю духовной борьбы меча с Евангелием, которое переродило могучих морских королей IX века в мирных собирателей гагачьего пуха, рыболовов и пастухов наших дней».

С. Н. Сыромятников

«Первобытный германец возмущает нас своею беспредметной грубостью, этой любовью ко злу, которая делает его умным и сильным только для ненависти и вреда. Богатырь кельтский, напротив, в своих странных уклонениях всегда руководился привычками благоволения и живого сочувствия к слабым. Это чувство — одно из самых глубоких у народов кельтских: они имели жалость даже к самому Иуде...»

Ренан

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Широкий полутемный коридор рядом с пиршественной залой; несколько окон и дверь в спальню Л е р ы. Поздно.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

К о н у н г, С н о р р е, Г р у б б е, Л а г е, А х т и выходят
из пиршественной залы

К о н у н г

Выпит досуха кубок венчальный,
Съеден дочиста свадебный бык,
Отчего ж вы сидели печальны
На торжественном пире владык?
Снорре, Груббе, полярные волки,
Лаге, Ахти, волчата мои,
Что за странные слышал я толки
Пред лицом венценосной любви?
Вы шептались о клятве, о мести,
О короне с чужой головы,

О Гер-Педере... даже к невесте
Подходили угрюмыми вы.

Л а г е

У невесты мерцающий взгляд
Был так горько порой затуманен...

А х т и

Что ж! Жених некрасив и горбат
И к тому же еще христианин.

Г р у б б е

Не такого бы ей жениха
Мы средь юношей наших сыскали...

С н о р р е

Пусть покорна она и тиха,
Но печальнее мы не видали.

К о н у н г

Вы не любите Гондлы, я знаю,
Может быть, даже сам не люблю,
Но не Гондле я Леру вручаю,
А Ирландии всей королю.
С каждым годом становится туже
Крепкий узел, сжимающий нас,
Слишком злобны норвежские мужи,
У шотландца завистливый глаз.
Даже скрелинги, псы, а не волки,
Нападая ночью порой,
Истребили за морем поселки,
Обретенные некогда мной.
Над своими нас манит победа,

Каждый род ополчился на род,
Нападает сосед на соседа,
Брат на брата с дубиной идет.
Над Исландией тучи нависли,
И она бы погибла, но я
Небывалое дело замыслил —
Дать свободной стране короля.
Там, в Ирландии, жены, как луны,
Мужи ясны, в единстве святом,
Ибо скальдов певучие струны
Не нахвалятся их королем.
Осмотрительно, мудро и тонко
Я давал наставленья послам,
Чтоб оттуда достать лебеденка
Благородного выводка нам.
И Гер-Педер, моряк именитый,
На холодный исландский утес
Из Ирландии, лавром увитой,
Королевского сына привез.
Гондла вырос, и ныне венчают
Гондлу с Лерой Спаситель и Тор,
Это волки союз заключают
С лебедями спокойных озер.
Две страны под единой державой,
Два могучих орлиных крыла,
Устремятся за громкою славой
Непреклонною волей орла.

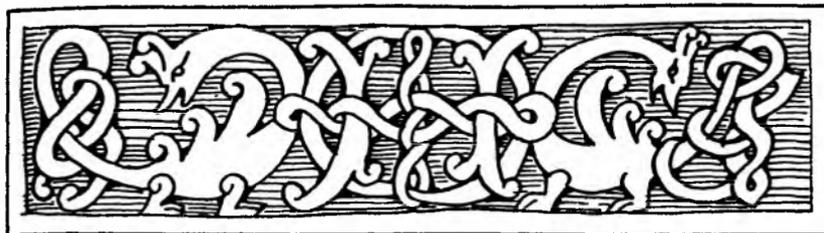
Г р у б б е

Только кровь в нем, о конунг, не наша,
Слаб в бою он и в играх ленив...

С н о р р е

Но Ирландия — полная чаша
Виноградников, пастбищ и нив.

Конунг уходит.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Снорре, Груббе, Лаге, Акти хохочут.

Лаге

Гондла! Гондла, властитель великий!

Акти

Ну, наделал Гер-Педер хлопот!

Снорре

Не признаем его мы владыкой,
Но, быть может, признает народ.

Акти

А когда мы откроем народу
Все, что знаем об этом щенке,
Кто такой он, какого он роду,
Где он будет, в дворце иль в реке?

Груббе

Гондлу сжить нам пора бы со света,
Что нам конунг, ведь мы в стороне,
Надоела история эта
Подменных мальчишек и мне.

Лаге

Конунг стар.

Снорре

Вы же знаете, дети,
Что страшней не найти никого,
Исли б даже десятки столетий
Навалились на плечи его.
Он походкой неспешной, чугунной
Сорок тысяч датчан раздавил
И, единственный в целой подлунной,
На таинственный полюс ступил.
Никогда вы его не могли бы
О пощаде за ложь умолить,
Пусть сожрали Гер-Педера рыбы,
Старый Снорре надеется жить.

Лаге

А безумье сегодняшней свадьбы!
Мы ведь знаем, кто Лерина мать...
Снорре, может быть, это сказать бы?

Снорре

И об этом нам надо молчать.

Груббе

Яд помог бы нам в нашей заботе,
Так, чтоб в смерть перешло забытье.

Лаге

И бывает еще: на охоте
Не туда попадает копые.

А х т и

Нет, я шутку придумал другую:
Гондла все-таки духом высок,
Нанесем ему рану такую
Прямо в сердце, чтоб встать он не мог.
Только Лера окажется в спальне
И погасит огонь ночника,
Я беседой искусной и дальней
Задержу жениха простака.
Этим временем Лаге к невесте
Проберется и будет молчать,
Женский стыд, с боязливостью вместе,
Не дадут ей обмана понять.
И для Гондлы, вы знаете сами,
Станет мир тяжелее тюрьмы...
Над союзом волков с лебедями
Нахохочемся досыта мы.

С н о р р е

Верно! Этой обиды не может
Самый низкий мужчина снести.

Г р у б б е

Если душу подобное гложет,
То от смерти ее не спасти.

Л а г е

И наверное, милая Лера
Свой смирить догадается гнев,
Ведь еще не бывало примера,
Чтоб пленяли горбатые дев.

А х т и

Чу, идут! Расходитесь скорее,
Лаге здесь, остальные сюда!

Г р у б б е

Лет хоть на тридцать будь я свежее,
Я бы с Лаге поспорил тогда.

Скрываются.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Входят Гондла и Лера

Гондла

Лера, Лера, надменная дева,
Ты, как прежде, бежишь от меня!

Лера

Я боюсь, как небесного гнева,
Глаз твоих голубого огня

Гондла

Ты боишься? Возможно ли это?
Ведь не ты ли бывала всегда
Весела, как могучее лето,
И вольна, как морская вода?
И не ты ли охоты водила
На своем вороном скакуне
И цветов никогда не дарила,
Никогда, одинокому, мне?

Лера

Вспоминаешь ты Леру дневную,
Что от солнца бывает пьяна,

А печальную Лаик ночную
Знает только седая луна.

Г о н д л а

Лаик... странное, сладкое имя...

Л е р а

Так звала меня некогда мать,
Из Ирландии родом. Такими
Именами не здесь называть!

Г о н д л а

Это имя мне дивно знакомо,
И такая знакомая ты,
И такая на сердце истома
От сверканья твоей красоты!
Ты не любишь меня, ты смеялась
Над уродливым Гондлой всегда...

Л е р а

Но когда я одна оставалась,
Я так горько рыдала тогда.
Для чего-то слепыми ночами
Уверяла лукавая мгла,
Что не горб у тебя за плечами —
Два серебряно-белых крыла,
И что родина наша не эта
Ненавистная сердцу тюрьма,
А страна, где зеленое лето
Никогда не сменяет зима
Днем все иначе. Боги неволят
Леру быть и веселой и злой,
Ликовать, если рубят и колют.
И смеяться над Лаик ночной.

Г о н д л а

Дорогая, какое безумье,
Огневое безумье любовь!
Где вы, долгие годы раздумья,
Чуть запела горячая кровь!
Что мне гордая Лера дневная
На огромном вспененном коне,
Ты не Лера, ты девочка Лаик.
Одинокая в этой стране.

Л е р а

Как ты бледен и смотришь, маня...
Неужели ты любишь меня?

Г о н д л а

Я так вольно и сладко люблю,
Словно отдал себя кораблю,
А с тобой я еще не слышал,
Как шумит набегающий вал.
И совсем не морские слова
Ты сказала с волшебной тоской,
Я внимал им, но понял едва,
Я услышал в них ветер морской.
Значит, правда открылась святым,
Что за бредами в нашей крови
И за миром, за миром земным
Есть свободное море любви.
Серафимы стоят у руля
Пестропарусных легких ладей,
А вдали зеленеет земля
В снеговой белизне лебедей
Сердце слышит, как плещет вода,
Сердце бьется, как птица в руке,
Там Мария, Морская Звезда,
На высоком стоит маяке.

Л е р а

Ты бледнеешь опять, ты дрожишь...
Что с тобой, королевич мой белый?
Ты прекрасен, когда говорило,
Ты как Бальдер, бросающий стрелы.

Г о н д л а

Ночь летит и летит на закат,
Ночи летние песни короче,
Вон, за окнами совы кружат,
Эти тихие горлинки ночи.
Ах, к таинственной спальне твоей
Я сегодня пройду за тобою,
И любимая станет моей,
Самой близкой и самой родною.

Л е р а

Только, милый, не сразу входи,
Умоляю тебя, подожди,
Это глупое сердце в груди,
Что боятся еще, пощади.

Скрывается за дверь; входит А х т и.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Гондла и Ахти.

Ахти

Королевич, большую услугу
Ты бы мог мне теперь оказать...

Гондла

Это Ахти? Старинному другу,
Другу детства готов я внимать.
Помнишь, между рябин, по дорожке
Мы взбегали на каменный вал,
Ты так часто мне ставил подножки,
Я срывался, а ты хохотал.

Лаге у него за спиной прокрадывается к Лере.

Ахти
(смеется)

Это Лаге.

Гондла

Конечно, и Лаге.
Он со мной был особенно груб.

Как дивился его я отваге
И улыбке насмешливых губ!
Быстроглазый, большой, смуглолицый,
Всех красивей, сильнее и смелей,
Он казался мне хищною птицей,
Ты же — волком исландских полей.
Странно! Был я и хилый и дикий,
Всех боялся и плакал всегда,
А над сильными буду владыкой,
И невеста моя, как звезда.

А х т и

В день, когда ты получишь державу
И властителем станешь вполне,
Ты наверно устроишь облаву
Небывалую в нашей стране?

Г о н д л а

Я люблю, чтоб спокойно бродили
Серны в рощах, щипля зелена;
Слишком долго и злобно травили,
Точно дикую серну, меня.

А х т и

Ну, тогда ты поднимешь дружину
И войною пойдешь на датчан?
Хорошо королевскому сыну
Опорожнить на поле колчан.

Г о н д л а

Ахти, мальчик жестокий и глупый,
Знав, что больше не будет войны.
Для чего безобразные трупы
На коврах многоцветных весны?

А х т и

Понял. Все мы узнаем на деле,
Что отрадно веселье одно,
Что милы и седые метели,
Если женщины пеняют вино.

Г о н д л а

Все вы, сильны, красивы и прямы,
За горбатым пойдете за мной,
Чтобы строить высокие храмы
Над грозящей очам крутизной.
Слышу, слышу, как льется победный,
Мерный благовест с диких высот,
То не колокол гулкий и медный —
Лебединое сердце поет.
Поднимаются тонкие шпильи
(Их не ведали наши отцы) —
Лебединых сверкающих крылий
Устремленные в небо концы.
И окажется правдой поверье,
Что земля хороша и свята,
Что она — золотое преддверье
Огнезарного Дома Христа.

(Как бы очнувшись.)

Ты просил о какой-то услуге?

А х т и

Ты уже оказал мне ее.
Что же медлишь нести ты к подруге
Лебединое сердце свое?

(Уходит, смеясь.)

Гондла медленно входит к Лере. Шум.
Гондла и Лаге вылетают, сцепившись.
В дверях Лера в ночной одежде, закрывает лицо руками.
Вбегают Снорре, Груббе и Ахти.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Гондла, Лера, Снорре, Груббе, Лаге, Акти.

Лаге

Как? Ты думаешь драться со мною,
Хочешь силу изведать мою?
Так прощайся, цыпленок, с землею,
Потому что тебя я убью.

Бросает Гондлу на пол; его удерживают.

Гондла

Где он, где он, мой камень надгробный!
Как ты в спальню невесты проник?
Кто ты? Волк ненавистный и злобный
Иль мой собственный страшный двойник?

Лаге

Ночью кошки черные серы,
А отважным удачливый путь!
Что за нежные губы у Леры
И какая высокая грудь...

Снорре

Гондла умер...

Л е р а

Любимый, любимый,
Я не вынесу этих скорбей,
Ты живи, небесами хранимый,
А меня пожалей и убей.

Г о н д л а

(вдруг поднимаясь)

Нет, я часто пугался пустого,
И сейчас это, может быть, бред.
Старый конунг последнего слова
Не сказал, многознающий, нет!
Боль найдет неожиданной тучей,
И, как туча, рассеется боль...
Гондла умер? Нет, Гондла живучий,
Гондла ваш перед Богом король!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Двор замка, освещенный воткнутыми в стену факелами.
Ночь еще продолжается.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

К о н у н г сидит в креслах;
по обе стороны от него С н о р р е и Г р у б б е;
напротив Л а г е и А х т и и отдельно от них Г о н д л а

К о н у н г

Разве может быть суд пред рассветом?
Солнце — лучший свидетель судьи.
Королевич, подумав об этом,
Отложи обвиненья твои.

Г о н д л а

Как сумели бы стать правосудней
Правосудные вечно уста!

Словно солнце июльских полудней,
Засияет моя правота.
Насмеявшись над правдой нетленной
И законом исландской земли,
Над моею короной священной
Дерзко руку враги занесли.
Я, как раненый лебедь в овраге,
Мне и муки и смерти больней,
Что сегодня насмешливый Лаге
Спал с прекрасной невестой моей.
Ненавистный, он брата ей ближе,
Он один ее видел нагой...
Защити же меня, защити же,
О могучий, от пытки такой.
Пусть не ведает мщенье предела:
Привяжи его к конским хвостам,
Чтоб его ненасытное тело
Разметалось по острым кустам.
А потом запрети для примера
Даже имя его называть,
Чтобы я и несчастная Лера
Друг на друга посмели взирать.

К о н у н г
(к Лаге)

Что ты скажешь в свое оправданье,
Человек неправдивый и злой,
И какого ты ждешь наказанья
За поступок неслыханный твой?

Л а г е

Государь, я с простыми словами
Появляюсь пред взором судей,
Нас недаром прозвали волками
Здесь, в отчизне твоей и моей.

Что для девушки Гондла? Из меди
Сердце Леры, и голос как рог,
Я же часто косматых медведей
Для нее поднимал из берлог.
Что я сделал, то сделал по праву,
Гондла слаб, я и смел и силен,
Нашим предкам бессмертную славу
Этот волчий доставил закон.

К о н у н г
(к *Снорре и Груббе*)

Ярлы, ум ваш и ясен и зорок,
Так судите ж обиду и боль,
Позабыв и что Лаге вам дорог
И что Гондла ирландский король.

С н о р р е

Повелось по старинным обычаям,
Если двое полюбят одну,
То, не внемля причудам девичьим,
Начинают друг с другом войну.

Г р у б б е

Это верно! Так было и будет,
Как о правде иной ни кричи!
Если люди людей не рассудят,
Их наверно рассудят мечи.

К о н у н г

Гондла, слышал решенье такое?
Справедливым считаю и я,
Что выходит герой на героя
И копьё не бежит от копья.

Мы твоей подивимся отваге,
Лера доблесть оценит твою,
Если Лаге, могучего Лаге,
Ты повергнешь в открытом бою.
Крепче стой! Я пред всеми отвечу
За огонь в королевской крови.
Неудержно бросается в сечу,
Кто достоин девичьей любви.
Помню, утром сияла пустыня,
Где Марстана я бросил в песок,
Сердце дрогнуло, словно богиня
Протянула мне вспененный рог.
А когда вместе с Эйриком Красным
Я норвежцев погнал ввечеру,
День казался мне столь же прекрасным,
Как на самом роскошном пиру.

Г о н д л а

Конунг, судьи, вы знаете...

К о н у н г

Что же?

Г о н д л а

Я горбат, вы забыли про то.
По закону калеку не может
К поединку принудить никто.

К о н у н г

Дело бранное давно и чудно,
Смерть бежит от стремящихся в бой,
Почему же бывает так трудно
Трусу панцирь надеть боевой?

Г о н д л а

К правосудью, судья, к правосудью!
Удержи эту лживую речь,
Или я королевскою грудью
Упаду на отточенный меч.
Поединок бессмыслен, а славу
Получает в народе простым
Царь, кладущий копье и державу
Покрывающий крепким щитом.

К о н у н г

Не любовник, не царь я, не воин...
Бьется ль сердце в подобной груди?
Ты короны своей недостоин,
Мы тебя не хотим. Уходи.

(Выходит.)

Г о н д л а

(ему вслед)

Волк, и с поступью легкою, волчьей!
Я воды у него попросил,
Он же уксусом, смертною желчью
Мой запекшийся рот оросил.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Те же без конунга.

Г о н д л а

Ярлы, к вам обращается правый,
Обвиненный в неправом суде,
Не теряйте прадедовской славы,
Вновь ее не найдете нигде.
Осужденный судебным решением,
Опрокинутый вражьем мечом,
Эгиль голову выкупил пеньем,
Пред норвежским представ королем.
Лютню мне! Лебединые саги
Вам о рода моем я спою.
Бели знает такие же Лаге,
Жизнь и честь отнимите мою.

Г р у б б е

Ты не знаешь, какого ты рода,
Несуразный птенец и смешной,
Поливают у нас огороды
Королевскою кровью такой.

Л а г е

Где ты принцев видал, чтоб умели

Лишь судиться, играть и рыдать,
Опоздали к девичьей постели
И меча не посмели поднять?

С н о р р е

Удивил бы тебя я безмерно,
Рассказавши о роде твоём,
Если б ведал, что конунг наверно
Никогда не узнает о том.

Г о н д л а

Лютню! Лютню! Исчезнет злословье,
Как ночного тумана струи,
Лишь польются мои славословья,
Лебединые песни мои.

А х т и

(протягивая лютню)

Эта лютня всегда приносила
Славу самым плохим игрокам,
В ней сокрыта волшебная сила
Сердце радовать даже воякам.

Г о н д л а

(играет и пробует петь)

Разгорается звездное пламя...
Нет, не то! — На морском берегу...
Ах, слова не едут мне на память,
Я играю, а петь не могу.

А х т и

Ну, теперь мы увидим потеху!
Эта лютня из финской страны,

Эту лютню сложили для смеху,
На забаву волкам колдуны.
Знай же: где бы ты ни был, несчастный,
В поле, в доме ли с лютней такой,
Ты повсюду услышишь ужасный
Волчий, тихий, пугающий вой.
Будут волки ходить за тобою
И в глаза тебе зорко глядеть,
Чтобы, занятый дивной игрою,
Ты не мог, ты не смел ослабеть.
Но когда-нибудь ты ослабеешь,
Дрогнешь, лютню опустишь чуть-чуть
И, смятенный, уже не успеешь
Ни вскричать, ни взглянуть, ни вздохнуть.
Волки жаждали этого часа,
Он назначен им был искони,
Лебединого сладкого мяса
Так давно не терзали они.

Слышен волчий вой.

Г о н д л а в ужасе убегает, продолжая играть.

Остальные прислушиваются.

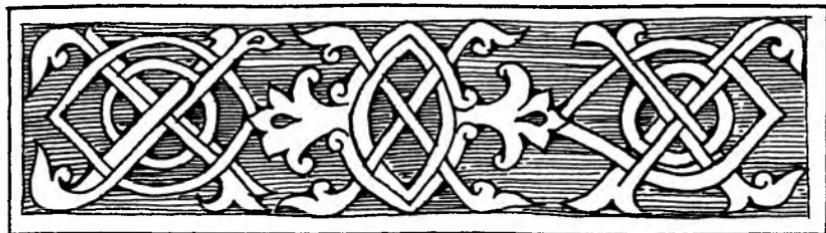
Л а г е

Ты уверен ли в лютне?

А х т и

Еще бы!

Хоть двойное заклятье на ней.
Но от волчьей, от алчущей злобы
Никогда не уйдет дуралей.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Те же без Гондлы

Лаге

Что за диво? Неясные звуки
И тревожат меня, и томят.

Снорре

Я как будто проснулся от скуки
И чему-то мучительно рад.

Груббе

Этот Гондла придумает вечно,
Как ему стариков огорчить.

Ахти

Я доволен собой бесконечно,
Но зато не могу не завывать.

Воет; все переглядываются.

Снорре

Брат, ты слышишь? Качается вереск,
Пахнет кровью прохлады лугов.

Г р у б б е

Серый брат мой, ты слышишь? На берег
Вышли козы, боятся волков.

С н о р р е

Под пушистою шерстью вольнее
Бьется сердце пустынных владык.

Г р у б б е

Зубы белые ранят больнее
Крепкой стали рогатин и пик.

Л а г е

Надоели мне эти кафтаны!
Что не станем мы сами собой?
Побежим, побежим на поляны,
Окропленные свежей росой.

А х т и

Задохнемся от радостной злости,
Будем выть в опустелых полях,
Вырывать позабытые кости
На высоких могильных холмах.

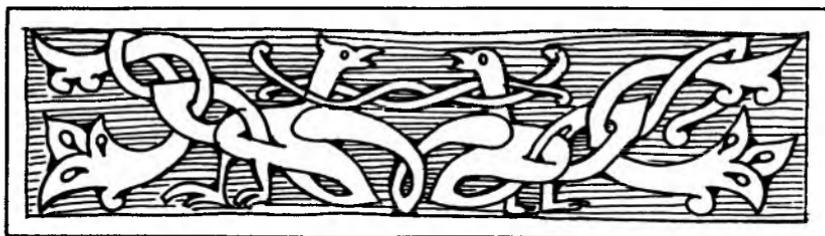
Г р у б б е

Гондлу выследим. Лаге нагонит,
Снорге с Ахти наскочат сам друг.

А х т и

Но не прежде, чем лютню уронит,
Гондла лютню уронит из рук.

Убегают. Входит Г о н д л а, играя.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

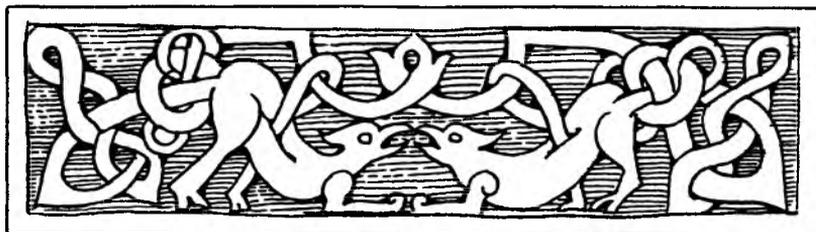
Гондла один

Гондла

Обманули меня. Насмеялись
Над горбатым своим королем.
А когда-то, друзьями казались,
Дом их был мой единственный дом.
Вой все ближе, унылый, грозящий,
Гаснет взор, костенеет рука,
Сердце бьется тревожней и чаще
И такая, такая тоска!
Но зачем я стою у порога,
Если прямо среди дымных полей
Для меня протянулась дорога
К лебединой отчизне моей.
Только стану на берег зеленый,
Крикну: лебеди, где вы? Я тут! —
Колокольные ясные звоны
Нежно сердце мое разобьют.
И, не слушая волчьей угрозы,
Буду близкими я погребен,
Чтоб из губ моих выросли розы,
Из груди многолиственный клен.
А потом лебединая стая
Будет петь надо мною всегда

Про печальную девочку Лаик,
Что моей не была никогда.

Хочет уйти. Вбегают Л е р а.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Гондла и Лера

Лера

Гондла, Гондла, меня оскорбляли,
Угрожали держать взаперти,
Я свивалась узлом от печали,
Но к тебе не могла не прийти.

Гондла

Ты пришла? Разве ты не слыхала?
Я изгнанник, я всеми травим,
А одна диадема пристала
Ослепительным кудрям твоим.

Лера

Я пока еще Лаик, не Лера,
Я верна обещаньям любви,
Хоть рассветное небо и серо,
Зажигая безумье в крови.
Ах, коснись меня нежной рукою,
Защити от меня же самой,
Не возлюбленной, только сестрою
Я ведь смею идти за тобой.

*Опускается перед ним на колени.
Гондла поднимает ее.*

Г о н д л а

Ты улыбка Господня. Мы оба
Из великой семьи лебедей.
Для тебя я восстал бы из гроба,
За тебя я прощаю людей.

Л е р а

Ты не знаешь про новое горе:
Мы от гибели были близки,
Я заметила когти у Снорре,
А у Груббе большие клыки.
Все они собрались в ожиданьи,
Помнишь, в старый заброшенный ров,
Тем колдун говорит заклинанье,
Чтоб совсем превратить их в волков.
Красной кровью наполнены чаши,
Что-то варится в медных котлах...
Унеси меня к родине нашей
На своих лебединых крылах.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Глухой лес. Июльский полдень.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Входят Лера и Гондла слютней.
По-прежнему в отдалении слышен волчий вой.

Лера

С добела раскаленного неба
Словно льются потоки огня...
Ты не взял ни орехов, ни хлеба
И голодной оставил меня.

Гондла

Лаик...

Лера

Нет, называй меня Лерой,

Я живу на земле, не в гробу,
Счастье меряю полною мерой
И за горло хватаю судьбу.

Г о н д л а

Счастья мера, а муки безмерность —
Вот вся жизнь; но я жив, не таю,
Чтоб узнать благородную верность,
Лебединую нежность твою.

Л е р а

Королевич, условиться надо:
Я не буду твоей никогда,
Между нами навеки преграда
Из девичьего встала стыда.
Нет, я буду могучей, спокойной,
Рассудительной, честной женой
И царицей, короны достойной,
Над твоею великой страной.
Да, царицей! Ты слабый, ты хилый.
Утомлен и тревожен всегда,
А мои непочатые силы
Королевского ищут труда.

Г о н д л а

Я согласен. Пусть Лера дневная
Управляет на троне моем,
С ненаглядною девочкой Лаик
Ночью будем мы плакать вдвоем.

Л е р а

Только солнце опустится в море

И наступит таинственный час,
За дверьми на тяжелом затворе
Лаик будет сокрыта от глаз.

Г о н д л а

Ты жестока ко мне. Ты не видишь,
Я уже не похож на людей.
Неужели ты так же обидишь
И веселых моих лебедей?

Л е р а

Королевич, поверь, что не хуже
Твоего будет царство мое,
Ведь в Ирландии сильные мужи,
И в руках их могуче копье
Я приду к ним, как лебедь кровавый,
Напою их бессмертным вином
Боевой ослепительной славы
И заставлю мечтать об одном, —
Чтобы кровь пламенела повсюду,
Чтобы села вставали в огне
Я сама, как валкирия, буду
Перед строем летать на коне.

Г о н д л а

Лера! Нет... что сказать ты хотела?
Вспомни, лебеди верят в Христа...
Горе, если для черного дела
Лебединая кровь пролита.

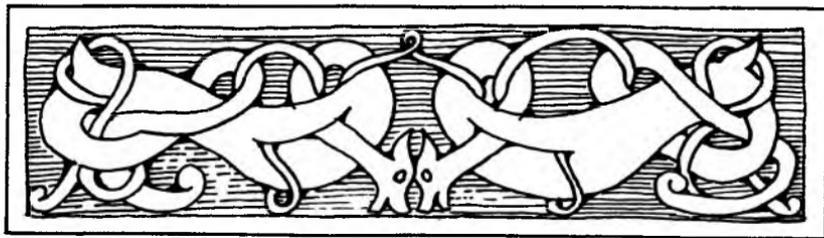
Л е р а

Там увидим А солнце все злее,
Отдохнуть нам, пожалуй, пора

Г о н д л а

Я воды привесу посвежее
И посуше ветвей для костра.

(Уходит)

СЦЕНА ВТОРАЯ

Л е р а и Л а г е, который входит

Л а г е

Л е р а.

Л е р а

Дерзкий, ты можешь? Ты смеешь?

Л а г е

Да, я смею. Тебя я люблю.

Л е р а

Дай мне меч твой, дай меч мне скорее,
И тебя я сейчас заколю.

Л а г е

Если хочешь, возьми. Мне не внове
Забавляться опасной игрой.
Солнцу летнему хочется крови,
В нас вселяет безумие зной

Л е р а

Злобный волк!

Л а г е

Мне приятны проклятья.
Жизнь дешевле твоей красоты.
И в последнем предсмертном объятьи
Будешь сжата, единая, ты.

Л е р а

Что ты хочешь?

Л а г е

От Леры и боли.

Л е р а

Ты меня не любил, ты был груб.

Л а г е

Да, тебя не любил я, доколе
Я твоих не почувствовал губ.
Не забыть твоего поцелуя.
Пусть я волк, ты — волчица моя.
И тебя никогда не пущу я
Ни в какие иные края.

Л е р а

Уходи.

Лаге

Я уйду, но с тобою.

Лера

Гондла может вернуться.

Лаге

Ну что ж?
Иль для Гондлы ты стала рабою,
За горбатым повсюду пойдешь?

Лера

Я жена королевича. Смело
Перед всеми скажу я о том,
И корона Ирландии целой
Наградит мою верность потом.

Лаге

Не отвечу на это ни слова,
Хоть и многое мог бы сказать,
Только муж ли тебе он? Другого
Ты тогда не могла б обнимать.

Лера

Лаге, Лаге, какими словами,
Как меня оскорбить ты готов?

Лаге

Лера, все, что случается с нами,

Происходит по воле богов.
Сильный Тор опьянил меня страстью,
Фрея в спальню твою привела,
Волк Фенрир с угрожающей пастью
Сторожил, как моей ты была.
Пусть уйдешь ты далеко, пусть кинешь
Небожителей наших и нас.
Но из памяти разве ты вынешь
Тот жестокий и сладостный час?

Л е р а

Ты был страшен тогда; мне казалось,
Что огонь пожирает меня.

Л а г е

Ты смотрела и ты улыбалась
Веселей и страшнее огня.

Л е р а

Выжди, Лаге, позволь воцариться
Мне в богатой и сильной стране
И тогда, как кочующий рыцарь,
Приходи откровенно ко мне.

Л а г е

Да, но ты поцелуешь сначала,
Поцелуешь меня, как тогда.

Л е р а

Нет, не надо.

Л а г е

Ведь ты обещала....
Лера, помнишь ли прошлое?

Л е р а
(целуя его)

Да.

Входит Гондла.

СЦВНА ТРЕТЬЯ

Л е р а, Л а г е, Г о н д л а, потом Г р у б б е .

Г о н д л а

Лаге? Лаге опять? На колени!
Я король, пресмыкайся, змея!

Л е р а

Нам не надо твоих повелений,
Ведь корона моя, не твоя.

Г о н д л а
(не слушая)

Вот теперь-то добьюсь я ответа
От тебя, возмущившийся раб!

Л а г е

Посмотрю, как ты сделаешь это;
Мы в лесу, я с мечом и не слаб.

Г о н д л а

Честь мою не унижу я спором,
Лютню брошу, себя погубя,

И падет небывалым позором
Королевская кровь на тебя.

Л е р а
(к Лаге)

Уходи же!

Л а г е

Но ты обманулась,
Никаких здесь властителей нет!
Эта шутка и так затянулась
На пятнадцать без малого лет.

Г о н д л а

Что за ложь?

Л е р а

Я понять бы хотела...

Л а г е
(указывая на входящего Груббе)

Груббе все рассказать вам готов.
Очевидец нелепого дела
На одном из старинных судов.

Г р у б б е

Расскажу. Что отрадней былого
Для такого, как я, старика?
Лере в пользу пойдет это слово
И вдобавок унизит щенка.
Помню, помню, как злилась пучина,
Мы с Гер-Педером рвали волну,

Увозя королевского сына
Из Ирландии в волчью страну.
Сам король отпустил лебеденка,
Но Гер-Педер, затейник пустой,
Взял с собой и другого ребенка,
Некрасивого, крови простой.
С ним за это поспорил бы каждый,
Но Гер-Педер был друг мне, не лгу,
Мы варили кита не однажды
С ним, на Страшном живя Берегу.
С нами ехал и маленький Лаге,
Сын любимый Гер-Педера, он
Раз делил с королевичем флаги,
Поднял ссору и, вмиг обозлен,
Бросил бедного мальчика в море.
И беде не сумели помочь
Ни Гер-Педер, ни я и ни Снорре,
Потому что надвинулась ночь.
До утра бушевала пучина
И Гер-Педер молчал до утра, —
Все он видел, как голову сына
Отсекает удар топора.
А наутро сказал: — Лебеденка
Все равно мы теперь не вернем,
Так давайте другого ребенка
Королевичем мы назовем. —
Он молил нас, и мы согласились
Неразумного Лаге спасти,
Дальше поплыли, ветры бесились,
Как гуляки, у нас на пути.
Связки молний пылали на небе,
И до тучи доплескивал вал;
Мы гадали по книге, и жребий
На Гер-Педера трижды упал.
И его мы швырнули в пучину,
Но сперва поклялись перед ним,

Что подложному царскому сыну
Мы жестоко за все отомстим.

Г о н д л а
(быстро)

Кто отец мой?

Г р у б б е

Бродячий, ничтожный
Скальд, забыли теперь про него.

Г о н д л а

Кто же мать моя?

Г р у б б е

Нет, осторожно,
Больше я не скажу ничего.

(К Лере.)

Вот, короной венчан шутовскою,
Он поднять не осмелится глаз.

Л е р а

Груббе, Лаге, оставьте со мною
Эту... этого... Гондлу сейчас.

Груббе и Лаге выходят.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Лера и Гондла

Лера

Что же, друг? Ты обманно назвался
Королевичем? Значит, ты вор?
Ты корону мне дать обещался,
А даешь только боль и позор.
Полно! Есть и глумлению мера,
Не превысит ее человек!
Иль ты думал, что глупая Лера,
Как развратница, любит калек?
Что рожденной отцом благородным
Так уже лестно покинуть свой дом
И повсюду идти за негодным
Нищим, может быть, даже рабом?
Где же лютия? Играй. Так уныло
Воют волки в полях и лесах.
Я тебя до сих пор не убила,
Потому что мне дорог твой страх.
Но ничто не бывает, ты знаешь,
Окончательным, даже беда...
Например: если ты утверждаешь,
Что король ты и был им всегда,—
Кто помеха тебе в этом деле?
Снорре? Груббе? Их можно убрать.

Лаге с нами. Мы б верно сумели
Властелинами заново стать.

Г о н д л а

Там, в стране, только духам известной,
Заждались короля своего,
Мой венец не земной, а небесный,
Лаик, терны — алмазы его

Л е р а

Так? Ну помни обет мой веселый
Чуть погаснет на западе луч,
Лаик будет за дверью тяжелой,
И у Лаге окажется ключ.
Он войдет к ней, ее он измучит
Ненасытным желаньем мужским.
Он ее наслаждаться научит,
И смирится она перед ним.
И на месте тоскующей Лаик
Будет Лера и ночью и днем,
Неустанно тебя проклиная,
Называя трусливым щенком

(Кричит)

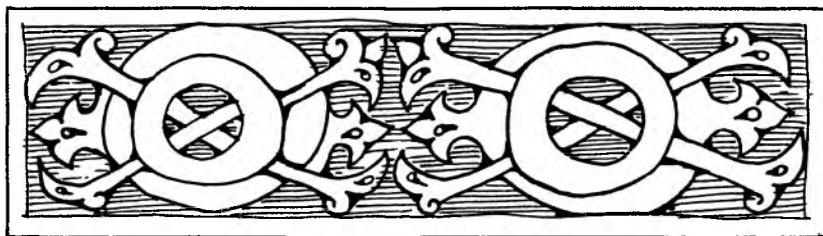
Где вы, сильные, волки, не люди?
Пусть же когти пустынных владык
Вырвут низкое сердце из груди,
Из гортани лукавый язык.

Показываются С н о р р е, Г р у б б е, Л а г е, А х т и

Вот, смотрите, он голову клонит.
Кто убьет его, будет мне друг...

А х т и

Но не прежде, чем лютню уронит,
Гондла лютню уронит из рук.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Лера, Гондла, Снорре, Груббе, Лаге, Ахти

Лера

Сладко мне улыбнуться героям!

Груббе

Не бывало подобной жары,
Жилы словно наполнены зноем,
И в глазах огневые шары.

Снорре

Мы оленя убили, тяжелый,
Словно лошадь, достанет на всех.

Ахти

Я же браги хмельной и веселой
Захватил полуведерный мех.

Все, кроме Гондлы, садятся.

Лаге

Гондла, живо костер! Поднимаю
Первый кубок за Леру мою.

Снорре, Груббе и Ахти

Пьем за Леру мы все!

Л е р а

Принимаю
И за Лаге могучего пью.

А х т и
(втаскивая оленью тушу)

Вот олень. Жира, жира-то сколько!
Ну, волкам не пропасть без еды.

Л а г е

Сердце — Лере.

А х т и

Конечно, но только
Прежде вымою. Гондла, воды!

Л а г е

Ах, вино мне удвоило силы.

Л е р а

Я любовью и солнцем пьяна.
Этой ночью, не правда ли, милый,
Ты придешь ко мне?

Л а г е
(обнимая ее)

Гондла, вина!

Снорре, Груббе и Ахти

Гондла, музыки! Лютня такая
Для чего у тебя, нелюдим?
Целый день проведешь ты, играя,
А под вечер тебя мы съедим.

Лаге
(наклоняясь к Лере)

Как мучительно рот мой находит
Твой кровавый смеющийся рот!

Лера

Посмотрите, горбатый уходит.

Ахти

Ну, далеко от нас не уйдет.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Лес на берегу моря Большие утесы Вечер

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Гондла один, потом отряд ирландцев с вождем во главе

Гондла

Не пойму, это солнце на небе
Или боль просияла моя?
Не пойму, человек или лебедь,
Лебедь с сердцем проколотым я?
Нет, я царь этих дебрей суровых,
И меня коронует Христос
Диадемою листьев кленовых
И россою обрызганных роз.
О, когда бы враги посмотрели,
Как мне кланялась эта скала,
Как молили меня эти ели
Защитить их от всякого зла!

Если сан мой признала природа,
То они ли поспорят о том,
О царе лебединого рода
И с проколотым сердцем притом?

Входят и р л а н д ц ы.

В о ж д ь

Словно место недавних пожарищ
Этот лес, иль убийств потайных...
Как пройти нам к поселку, товарищ?
Закружились мы в дебрях твоих.

Г о н д л а

Что хотите вы делать в поселке,
Люди-лебеди, братья мои?
Там живут беспощадные волки,
Осквернители милой любви.

В о ж д ь

Он безумный, не будем смеяться
И с собою его уведем.

(К Гондле.)

Знай, нам нужно в поселок пробраться
За своим молодым королем.

Г о н д л а

Я король ваш.

В о ж д ь

Он вовсе безумный.

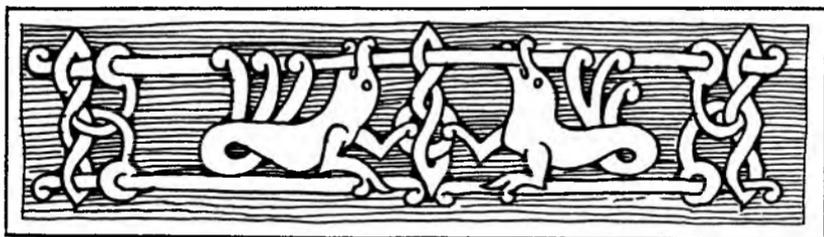
Г о н д л а

Что, скажите, в родимой стране
Так же ль трубы архангелов шумны,
Звезды так же ль глубоко на дне?
Что Георгий? В заоблачных долах
С Пантелеймоном друг и сейчас?
Двое юношей знатных, веселых,
Утешители ангельских глаз.
Магдалина от скорби предвечной
Отдохнула ли львиной душой?
Брат Христов Иоанн? Он, конечно,
Апокалипсис пишет второй.

В о ж д ь

Бедный ум, возалкавший о чуде,
Все мы молимся этим святым,
Но, простые ирландские люди,
Никогда не входили мы к ним.

Выходят Снорре, Груббе, Лаге, Ахти.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Гондла, Вождь, ирландские воины, Снорре,
Груббе, Лаге, Ахти.

А х т и

Гондла, что же ты бродишь лентяем,
Почему эта лютня молчит?

Г р у б б е

Мы немедля тебя растерзаем.

Л а г е

Иль играй, или будешь убит.

Г о н д л а

Нет, я больше волкам не играю,
Я живу в огнезарном раю,
Не допрыгнуть вам к этому раю,
Только лютню возьмете свою.

Кидает к их ногам лютню. Они бросаются на него.

В о ж д ь
(ирландцам)

Братья, вступимся, он христианин
И, наверно, из нашей страны.

Ирландцы отбрасывают исландцев.

С н о р р е

Горе нам!

Г р у б б е

Я повержен.

Л а г е

Я ранен.

А х т и

Лебединые клювы сильны.

В о ж д ь

Вы хорьки, вы трусливые души,
На безумного бросились вы.
Разве мало вам крыс и лягушек,
Что хотите его головы!

С н о р р е

Этот юноша, бледный и странный,
Был судим справедливым судом.
И был изгнан. Назвался обманно
Он Ирландии всей королем.

В о ж д ь

Как, не он ли к исландским равнинам
Был когда-то от нас увезен,
Чтобы, выросши, стать господином
Над союзом обоих племен?

Г р у б б е

Не товарищ булыжник орешку!
Двух младенцев Гер-Педер увез,
Королевич погиб, и в насмешку
Королевичем назван был пес.

В о ж д ь

(к Гондле)

Государь, мы тебя не узнали,
Не суди же покорных рабов,
Но скажи, чтобы мы разметали
Этих низких и злобных волков.

Г о н д л а

Я король в небесах, я изведал,
Полюбил огнекрылую боль,
Но вам истину Груббе поведал,
Что в Ирландии я не король.

В о ж д ь

Наступили тяжелые годы,
Как утратили мы короля,
И за призраком легкой свободы
Погналась неразумно земля.
Мы наскучили шумом бесплодным,
И был выбран тогда наконец

Королем на собраньи народном
Вольный скальд, твой великий отец.
Он нам дал небывалую славу
И когда наконец опочил,
Пурпур мантии, скипетр, державу
Он тебе передать поручил.

Надевает на Гондлу мантию, передает ему скипетр и державу.

Г р у б б е

Мы еще не слыхали об этом.

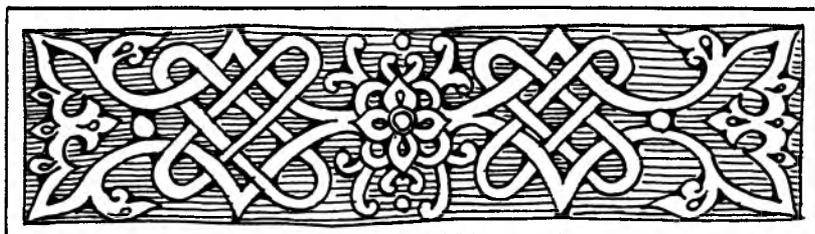
Л а г е

Значит, все-таки Гондла король,
И корона пронизана светом
На кудрях его, черных, как смоль.

А х т и

Ах, двойному заклатью покорный,
Музыкальный, магический ход
Или к гибели страшной и черной,
Или к славе звенящей ведет.

Входит конунг.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Те же и конунг.

Конунг

Гондла здесь? Не отправился в море?
Не утратили мы короля?
Так зачем же вещало мне горе
Сердце, старое сердце, боля?
Дождь над замком пролился кровавый,
Плавал в воздухе столб огневой,
Перед дверью орел величавый
Пал, растерзанный черной совой.
Эти страшные знаменья ясно
Говорят неземным языком,
Что невинный был изгнан напрасно
И судим был неправым судом.

Гондла

Нет, я звездный король и надзвездный,
Что земле я и что мне земля?
Лебедям короли бесполезны,
И не надо волкам короля!

Груббе

Королевич, старинные были

Затуманили наши умы,
Мы тебя беспощадно травили,
И о правде не ведали мы.
Ты был мальчиком, ныне стал мужем,
И корона, корона — твоя.
Мы тебе так охотно послужим
Острием боевого копыя.

А х т и

Правда, Ахти не сыщешь лукавей,
Но прошу о пощаде и я.
Вспомни, Гондла, к короне и славе
Привела тебя лютя моя.
Под знаменами станет твоими
Вся ночная громада волков,
И, клянусь, с лебедями такими
Даже я подружиться готов.

Л а г е

Ты мне друга и брата милее,
Я не знаю и сам, почему,
Ты как будто славнейших славнее
И уже непостижен уму.
Если скажешь: в нелепое веруй! —
Тотчас волю исполню твою,
Никогда не увижу я Леру,
Если хочешь, себя я убью.

С н о р р е

Гондла, Гондла, на все преступленья
Королевскую милость пролей,
Знай, ты можешь простить оскорбленье,
Нанесенное Лере твоей.
Брат с сестрой вы. Морские пираты

Вашу мать в этот край завезли,
Для нее и Гер-Педер когда-то
Взял тебя из ирландской земли.
Все, я помню, она тосковала
И грустила она день и ночь,
Все, я помню, крестить умоляла
Здесь от волка рожденную дочь.
Королевич, подумай, что б стало,
Если б Лера твоею была.
Наша злоба вас двух сохраняла
От богам нестерпимого зла.

В о ж д ь

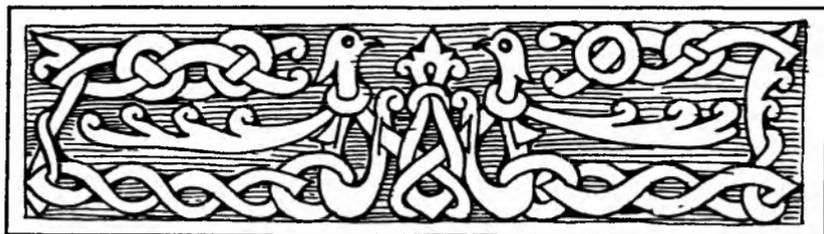
Поднимается ветер вечерний,
За утесами видно луну,
И по морю из ртути и черни
Мы отправимся в нашу страну.
Не прощают, мы ведаем сами,
За такие обиды и боль,
Хоть союза волков с лебедями
И хотел наш покойный король.

Г о н д л а

Совершилось, я в царской порфире,
Три алмаза в короне горят,
О любви, о прощенье, о мире
Преодо мною враги говорят.
Неужели отныне я стану
Властелином на двух островах,
Улыбаясь в лицо океану,
Что их держит на крепких стеблях?
Или просто к стране лебединой,
К милым кленам и розам уйду,
На знакомые сердцу равнины,
О которых я плакал в бреду?

Нет! Мне тягостно, жалко чего-то,
Я о чем-то великом забыл,
И, как черная птица, забота
Грусть навяла взмахами крыл

Показывается Л е р а, прячущаяся за деревьями

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Те же и Лера

В о ж д ь

Странный лес, всюду шорохи, стоны,
Словно духи в нем бродят всегда;
Вон в траве промелькнуло зеленой
Это женщина... женщина, да!

Выводит Леру за руку

К о н у н г

Это Лера?

А х т и

Я требую казни!
Лера милою Гондлы была,
А смеялась над ним без боязни,
С нами ела и с Лаге пила.

Г р у б б е

Если женщина мужа не любит,
Эту женщину должно убить!

С н о р р е

Всякий радостно злую погубит,
Только... Гондлу бы надо спросить.

Л е р а

(простирая руки к Гондле)

Брат, жених, я тебя умоляю,
Отправляйся с твоими людьми
К лебединому, к белому раю
И корону, корону прими.
А меня, бесконечно чужую
Мысли, сердцу и сну твоему,
Посади меня в башню глухую,
Брось в глубокую яму-тюрьму.
Только так, чтоб вечерней порою
Я слыхала, как молишься ты.
Будет звездами, солнцем, луною
Этот звук для моей слепоты.

Г о н д л а

Вспомнил, вспомнил! Сиянье во взоре,
Небо в лунной волшебной крови
И взволнованный голос, и море,
Да, свободное море любви!
Новый мир, неожиданно милый,
Целый мир открывается нам,
Чтоб земля, как корабль светлокрылый,
Поплыла по спокойным водам.

(Берет у вождя меч и поднимает его рукоятью вверх.)

Лера, конунг и волки, сегодня,
В день, когда увенчали меня,
Я крещу вас во имя Господне,

Как наследников Вечного Дня.
Белым лилиям райского сада
Будет странно увидеть волков...

К о н у н г
(отступая)

Нет, нам нового Бога не надо!
Снорре, Груббе и Ахти,
Мы не выдадим старых богов.

Г о н д л а

Вы колеблетесь? Лаик, скорее!
Лаик, слышишь архангельский хор?

Л е р а

Ах, мне Бальдера жалко и Фрей,
И мне страшен властительный Тор.

Г о н д л а

Вы отринули таинство Божье,
Вы любить отказались Христа,
Да, я знаю, вам нужно подножье
Для его пресвятого креста!

(Ставит меч себе на грудь.)

Вот оно. Я вином благодати
Опьянился и к смерти готов,
Я монета, которой Создатель
Покупает спасенье волков.

(Закалывается.)

Лаик, Лаик, какое бессилье!
Я одну тебя, Лаик, любил...
Надо мною шумящие крылья
Налетающих ангельских сил.

(Умирает.)

СЦЕНА ПЯТАЯ

Те же перед трупом Гондлы

В о ж д ь

(наклоняясь над трупом)

Меч пришелся по жизненной жиле,
И ему не поднять головы.

(К исландцам.)

Одного лебеденка убили,
А другого замучили вы

(Поднимая меч рукоятью вверх.)

Подходите, Христовой любовью
Я крещу, ненавидящих, вас
Ведь не даром невинною кровью
Этот меч обагрился сейчас.

Исландцы подходят один за другим, целуя рукоять меча

К о н у н г

Гондла добыл великую славу
И великую дал нам печаль.

С н о р р е

Да, к его костяному составу
Подмешала природа и сталь.

Г р у б б е

Я не видел, чтоб так умирали
В час, когда было все торжеством.

Л а г е

Наши боги поспорят едва ли
С покоряющим смерть божеством

А х т и

(прячась за других)

Нет, мне страшны заклатья эти
И в небесный не хочется дом,
Я, пожалуй, десяток столетий
Проживу и земным колдовством.

(Скрывается)

В о ж д ь

(к Лере)

Что же, девушка? Ты отступила?
Ты не хочешь Нетленного Дня?

Л е р а

Только Гондлу я в жизни любила,
Только Гондла окрестит меня.

В о ж д ь

Гондла умер.

Л е р а

Вы знаете сами,
Смерти нет в небесах голубых.
В небесах снеговыми губами
Он коснется до жарких моих.
Он — жених мой и нежный и страстный,
Брат, склонивший задумчиво взор,
Он — король величавый и властный,
Белый лебедь родимых озер.
Да, он мой, ненавистный, любимый,
Мне сказавший однажды: люблю! —
Люди, лебеди иль серафимы,
Приведите к утесам ладью.
Труп сложите в нее осторожно,
Легкий парус надуется сам,
Нас дорогой помчав невозможной
По ночным и широким волнам.
Я одна с королевичем сяду,
И руля я не брошу, пока
Хлещет ветер морскую громаду
И по небу плывут облака.
Так уйдем мы от смерти, от жизни.
— Брат мой, слышишь ли речи мои? —
К неземной, к лебединой отчизне
По свободному морю любви.

Вражий питомец

Редактор
Н. Будур

Художественный редактор
Т. Хрычёва

Технический редактор
Н. Привезенцева

Корректор
Т. Иванова

Компьютерная верстка
Т. Дианова

ЛР № 030129 от 23.10.96 г.
Подписано в печать 07.05.98 г.
Гарнитура Миньон. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 17,06. Цена 23 р. 10 к.
Цена для членов клуба 21 р.

ТЕРРА—Книжный клуб.
113184, Москва, Озерковская наб.,
18/1, а/я 27.

Вражий питомец

- В81** А. Вельтман. Светославич, вражий питомец: Диво времен Красного Солнца Владимира; Арфа скальда: Стихи русских поэтов о севере; А. Майков. Бальдур: Песнь о солнце, по сказаниям Старшей Эдды. Н. Гумилев. Гондла / Вступ. ст. Н. Будур, И. Панкеева. — М.: ТЕРРА—Книжный клуб, 1998. — 352 с.: ил. — (Викинги).

ISBN 5-300-01888-0

В последнюю книгу серии «Викинги» вошли роман члена-корреспондента Академии наук, директора Оружейной палаты, классика русской литературы А Вельтмана о женитбе русского князя на шведской королевне времен викингов Ингегерд и стихи русских поэтов о Севере

УДК 882

ББК 84 (2Рос=Рус)

В серии

VIKINGAR

вышли:

Королевское зеркало
Мечи Севера
Девы битв
Хёвдинг Нормандии
Рьжий Орм
Тризна по женщине
Гроза Византии
Гарольд Английский
Русь и норманны
Вильгельм Завоеватель
Винланд
Конунг
Норманны в Византии
Эрик сын человека
Фритьоф Смелый
Фантастическая сага
Корни Иггдрасиля
Наследие конунгов

vikings

Вышли из печати:

«КОРНИ ИГГДРАСИЛЯ»

«Боевые раны до костей, праздничные здравицы допьяна, струны, лопающиеся под рукой вспылившего певца, кольчуга, разрывающаяся от порывистого дыхания разгневанного витязя...

Бесстрашное, презирающее смерть мужество, суровая доблесть и бодрая жизнерадостность; миросозерцание в высшей степени положительное и деятельное; и как идеал посмертного блаженства — не туманные чертоги расплывчатого созерцательного рая, а крытая золотыми щитами Валгалла, где властитель богов наделяет своих избранных добрым оружием и ежедневно водит их в битву, чтобы после жаркого боя вернуться в светлый чертог для веселого пира, для жен и мудрых бесед...» («Старшая Эдда»)

Таким был мир викингов, такими были и их предания, песни о богах и героях, хвалебные песни...

В очередной том нашей серии вошли лучшие образцы литературы «эпохи викингов» — избранные песни «Старшей Эдды», отрывок из «Младшей Эдды», некоторые саги и пряди об исландцах и, конечно, скальдическая поэзия.

Издание рассчитано на широкого читателя и снабжено комментариями.

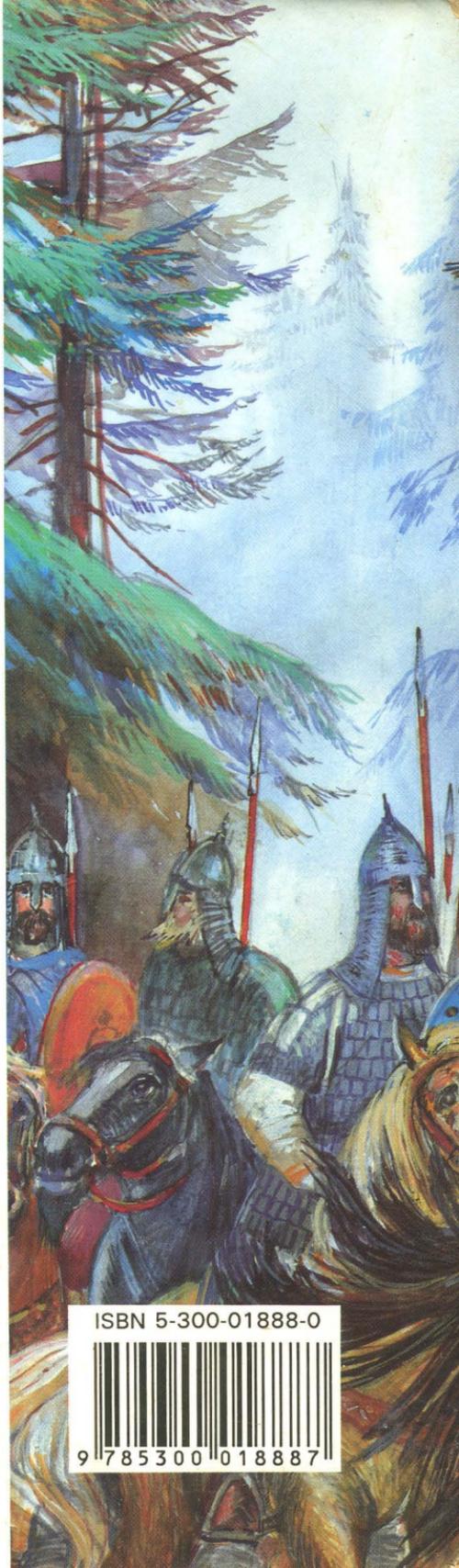
vikings

ВИКИНГИ

О арфа скальда!
Долго ты спала
В тени, в пыли
забытого угла;
Но лишь луны,
очаровавшей мглу,
Лазурный свет блеснул
в твоём углу,
Вдруг чудный звон
затрепетал в струне,
Как бред души,
встревоженной во сне.

Федор Тютчев

Впервые в мировой книгоиздательской практике «ТЕРРА» издает серию «ВИКИНГИ», в которой представляет литературные произведения, повествующие о славных подвигах и приключениях морских разбойников Средневековья.

ISBN 5-300-01888-0

9 785300 018887